

ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ

НА ЛЕДОКОЛЕ

«КРАСИН» – 2016

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРКТИКЕ:

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Министерство культуры Российской Федерации

ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ

НА ЛЕДОКОЛЕ «КРАСИН» – 2016

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРКТИКЕ:
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ
И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Филиал Музея Мирового океана
в Санкт-Петербурге – «Ледокол «Красин»

ИЗДАНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПАО «СОВКОМФЛОТ»

Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г.

УДК 719
ББК 79.0
П547

Ответственный редактор: Филин П. А., к. и. н.
Редактор выпуска: Емелина М. А., к. и. н.

Редакционная коллегия:

Боярский В. И., к. физ.-мат. наук.
Боярский П. В., д. и. н., к. физ.-мат. н.
Головнёв А. В., член-корреспондент РАН, д. и. н.
Дукальская М. В.
Емелина М. А., к. и. н.
Филин П. А., к. и. н.
Фролов С. В.
Шумкин В. Я., к. и. н.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Библиотека «Совкомфлота»

Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г.). – Москва: Издательство «Паулсен», 2017. – 296 с., илл. – 54.

ISBN 978-5-98797-158-1

В сборнике представлены материалы Полярных чтений, проведённых Филиалом Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол «Красин» в 2016 г., посвящённые теоретическим и практическим вопросам изучения, сохранения и популяризации культурного наследия Арктики.

ISBN 978-5-98797-158-1

© Коллектив авторов, 2017
© Музей Мирового океана, 2017
© «Паулсен», макет, 2017

Резолюция научно-практической конференции «Полярные чтения на ледоколе “Красин” – 2016.

Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации».
Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г.

В рамках четвёртых Полярных чтений на ледоколе «Красин» 28–29 апреля 2016 г. состоялась научно-практическая конференция «Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации».

В работе конференции приняли участие 40 докладчиков и более 80 слушателей.

Были представлены и обсуждены доклады, посвящённые проблемам выявления, изучения, сохранения и популяризации историко-культурного и природного наследия в Арктике. Выявлены слабоизученные темы и актуальные тренды, связанные с культурным наследием в Российской Арктике. Участники конференции отметили, что повышение интереса к Арктике влечёт усиление интереса к её историческому, культурному и природному наследию как внутри государства, так и на международном уровне, особо отметили, что объекты арктического наследия являются важнейшим ресурсом для развития туристской деятельности. Участники отметили, что в последние годы достигнуты определённые успехи в области вовлечения объектов историко-культурного наследия в сферу государственной политики – при участии Национального парка «Русская Арктика» поставлен на государственный учёт ряд памятников в высокоширотной Арктике. Тем не менее сохраняется значительная

диспропорция малого числа выявленных и поставленных на государственную охрану объектов культурного наследия по сравнению со значительно большим количеством подобных памятников в других регионах. Кроме того, в настоящее время растут риски утраты объектов культурного и природного наследия в Арктике ввиду отсутствия действенной системы сохранения, а также вследствие глобальных природно-климатических процессов. Значительное внимание в докладах было уделено теме коренных малочисленных народов Севера. Было подчёркнуто, что их уникальные знания и технологии формируют мощный пласт нематериальной культуры, требующей заботы и особого отношения.

Конференция прошла в развитие решений Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации № 3(12) от 24 октября 2014 г. в Архангельске о разработке Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗРФ).

Участники конференции выработали и обсудили рекомендации и обращения к органам власти, научно-исследовательским организациям и иным заинтересованным сторонам. Участники считают необходимым:

1. Просить Государственную комиссию по вопросам развития Арктики создать Рабочую группу по культурному наследию Арктики, которая на межведомственном уровне (Минкультуры России, Минобрнауки России, Минобороны России, Минприроды России, ФСБ, МЧС, РАН, АКМНС и др.) будет координировать вопросы изучения, сохранения, использования и популяризации историко-культурного наследия, и включить в её состав представителей экспертного сообщества.

2. Рекомендовать Государственной комиссии по вопросам развития Арктики проработать возможность создания Фонда сохранения историко-культурного и природного наследия Арктики за счёт отчислений хозяйствующих в АЗРФ субъектов.

3. Просить Государственную комиссию по вопросам развития Арктики содействовать в проведении скоординированной работы по подготовке и публикации обобщающих трудов по источниковедению, истории, археологии и этнологии Арктики.

4. Просить Государственную комиссию по вопросам развития Арктики содействовать в проведении периодических научных конференций по истории освоения и исследования Арктики, а также

рассмотреть возможность создания периодического научного издания «Историко-культурное наследие Арктики».

5. Просить Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова в соответствии с решением МВК по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации № 3(12) от 24 октября 2014 г. интенсифицировать работу над проектом Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктике.

6. Просить Минкультуры России, Минобразования России, субъекты АЗРФ поддержать работу по подготовке Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктике.

7. Просить Государственную комиссию по вопросам развития Арктики рассмотреть разработанную Концепцию сохранения культурного наследия Арктики.

8. Рекомендовать Минкультуры России разработать программу, преемственную «Программе нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы», и включить в неё вопросы, связанные с выявлением и сохранением нематериального наследия Арктики.

9. Рекомендовать Правительству Российской Федерации интенсифицировать процесс по присоединению Российской Федерации к Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального наследия.

10. Рекомендовать Минкультуры России поддержать номинацию «Кочевые традиции народов Арктики» («Традиции северного оленеводства») в рамках Конвенции об охране нематериального наследия.

11. Рекомендовать Минкультуры России и субъектам АЗРФ (министерства и департаменты культуры регионов) активизировать работу по выявлению и постановке на учёт объектов культурного наследия в Арктике и предусмотреть их финансовое обеспечение.

12. Рекомендовать Минкультуры России и субъектам АЗРФ поручить профильным организациям и экспертам разработать и опубликовать (в т. ч. в электронной форме) Свод объектов культурного наследия Арктики.

13. Рекомендовать Минкультуры России сформировать Реестр туристских ресурсов Арктики и привлечь экспертов и профильные учреждения, занятые в сфере изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия Арктики.

14. Рекомендовать Минкультуры России и музеям арктической тематики сформировать проект «Виртуальный музей Арктики»,

включая создание объединённой базы данных всех музейных коллекций.

15. Рекомендовать Минприроды России предусмотреть в штатном расписании ООПТ должность специалиста по историко-культурному наследию.

16. Просить разработчиков федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» учесть в законопроекте вопросы, связанные с охраной и сохранением культурного наследия в Арктике.

17. Рекомендовать Минкультуры России включить в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации по серийной номинации «Петроглифы России» один из крупнейших центров древнего наскального искусства Северной Европы – археологический комплекс «Петроглифы Канозера» (Мурманская область) с последующим номинированием его на включение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

18. Рекомендовать Минкультуры России включить в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации археологический памятник «Китовая аллея» (Чукотский АО).

19. Рекомендовать ФАНО России, Минэкономразвития России принять реальные меры по изучению и сохранению культурного наследия Арктики в рамках «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» и предусмотреть соответствующее финансовое обеспечение работ.

20. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга рассмотреть возможность создания в городе современного Арктического музейно-выставочного центра.

21. Поддержать предложение о целесообразности создания единого Национального парка на полуостровах Средний и Рыбачий (Мурманская область) вместо учреждённого Правительством Мурманской области природного парка регионального значения с крайне «урезанными» территориальными зонами.

22. Рекомендовать комитету по культуре и искусству Мурманской области провести работы по постановке на государственный учёт памятника истории мореплавания – плиты с надписями российских и иностранных мореходов XVI–XIX вв. на острове Аникеев в Баренцевом море и комплекса древних наскальных изображений (петроглифы) Чальмн-Варрэ на реке Поной.

23. Предложить музеям арктической тематики в целях развития сотрудничества, координации процесса документирования истории Арктики, реализации совместных выставочных проектов создать Ассоциацию арктических музеев.

24. Обратить внимание Правительства Российской Федерации на необходимость сохранения уникального природного наследия Соловецких островов и взять за основу для его сохранения проект Минприроды России по созданию федерального заказника «Соловецкий архипелаг».

Резолюция принята участниками конференции 29 апреля 2016 г.

АЛЁХИН В. Д., БЕРТОШ А. А.

Объекты культурного наследия, связанные с Великой Отечественной войной, на территории Мурманской области

ALEKHIN V. D., BERTOSH A. A.

Cultural heritage sites connected with Great
Patriotic War in Murmansk region

Сведения об авторах:

Алёхин Виталий Дмитриевич, ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей», отдел по изучению и популяризации историко-культурного наследия Мурманской области, заведующий
e-mail: nasledie.mo@mail.ru

Бертош Андрей Александрович, ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей», отдел по изучению и популяризации историко-культурного наследия Мурманской области, научный сотрудник
e-mail: bertosh.andrei@yandex.ru

Authors:

Alekhin Vitalii Dmitrievich, Murmansk Regional Museum of Local Lore, Department of studying and popularization of historical and cultural heritage of Murmansk region, Head of Department
e-mail: nasledie.mo@mail.ru

Bertosh Andrey Aleksandrovich, Murmansk Regional Museum of Local Lore, Department of studying and popularization of historical and cultural heritage of Murmansk region, research fellow
e-mail: bertosh.andrei@yandex.ru

Аннотация:

В статье даётся краткий обзор типологии и местоположения военно-мемориальных объектов в регионе. На основе практического опыта рассматриваются особенности сохранения, изучения и популяризации объектов культурного насле-

дия, связанных с Великой Отечественной войной, расположенных на территории Мурманской области. Делается попытка очертить потенциальные пути взаимодействия государства, муниципалитетов и общества в деятельности по сохранению историко-культурного наследия. Намечаются перспективы и возможные проблемы популяризации памятников военной истории, их актуализации в современных социальных условиях.

Abstract:

The article gives a brief overview of the typology and location of military memorial sites in the region. Basing on practical experience are considered different features of the preservation, studying and popularization of objects of cultural heritage connected with Great Patriotic War and located in Murmansk region. Authors make an attempt to outline potential ways of cooperation between the state, municipalities and society in the conservation of historical and cultural heritage and also prospects and problems of the popularization of military history sites, their actualization in modern social conditions.

Ключевые слова:

историко-культурное наследие, объекты культурного наследия, памятники военной истории, Великая Отечественная война, Мурманская область.

Keywords:

historical and cultural heritage, objects of cultural heritage, monuments of military history, Great Patriotic War, Murmansk region.

Важнейшая роль Великой Отечественной войны в истории российской государственности и её ключевое значение для формирования современной гражданской идентичности определяют ценность связанных с ней памятников и территорий. Объекты военно-исторического наследия региона, являясь материальными артефактами местной истории, содействуют её пониманию в качестве неотъемлемой части истории общегосударственной. Некоторые из них стали в каком-то смысле туристическими брендами, известными за пределами области и активно размещаемыми на сувенирной продукции. Особенно актуализируется значение памятников Великой Отечественной войны в контексте сегодняшних культурных и социально-политических вызовов.

В Мурманской области принят на государственную охрану 51 памятник, имеющий отношение к Великой Отечественной войне (около 12% от общего числа объектов культурного наследия

в регионе), из них: один объект культурного наследия федерального значения, 47 – регионального и три выявленных объекта культурного наследия. Расположены данные памятники на территории семи муниципальных образований (Печенгский район – 24 объекта, ЗАТО г. Североморск – 8, Кольский район – 6, г. Мурманск – 5, ЗАТО Александровск – 3, Кандалакшский район – 3, ЗАТО г. Заозёрск – 2) и относятся к различным типам, в том числе: мемориальные сооружения на братских могилах и в местах захоронений – 20; памятники в местах, связанных с историческими событиями, – 6; мемориальные комплексы – 4 и т. д.

Местоположение и типо-видовая принадлежность указанных объектов культурного наследия во многом обусловлены ходом военных действий на Кольском Севере. Наибольшее количество памятников расположено на территории Печенгского района, где шли масштабные бои. Значительная часть объектов, принятых на государственную охрану, находится в закрытых административно-территориальных образованиях, где в период Великой Отечественной войны действовали крупные морские и авиационные базы. Ряд памятников располагается вблизи побережья Баренцева моря, свидетельствуя о боевой активности Северного флота и десантных операциях.

Сохранение объектов культурного наследия на территории региона в правовом отношении регулируется ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹ и Законом Мурманской области «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Мурманской области»².

Правовыми основаниями принятия рассматриваемых объектов на государственную охрану являются соответствующие решения органов власти. Данные акты хронологически относятся к периоду с 1960 по 2015 г.³ Практически все памятники, за исключением од-

1. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (с изм. и доп. на 09.03.2016 г.).

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Мурманской области: Закон Мурманской области от 26.10.2006 г. № 801-01-ЗМО (с изм. и доп. на 03.07.2015 г.).

3. Последнее решение о принятии подобного объекта на государственную охрану (по состоянию на 14.03.2016 г.) – распоряжение Комитета по культуре и искусству Мурманской области от 24.06.2015 г. № 3 «О внесении в перечень выявленных объектов культурного наследия Памятника героям-подводникам Северного флота, посвящённого прорывам подводников в гавань Лиинахамари в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

ного объекта культурного наследия федерального значения⁴, поставлены на охрану региональными органами исполнительной власти. Объекты, отнесённые к категории местного (муниципального) значения, в Мурманской области отсутствуют. Все объекты культурного наследия в регионе, имеющие отношение к Великой Отечественной войне, приняты на государственную охрану в качестве памятников, ни один из них не причислен к ансамблям или достопримечательным местам.

Вместе с тем памятники, признанные объектами культурного наследия, – это лишь небольшая часть от общего числа военно-мемориальных сооружений, относящихся к Великой Отечественной войне, которых на территории Мурманской области насчитывается более 400. По итогам масштабной инвентаризации, проходившей в рамках региональной целевой программы⁵, многие из них были признаны «объектами, представляющими собой историко-культурную ценность» и рекомендованы к постановке на государственную охрану. Но до принятия органами власти соответствующих решений деятельность, связанная с такими объектами, регулируется другими законодательными актами⁶ и пересекается с вопросами сохранения культурного наследия только частично.

Проведение исследовательской работы, целями которой являются, в том числе, подготовка материалов для разработки предметов и зон охраны рассматриваемых объектов культурного наследия и определения границ их территории, имеет свою специфику.

Многие памятники находятся в местах, доступ к которым затруднён даже в летние месяцы, а со второй половины осени до конца весны практически невозможен. Ряд из них оказался в удалении от активно используемых маршрутов в связи с упразднением населённых

4. Памятник героям-подводникам Северного флота, павшим в борьбе с немецкими захватчиками (расположен в г. Полярном, автор Кербель Л. Е.) принят на государственную охрану Постановлением Совета Министров РСФСР. См.: О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 (с изм. и доп. на 14.02.2009 г.).

5. Об утверждении региональной целевой программы «Инвентаризация объектов недвижимого имущества – памятников истории и культуры, относящихся к государственной собственности Мурманской области, в 2006–2007 гг.»: постановление Правительства Мурманской области от 29.07.2005 г. № 304-ПП/9 (с изм. и доп. на 26.07.2007 г.).

6. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон Российской Федерации от 14.01.1993 г. № 4292-1 (с изм. и доп. на 05.04.2013 г.); Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ (с изм. и доп. на 04.11.2014 г.).

пунктов и ликвидацией либо передислокацией воинских частей, на территории которых они располагались. Зачастую у подобных объектов отсутствуют собственник, балансодержатель или шефствующая организация. Очевидно, что указанные обстоятельства не способствуют сохранности памятников и затрудняют их исследование и мониторинг текущего состояния.

Документы региональных органов власти советского периода, касающиеся постановки объектов на государственную охрану, имеют ряд особенностей. Во-первых, в данный момент затруднительно установить основания принятия на охрану некоторых памятников, хотя схожие и даже идентичные объекты зачастую на охране не находятся. В документации, сопровождающей решения государственных органов, в большинстве случаев не конкретизировано, в чём заключается историко-культурная ценность объекта. Во-вторых, в постановлениях того времени о принятии памятников на охрану (отпечатанных на машинке, иногда с рукописными правками) встречаются ошибки, опечатки и неточности, притом что каждое слово таких документов имеет формальную юридическую силу. Для решения этой проблемы приходится либо прибегать к методам интерпретации текста, либо проводить исследование с привлечением широкого круга дополнительных источников – архивных материалов, кино-, фотохроники, подшивок периодической печати, свидетельств очевидцев и т. д. Необходимо также отметить, что в Мурманской области советские документы о постановке объектов на охрану и установлении их охранных зон крайне редко сопровождаются иллюстративными и картографическими материалами.

Свою специфику государственной охраны имеют памятники и памятные знаки на братских могилах и в местах захоронений. Их наименования сформулированы в решениях о принятии на охрану следующим образом: «обелиск на захоронении», «обелиск на братской могиле», «памятник на братской могиле», «стела на захоронении», «обелиск на воинском кладбище»⁷, «братская могила», «воинские захоронения», «захоронение»⁸ и т. п. Основанием постановки

7. О постановке на государственную охрану памятников истории и культуры Печенгского района и г. Североморска с территорией, подчинённой горсовету: решение Исполнительного комитета Мурманского областного Совета народных депутатов от 03.06.1988 г. № 187.

8. О принятии под государственную охрану памятников местного значения, связанных с Великой Отечественной войной и историей края: решение Исполнительного комитета Мурманского областного Совета народных депутатов от 10.04.1985 г. № 178.

на государственную охрану таких объектов является в первую очередь их историческое и мемориальное значение, а не художественная ценность самих памятников, которые зачастую являются типовыми. Исходя из этого основной частью предмета охраны подобного объекта должно быть само захоронение и его существующее местоположение. Вместе с тем следует учитывать и необходимость охраны мемориального знака, упомянутого в акте органа власти, находя разумный компромисс между сохранением его исторического облика и возможностью благоустройства памятника в дальнейшем. Кроме того, необходимо отметить сложность, а порой и невозможность, проверки информации о количестве погребённых, указанной в наименованиях некоторых объектов культурного наследия («Захоронение (более 40 могил) советских воинов, погибших в 1941–1944 гг.», «Воинские захоронения погибших в 1941–1944 гг. (31 могила)»⁹ и т. д.), приведённых в решениях о постановке на государственную охрану.

Определённые проблемы наблюдаются и при изучении памятников, находящихся в местах, связанных с историческими событиями («Обелиск на месте боя 6-й героической комсомольской батарее»¹⁰, «Обелиск на месте гибели отряда разведчиков под командованием А. Я. Юневича» и т. д.), так как в настоящее время затруднительно документально подтвердить, что расположение объекта точно соответствует заявленному месту.

Деятельность по сохранению памятников военной техники (танки, артиллерийские орудия и т. п.), являющихся объектами культурного наследия или их составными частями, имеет свои особенности, и зачастую невозможна без обращения к профильным экспертам, которые отсутствуют в штате региональных органов исполнительной власти и учреждений культуры. Привлечение сторонних специалистов возлагает на областной бюджет дополнительные расходы. Помимо этого, существуют трудности с поиском аутентичных запчастей для такой техники.

Значительная часть военно-мемориальных объектов на данный момент нуждается в капитальном ремонте. Многие памятники,

9. О принятии под государственную охрану памятников местного значения, связанных с Великой Отечественной войной и историей края: решение Исполнительного комитета Мурманского областного Совета народных депутатов от 10.04.1985 г. № 178.

10. Об утверждении списка памятников истории и культуры Мурманской области, подлежащих охране как памятники местного значения: решение Исполнительного комитета Мурманского областного Совета депутатов трудящихся от 05.06.1968 г. № 29.

связанные с Великой Отечественной войной, были сооружены непосредственно в военное время и первые послевоенные годы из недолговечных материалов. Помимо того, негативное воздействие на их состояние оказывают климатические условия Арктической зоны.

Органы муниципальной власти, в собственности которых находится ряд подобных объектов, пытаются, опираясь на собственные ресурсы, решать задачи по восстановлению и благоустройству мемориалов, но зачастую средств хватает только на проведение текущего ремонта, носящего ситуационный характер и связанного с подготовкой к различным юбилейным и памятным датам.

Организация ремонтно-реставрационных работ на памятниках военной истории является одной из важнейших задач в деле их сохранения и требует постоянного государственного внимания и поддержки. Реализация на уровне областных органов исполнительной власти целевых программ по данному направлению позволит обеспечить муниципалитеты финансовыми средствами на проведение капитальных ремонтных работ, благоустройство территории и дальнейшее содержание мемориалов.

Представляется, что сохранение объектов культурного наследия будет осуществляться наиболее эффективно при объединении усилий власти и общества. Позитивным примером подобного взаимодействия была деятельность в советский период Мурманского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. К такой работе следует привлекать администрации муниципальных образований региона, в том числе путём расширения практики присвоения памятникам категории объектов местного (муниципального) значения. Также необходимо актуализировать опыт советских времен и более активно развивать шефство различных организаций и предприятий над памятниками военной истории, особенно над объектами, у которых на сегодняшний день нет собственника.

Признавая важность и полезность проявлений гражданской сознательности, направленной на сохранение памяти о Великой Отечественной войне, необходимо упомянуть, что порой активизм, сочетаясь с правовым нигилизмом, может нанести и вред историко-культурному наследию. На территории региона известны случаи, когда участниками поисковых отрядов, занимающихся поиском и перезахоронением останков советских солдат, совершались попытки перенесения стоящих на государственной охране захоронений, обнаруженных ими вдали от населённых пунктов, в более «подходящие»,

с их точки зрения, места. Другой случай, получивший широкую огласку, связан с мемориальной экспедицией, проводившейся Тюменской общественной организацией, в ходе которой на ряде памятников, имеющих статус объектов культурного наследия регионального значения, были закреплены ни с кем не согласованные таблички¹¹.

Важным направлением деятельности, связанной с объектами культурного наследия, является их популяризация. Одним из условий отнесения артефактов прошлого к историко-культурным ценностям является осознание их обществом в данном статусе. На практике часто приходится сталкиваться с тем, что люди, даже прожившие на одном месте несколько десятилетий, имеют очень поверхностное представление о памятниках региона, в том числе о тех, которые находятся в непосредственной близости от их дома. В данной ситуации большое значение приобретает актуализация наследия, то есть его «включение... в современную культуру путём активизации социокультурной роли памятников и их интерпретации»¹². Стоит отметить, что популяризация культурного наследия имеет и негативную сторону, так как увеличение потока туристов повышает риски для его сохранности. С этой проблемой уже столкнулся природный парк регионального значения «Полуострова Рыбачий и Средний», в котором находится значительное количество памятников истории, в том числе связанных с Великой Отечественной войной.

Историко-культурное наследие региона, имеющее отношение к Великой Отечественной войне, обладает значительным потенциалом как с точки зрения формирования гражданско-патриотического сознания населения, так и с позиции развития военно-исторической туристской привлекательности региона¹³. Презентация для широких слоёв населения объектов военного наследия и музеефикация мемориальных комплексов могут открыть перед регионом новые перспективы.

11. Экспедиция–2015 «Огненными вёрстами Победы». URL: <https://vk.com/expedition2015ovr> (дата обращения: 10.03.2016).

12. Свичкарь И. Г. Теоретико-методологические основы сохранения историко-культурного наследия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12 (303). История. Вып. 55. С. 92.

13. Иванов А. А. Военно-историческое наследие как фактор социально-экономического развития региона // Военно-юридический журнал. 2008. № 11. С. 20–22.

БАРЫШЕВ И. Б.

Святылища острова Вайгач

BARYSHEV I. B.

The sanctuaries of the Nenets on Vaigach

Сведения об авторе:

Барышев Илья Борисович, заместитель руководителя Центра «Морская арктическая комплексная экспедиция и морское наследие России» Института наследия (Москва)

arct34@mail.ru

Author:

Baryshev Ilya Borisovich, Deputy Head of the Center “Marine Arctic Integrated Expedition and Maritime Heritage of Russia” of the Heritage Institute (Moscow)

arct34@mail.ru

Аннотация:

В статье рассказывается о святылищах ненцев на острове Вайгач и истории их изучения. Проводится связь между наличием святылищ и местными топонимами. Характеризуется вещевой мир святылищ, приводятся аналогии с этнографическими данными. Автор выделяет три хронологических периода существования святылищ: 1) рубеж эр – конец I тыс. н. э.; 2) конец I тыс. н. э. – XIV в.; 3) XVII – нач. XX в. Первые два периода можно соотнести с существованием на острове святылищ древних насельников, культура которых генетически связана с культурой предуральских и нижеобских племён. Третий период – это ненецкий период существования святылищ, который представлен самым большим их количеством.

Abstract:

The article discusses the sanctuaries of the Nenets on Vaigach island and the history of their study. The author makes the link between sanctuaries locations and the existence of place names. Also the author characterizes different attributes of sanctuaries, and makes links to ethnographic data. The author distinguishes three chronological periods of existence sanctuaries: 1. The turn of eras – the end of I millennium BC; 2. The end of the I millennium AD. – XIV cent.; 3. XVII – beginning of the XXth centuries. The

first two periods can be correlated with the existence of the island sanctuary of ancient inhabitants, whose culture is genetically linked to the culture of the Ural and the lower Ob river inhabitants. The third period relates with the Nenets sanctuaries and is represented by the largest number of them.

Ключевые слова:

остров Вайгач, религиозные верования, святилище, ненцы.

Keywords:

Vaygach island, religious beliefs, the sanctuary, Nenets.

Первые письменные сведения о святилищах Вайгача, о самоедах и некоторых религиозных обрядах принадлежат английским и голландским мореплавателям и относятся ко второй половине XVI в. Поморы не раз бывали на святилищах острова задолго до западноевропейских путешественников, оставили топонимы этих объектов, частью которых было слово «*болван*», которым они называли идолов: Болванская гора, Болванский Нос, Болванская губа и т. п.

Впервые в российской историографии о вайгачских святилищах, религиозных верованиях и обрядах («*о вере самоедской*») сообщается в Атласе Архангельской губернии 1797 г., где отмечено, что Вайгач является у ненцев «*общественным местом жертвоприношения*»¹. Описание святилищ острова оставили русские исследователи, путешественники и миссионеры XIX в.: штурман И. Н. Иванов², архимандрит Вениамин (Смирнов)³, биолог А. И. Шренк⁴, О. А. Нордквист⁵, художник А. А. Борисов⁶. В 20–30-е гг. XX в. от специалистов экспедиции ОГПУ в некоторые музеи поступают отдельные вещи со святилищ⁷. Есть сведения о неких безымянных святилищах острова в мемуарах

1. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозёрск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 370.
2. Литке Ф. П. Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая земля» в 1821–1824 годах. М., 1948.
3. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1855. Ч. 14. Кн. 3–4.
4. Шренк А. Путешествие по северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам в 1837 г. СПб., 1855. Т. 1.
5. Нордквист О. А. Отчёт Русскому географическому обществу об экспедиции профессора А. Э. Норденшельда на пароходе «Вега» // Русские Арктические экспедиции XVII–XX вв. Л., 1964.
6. Борисов А. А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб., 1907.
7. Хомич Л. В. Коллекция МАЭ по этнографии ненцев // Собрание музея антропологии и этнографии. СМАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 50.

бывших узников ГУЛАГа, которые отбывали срок на острове Вайгач в 30-е г. XX в.⁸

Археологическое изучение острова Вайгач проводилось в 1984–1987 гг. Архангельской археологической комплексной экспедицией Ленинградского отделения Института археологии Академии наук (ЛОИА АН СССР) под руководством Л. П. Хлобыстина (1931–1988). За эти годы Л. П. Хлобыстиным было исследовано пять разновременных памятников, находящихся на побережье и во внутренней части острова. Были раскопаны древние святилища на Болванском Носу и Сиртя-Сале.

Святилища острова Вайгач были маркерами территории семьи, рода, племени, а общенародные святилища играли важную консолидирующую роль в жизни этноса. Нарушение границы культового места чужаками, а тем более осквернение или разгром его могли привести к катастрофическим последствиям для семьи, рода, племени. Поэтому ненцы до сих пор ревностно относятся к своим святыням. Все религиозные обряды, от исполнения которых зависела материальная и духовная сторона жизни, были направлены на выполнение самых главных чаяний – защиту человека от рождения до смерти, поддержание его биологического существования (удача в оленеводстве, охоте, рыболовстве), благосклонность и защиту со стороны духов в различных личных и общественных сторонах жизни.

Святилища как локус «потустороннего мира» обладали маргинальными свойствами, которые выражались в их двойственности – они были местом контактов «этого мира» и «мира духов». Все проезжавшие мимо оставляли что-нибудь на священном месте или приносили в жертву оленя. Сейчас чаще всего оставляют табачные изделия или льют спиртное⁹.

Святилища острова были «прародительским центром», откуда «произошли» главные материковые святилища ненцев. По преданию у Вэсако и Хадако, двух главных идолов острова, было четыре сына, которые разошлись по ненецким тундрам: «Нюхегъ, сын-идол, небольшой утёс на Вайгаче, Минисей, возвышение у Уральского хребта, Ялмал, на западной стороне Обской губы, и Козмин перелесок в Канинской тундре»¹⁰.

Святилища тяготеют к заметным ландшафтным объектам – высоким берегам рек, озёр и морей, горам (рис. 1), сопкам, скальным

8. Барышев И. Б. Языческие святилища острова Вайгач. М., 2011. С. 15–16.

9. Лар Л. А. Культурные памятники Ямала. Хэбидя Я. Тюмень, 2003. С. 48.

10. Вениамин. Указ. соч. С. 125.

Рис. 1. Святилище Большая Болванская гора. МАКЭ, 2000 г.

останцам, карстовым образованиям различного происхождения (пещеры, провалы), одиноким большим камням, необычным отдельным деревьям и целым рощам. Иногда святилища образовывались на местах, связанных с каким-то важным или необычным событием. Часто святилища находятся на пути миграций древних охотников за оленями и на пути ямданий ненцев-оленеводов.

Некоторые топонимы говорят о том, что на территории Вайгача могут находиться культовые памятники как относящиеся к средневековью, так и оставленные ненецким этносом в более поздний период. С большой долей уверенности мы можем сказать, что на сопках, урочищах, реках и других географических объектах, имеющих названия «Болванские», «Болбанские», могут находиться святилища. О наличии культовых мест могут свидетельствовать следующие топонимы:

1. Мифологические: «хэхэ» (дух-покровитель) – например, река *Хэхэяха*, озеро *Хэхэто*; «хэсе» (место духа); «хэбидя» (священный) – *Хэбидя цо*; *порней* (ведьма, чудовище) – *Вылко-порней*; *сиртя* – *Сиртя-сале*; «сядэй» (идол) – *Сядей-яха* (река идолов); «болван», «болбан» (идол) – *Болван-седа* (сопка идолов).

2. Родовые: *Талей-то*, *Талей-яха*, *Талей-седа* (озеро, река, сопка рода Талей) и т. п.

3. Топонимы человеческой деятельности: *Хэкур-седа* (отметка места в виде кучи рогов, дёрна или камней), *Янго-то*, *Янга-яха* (от «янго» – капкан, ловушка) и т. п.

Кроме этого, священные места могут иметь топонимы, обозначающие животных, птиц, рыб, деревья, географические объекты и т. п.

На святилищах Вайгача, посвящённых духам – хозяевам острова, охотники, зверобои и оленеводы проводили умилоостивительные и благодарственные жертвоприношения для удачного проведения промыслов. При совершении религиозных церемоний на святилищах и жертвенных местах острова в ритуальных целях использовались различные категории вещей. Такие культовые предметы составляют *две группы*: предметы *первой группы* использовались только в культовых целях (культовые пластины, амулеты, украшения и т. п.). Причём эти предметы могли быть специально изготовлены для сакральных нужд, но чаще приспособлялись уже готовые вещи. Предметы *второй группы* (предметы труда, охоты, быта и т. п.) в бытовом контексте выступали как обыкновенные вещи, а при вхождении в ритуал становились носителями сакрального смысла. Однако во многих случаях подобное деление носит не-

сколько условный характер. Большинство предметов, найденных на святилищах острова, фрагментарны или намеренно испорчены, что дополнительно свидетельствует о сакральном характере памятников.

Основной и очень характерной категорией находок на средневековых святилищах являются металлические предметы. Часть средневековых металлических изделий происходит из Западной Сибири и Пермской земли. Некоторая часть изготавливалась на месте, о чём свидетельствуют остатки бронзолитейного производства на «поселении югры» Карпова Губа, датируемом VII–X вв.¹¹ Судя по находкам на средневековых святилищах, довольно интенсивными были связи с Волжской Болгарией и Русью, через которые на Крайний Север попадали изделия из Западной Европы и Средней Азии. По мнению О. В. Овсянникова, исследовавшего средневековое святилище на р. Гнилке, «комплекс жертвенных предметов на святилищах в определённой мере отражает реальный ассортимент вещей, которыми пользовались местные племена в повседневной жизни»¹².

Что касается поздних святилищ, то необходимо отметить, что сами ненцы не изготавливали металлических изделий, а покупали их у коми или русских. Пользовались они и металлическими изделиями, привозимыми европейскими купцами в обмен на меха. Ламартиньер свидетельствует, что, отправляясь в торговую поездку по Северному Уралу, они взяли с собой «...золота, серебра и меди, на сумму в 60 000 ливров»¹³. Думается, что эта датская торговая экспедиция была не единственным незаконным контрабандным предприятием в XVI–XVII вв.

Ненцы придавали мистическое значение изделиям из металлов, особенно цветных, которые, по представлениям северных народностей, обладают очистительными свойствами и являются оберегами. Считалось, что блеск металла и его звон отпугивают злых духов *нгылека*. Многие бытовые металлические изделия изначально имели сакральные признаки, поскольку любой металл обладал магическими свойствами. Например, герой одного сказания при помощи *железного посоха*, подаренного ему Хозяином Неба (*Нуву-Ерв*), победил Старуху

11. Хлобыстин Л. П. Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 32.

12. Овсянников О. В. Средневековая Арктика: археологические открытия последних лет // Археологические Вести. СПб., 1994. № 3. С. 128.

13. Ламартиньер П. М. де. Путешествие в Северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев, со многими рисунками. М., 1911. С. 49.

Нга (*Нга-Пухуця*), засунув посох ей в рот¹⁴. Для очищения нечистого предмета достаточно было пропустить его три раза под ручкой медного чайника или другого медного предмета¹⁵. Металлические колокольчики выполняли медиативные функции на могильниках-хальмерах между покойным и посетителем¹⁶.

На ненецких святилищах встречаются жертвенные приклады, состоящие из предметов быта – куски тканей, одежда, фрагменты изделий из кожи, хозяйственная утварь, орудия труда и промыслов и т. п. (рис. 2). Почти все жертвенные предметы – «разноцветное сукно, разные бумажные и шёлковые платки, шерстяные пояски, кольца, мелкие серебряные деньги и обнорядки» – покупались у русских промышленников¹⁷. Железные вещи очень быстро корродируют, и бывает трудно установить их назначение. Это же касается предметов из органических материалов (дерево, кожа, кость), которые разлагаются и исчезают со святилищ. Преобладание металлических предметов на средневековых святилищах объясняется тем, что предметы из органики подвергаются более быстрому разрушению.

В настоящее время на священных местах жертвоприношениями становятся предметы современного быта, не несущие изначально сакральной нагрузки, они приобретают сакральность, будучи принесёнными в дар духам, т. е. попав в сакральное пространство священного места: «Всё, что хоть день пролежало на святилище, перестаёт быть просто вещью»¹⁸.

Необходимо отметить, что все votivные предметы, украшения, предметы вооружения, охоты, быта являются индивидуальными приношениями. Н. М. Терехин выделяет мужские и женские жертвоприношения, относя, в частности, к мужским жертвоприношениям кровавые, к женским – ленты, пояски, лоскутки ткани¹⁹.

При изучении предметного ряда святилищ острова необходимо учитывать, что их количество не постоянно – за время существования предметы перемещались со святилища на святилище или

14. Фольклор ненцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2001. Т. 23. С. 251.

15. Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1979. С. 83.

16. Этнография и антропология Ямала // Г. А. Аксянова, А. Н. Багашёв, А. А. Богордаева и др. Новосибирск, 2003. С. 59, 61.

17. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868. С. 113.

18. Головнёв А. В. Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Екатеринбург–Салехард, 2000. Вып. 1. С. 222.

19. Терехин Н. М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. С. 183.

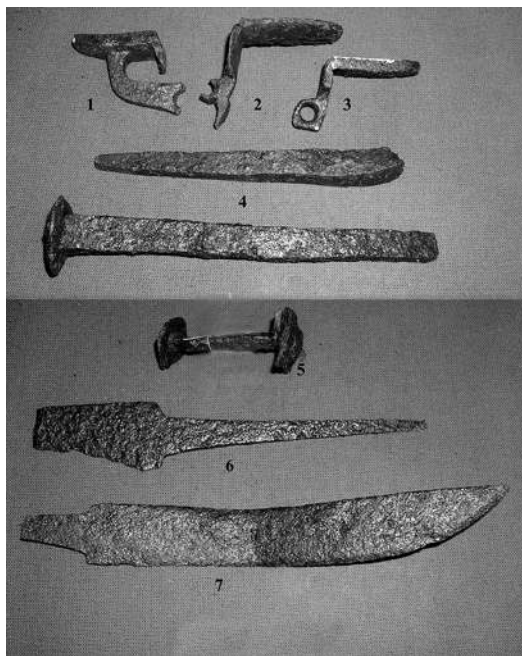

Рис. 2. Находки со святилища Большая Болванская гора. Железо. МАКЭ, 2000 г.

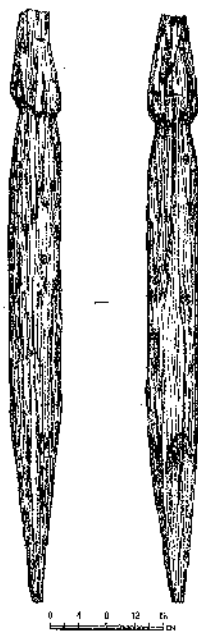

Рис. 3. Идол со святилища Горы идилов. Дерево. МАКЭ, 1987 г.

в священные нарты жертвователей. Масса предметов из органических материалов исчезла в силу естественных причин, а часть металлических предметов и идолов была изъята со святилищ исследователями и коллекционерами.

Весь вещевой материал со святилищ острова Вайгач хронологически подразделяется на три группы, которые раскрывают наличие *трёх временных периодов*: к *1-му периоду* относятся вещи VIII–X вв. с единичными предметами более раннего времени, но не раньше рубежа эр. Это время характеризуется большим количеством изделий из Западной Сибири, Пермской земли и местными изделиями, отсутствием массового русского и болгарского материала. Ко *2-му периоду* относятся вещи X–XIV вв. с наличием большого количества русского и болгарского импорта, единичных предметов из Западной Европы и Средней Азии. К *3-му периоду* относятся вещи XVII–XX вв. Первые два периода соответствуют существованию средневековых святилищ донецкого населения, тому времени, «когда арктические тундры крайнего северо-востока Восточной Европы ещё не были заселены пришедшими из-за Полярного Урала самодийскими племенами, известными нам как «ненцы»²⁰.

Особым материальным проявлением духов на святилищах являлись сядэи из дерева, металла и камня в виде людей, животных или птиц (рис. 3). Сами по себе истуканы не являлись богами или духами, а были лишь их вместилищем²¹.

Культовая скульптура выступала в религиозных обрядах традиционных обществ как средство для вызывания духов. Культовую скульптуру «завещал» делать человеку сам Нум': «Сделай себе идолов, которые будут тебя охранять...»²² Самих идолов «самоеды не только в лесах, но и на всяком месте по повелению тадибеев поставляют и переносят с места на место, наблюдая притом, чтоб болваны лицом всегда к востоку стояли...», говорится в Атласе Архангельской губернии 1797 г.²³

Вся антропоморфная деревянная культовая скульптура вайгачских святилищ в своей основе имеет два геометрических тела – ци-

20. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозёрск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 298.

21. Дэвлет М. А. Священные места и их символы // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2001. С. 228; Лар Л. А. Указ. соч. С. 75.

22. Мифы и предания ненцев Ямала / Автор-составитель Л. А. Лар. Тюмень, 2001. С. 205.

23. Цит. по: Ясински М. Э., Овсянников О. В. Указ. соч. С. 371.

линдр и плоский параллелепипед. Цилиндрических идолов (*ксоанов*, по терминологии С. В. Иванова) вырезали обычно из древесных стволов или сучков, а плоских – из доски или плахи. У культовой скульптуры моделировали в основном голову, а туловище чаще оставлялось не оформленным. Иногда подчёркивались определённые детали: параллельные нарезки – так называемые рёбра, очень редко выделялись половые органы, груди. Частями тела, лишёнными символического значения (ноги, руки, ступни), «скульпторы» или пренебрегали или едва намечали их. Очень редко деревянные идолы украшались дополнительными элементами из металла и других материалов. В основном украшались такие важные, по мнению «скульптора», детали, как глаза, соски, пупок: «В середине тела у некоторых [идолов], для обозначения пупа, было вбито по железному гвоздю»²⁴; «На месте глаз вставлены свинцовые пули»²⁵; «Каменноглазый идол, уставившийся в мой мозг...»²⁶.

Пластика культовой деревянной скульптуры многозначна по смыслу, но предельно проста по техническим средствам. При создании идолов ненцы использовали топор и нож. У некоторых идолов глаза высверлены при помощи лучкового сверла. Изготавливались идолы в тихом уединённом месте, молча и без лишних свидетелей²⁷. Все дошедшие до нашего времени идолы «самой плохой и неискусной работы» выглядят крайне примитивно и представляют собой, в основной массе, палки с зарубками, которые обозначают глаза и рот. Очень точно описывает лаконичную технику изготовления идола К. Д. Носилов: «...рука самоеда несколькими взмахами топора сделала на обрубке дерева нос, глаза, остроконечную голову, наметила губы, и чудовище готово...»²⁸

Каменные идолы представляли собой естественные скальные выходы или выполнялись в виде каменных кладок различной формы. Описание каменных идолов на святилище Болванский Нос есть у Вениамина: «Это были нимало не обработанные, фигурчатые, белые, известковой породы камни с остроконечным верхом, представлявшим голову идола». Возле них не находилось «ни оленьих голов, ни привесок», из чего Вениамин заключает, что идолы «составляли как

24. Вениамин. Указ. соч. С. 123.

25. Носилов К. Д. На Новой Земле. Тюмень, 1997. С. 157.

26. Мифы... С. 186.

27. Лар Л. А. Указ. соч. С. 73.

28. Носилов К. Д. Указ. соч. С. 289.

бы свиту главного идола Весака»²⁹. По описанию Вениамина, каменные идолы представляли собой, видимо, монолитный известняковый камень антропоморфной формы. Наиболее ярким образцом таких идолов является каменная кладка на культовом месте «Святылище с каменным идолом» (рис. 4), сложенная из плоских камней с плоским приострѣнным камнем на вершине, придающим всей композиции антропоморфный вид³⁰.

На средневековых святилищах острова найдено несколько металлических антропоморфных, зооморфных и орнитоморфных изделий³¹, часть которых вполне могла выполнять роль идола – вместилища духа (рис. 5). Епифаний Мудрый (XIV в.) упоминал о наличии у соседей ненцев – коми-пермяков «идолы язычестии серебро и золото»³². Де Брюин (нач. XVIII в.) отмечал, что перед идолами ненцы ставят «кусок железа», на который вешают других маленьких идолов³³. О существовании металлических идолов у ненцев упоминает И. Н. Иванов (1824 г.) при описании святилища на Болванском Носу: «Некоторые болваны были металлические...»³⁴

Проводя аналогии с этнографическими материалами, нужно отметить, что в XVIII–XX вв. большинство личин являлись деталями культовых антропоморфных фигур – духов – предков семьи, духов-охранителей (*Мяд пухуця, нгытарма* и др.). В начале XVIII в. этнограф Г. Новицкий отмечал у остяков наличие деревянных идолов «серебрено имеющ лице...»³⁵. Н. Витсен (1705 г.) упоминал идолов, которые были «скованы из железа», а также «из олова, меди и свинца»³⁶. Некоторые исследователи отмечают, что личины из металла имели только идолы «высшего ранга»³⁷.

Немногочисленные металлические «идолы», найденные на святилищах острова, не изготавливались специально для своей функции,

29. Вениамин. Указ. соч. С. 122–125.

30. Остров Вайгач. Культурное и природное наследие / Под общ. ред. П. В. Боярского, В. П. Столярова. М., 2000. Кн. 1. С. 82.

31. Барышев И. Б., Боярский П. В., Столяров В. П. Памятники истории освоения острова Вайгач // Вайгач. Остров арктических богов / Под общ. ред. П. В. Боярского. М., 2011. С. 123, 129, 135–137, 145, 194.

32. Житие Стефана Пермского. СПб., 1897. С. 48.

33. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. 1701, 1708 // Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии / Сост. Д. Николаев. М., 2009. С. 77.

34. Литке Ф. П. Указ. соч. С. 316.

35. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком: 1715. Новосибирск, 1941. С. 72.

36. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Указ. соч. С. 363–364.

37. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьёв А. И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск, 1989. С. 78–79.

Рис. 4. Святилище с каменным идолом. МАКЭ, 1987 г.

Рис. 5. Личина со святилища Хосейто 1.
Белая бронза. МАКЭ, 2000 г.

происходят из разных мест, некоторые являлись атрибутами христианской религии, представлены в основном единичными образцами и являлись объектами меновой торговли или военными трофеями, которые были приспособлены посетителями местных кумирен для своих «нужд».

Ненецкие святилища острова были посвящены определённым религиозным персонажам. Святилище *Небя-Хэхэ* в центральной части Вайгача занимало главное место, если говорить о XIX в., в пространственной организации сакрального мира острова: в северной части, на мысе *Нюдя сале хэхэ'я* (мыс Малый Болванский Нос) находилось святилище *Хадако (Я'Мал Хадако)*, в южной части, на мысе *Хэхэм Саля* (мыс Дьяконова), – святилище *Вэсако*, а между ними располагалось местообитание Матери богов – *Небя-Хэхэ*. Святилище Большой Болванской горы своей вертикалью воплощало космологическую иерархию ненецкого мифа – вершина была связана с небом и верхними духами, с самим *Нум'ом*, расщелина ассоциировалась с входом в нижний мир, где обитали *Нга* и *Небя-Хэхэ*, жертвенная площадка представляла средний мир, мир людей. Все главные духи, которые в ненецкой религии отвечали за мировой порядок, встречались в сакральном центре острова, где перед ними представляли жертвующие.

На основании полученного в результате исследований материала можно выделить три хронологических периода существования святилищ острова:

1. *Рубеж эр – конец I тыс. н. э.* Для этого времени характерны предметы, типичные для местного населения и населения сопредельных территорий – Верхней Камы, Северного и Среднего Урала, севера Западной Сибири.

2. *Конец I тыс. н. э. – XIV в.* Для этого времени характерен не только местный материал и материал сопредельных территорий, но и масса изделий из Древней Руси, Волжской Болгарии, степной зоны, единичных вещей из Западной Европы и Средней Азии.

Первые два периода можно соотнести с существованием на острове святилищ древних насельников, культура которых генетически связана с культурой предуральских и нижнеобских племён. Анализ находок со средневековых святилищ говорит о том, что они относятся к группе памятников субарктического типа, известных в Большеземельской тундре (*Хэбидя Пэдара, Кобылиха, Гнилка, Сиера-Мыльк*) и датироваемых X–XIV вв.

3. *XVII – нач. XX вв.* – это *ненецкий* период существования святилищ, который представлен самым большим их количеством.

Явственно видна хронологическая лакуна в несколько сотен лет, о которой писал ещё Л. П. Хлобыстин³⁸. Такая же картина характерна для материковых святилищ.

Святилища всех хронологических групп подразделяются на общественные и семейно-родовые, что свидетельствует о почитании двух групп божеств – духов – хозяев острова и мест, а также семейно-родовых духов. Святилища были маркерами окультуренного пространства на нежилой территории острова, где обитали наиболее влиятельные и могущественные духи, помогавшие дарителям жертв в промысловой и социальной сферах жизни. На ненецких святилищах были представлены духи всей иерархической лестницы, всех трёх ярусов вселенной – от демиургов *Нум'а* и *Нга* до хозяев определённых географических объектов. Об этом свидетельствуют жертвенные обряды, проходившие на святилищах, – верхним духам жертвы «возносили вверх», сжигая на кострах, развешивая на шестах и оленьих рогах; жертвы нижним духам складывали на землю или закапывали, бросали в расщелины, пещеры и провалы. Наличие отверстий в земле на территории святилища говорит о принадлежности святилища хозяевам и духам нижнего мира, святилища верхним духам размещались на возвышенностях или возле скальных выходов.

По материалам, выявленным на святилищах всех хронологических периодов, достаточно хорошо прослеживается наличие культа духов – хозяев мест и связанных с ним промысловых культов, культа предков, культа солнца и огня, культа неба, а также культа земли-матери (матери-природы). С культами неба, земли-матери, духов – хозяев мест органически связан культ гор и камней.

Наиболее развитыми и пронизывающими все остальные культы у ненцев были культ предков и культ духов – хозяев мест, выразившийся в почитании разнообразных *хэхэ*. На святилищах острова они были представлены антропоморфными и зооморфными деревянными и каменными *сядэями*. Культовая скульптура ненецких святилищ, имея некоторые особенности, развивалась в тесном контакте с традициями соседних финно-угорских народов. Иконография ненецкой антропоморфной скульптуры святилищ Вайгача связана с древнеуральской традицией, представленной идолами Уральских торфяников, а позднее культовой скульптурой обских угров и легендарных *сиртя*. Чертами этой древней традиции являются: наличие плоской и круглой

38. Хлобыстин Л. П. Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 30.

скульптуры; остроголовость; многоликость; трактовка личин крупными срезами, когда щёки и глаза передаются одной плоскостью; показ деталей деревянной скульптуры вставками из другого материала. Примитивность идолов не говорит о неумении ненцев создавать более «высокохудожественные произведения» – каждый ненецкий мужчина виртуозно владеет ножом и может изготавливать какой угодно сложности деревянные изделия, примитивность же идолов свидетельствует об устойчивости и древности канонов, по которым изготовлена культовая скульптура.

Культовые действия состояли из кровавых и (или) бескровных жертвоприношений, которые сопровождалось речевыми (обращения к духам, рассказывание мифов, легенд и т. п.) и акциональными (убиение жертвенного животного, ритуальные танцы, «спортивные» состязания и т. п.) действиями. Основными жертвенными животными во все хронологические периоды были северный олень, белый медведь и морские млекопитающие (с преобладанием оленя), что говорит о важной роли этих животных в хозяйственно-экономической жизни аборигенов и ненцев.

После христианизации ненцев некоторые святилища высшего ранга были уничтожены, на других обряды постепенно затухали. В XX в. на главных святилищах острова религиозные обряды совершались спорадически и не массово, а возобновление очень редкой культовой деятельности отмечается с 80-х гг. XX в.

БЕЛОВА Е. В., РАСУЛЕВ Ш. А.

Наследие Арктики в собрании ФБУ «Музей морского флота»

BELOVA E. V., RASULEV S. A.

The maritime fleet museum collections (Moscow)

Сведения об авторах:

Белова Екатерина Витальевна, специалист по учёту музейных предметов ФБУ «Музей морского флота» (Москва)

mmflota@mail.ru

Расулев Шавкет Абдрауфович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, экскурсовод ФБУ «Музей морского флота» (Москва)

mmflota@mail.ru

Authors:

Belova Ekaterina Vitalyevna, *The Maritime Fleet Museum (Moscow)*

mmflota@mail.ru

Rasulev Shauket Abdraufovich, *The Maritime Fleet Museum (Moscow)*

mmflota@mail.ru

Аннотация:

В статье даётся краткий обзор предметов из собрания музея, документирующих отечественную историю освоения Арктики на протяжении XX в.: предметы с ледоколов «Ермак» и «Ф. Литке», мемориальные комплексы участников отечественных экспедиций и плаваний в Арктике, модели ледоколов, фотографии, документы, живопись, литература и др.

Abstract:

This article provides a shot preview of objects from The maritime fleet museum collections documenting the country's history of Arctic exploration during the XX century: the objects from the icebreakers *Ermak* and *F.Litke*, memorials members of expeditions and voyages in the Arctic, icebreaker models, photographs, documents, paintings, literature and other.

Ключевые слова:

Музей морского флота, Т. Б. Гуженко, А. И. Дедюрин, Л. Ф. Муханов, И. П. Рубан, ледокол «Ермак», ледорез «Ф. Литке», «Арктика», «Канада», «Красин», модели ледоколов.

Keywords:

The maritime fleet museum, icebreaker *Ermak*, icebreaker *F.Litke*, T. Guzhenko, A. Dedurin, L. Muhanov, I. Ruban, *Canada*, *Krassin*, *Arctic*, icebreaker models.

История Музея началась 4 марта 1958 г., когда заместитель министра морского флота СССР Ю. В. Савинов подписал приказ об образовании выставки «Морской флот СССР»¹. В её создании участвовали Г. А. Мезенцев, И. А. Ман и другие прославленные капитаны и моряки. Директором постоянной выставки был назначен Александр Павлович Бочек (1892–1980), один из первых капитанов, осваивавших Северный морской путь.

Выставка открылась 12 января 1960 г. в здании бывшей церкви Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках на Сретенке². В торжественном мероприятии участвовали министр морского флота СССР В. Г. Бакаев и главнокомандующий Военно-Морским флотом СССР адмирал флота С. Г. Горшков, а среди почётных гостей был легендарный полярник – Иван Дмитриевич Папанин.

Здесь, в центре Москвы, демонстрировались отечественные достижения в освоении новых территорий, создании техники флота и строительства портов. Отдельные разделы выставки были посвящены изучению Мирового океана, работам на Северном морском пути и научным исследованиям в Арктике и Антарктике, участию моряков торгового флота в Гражданской и Отечественной войнах³. В экспозиции были представлены модели ледоколов, карты, в том числе динамическая рельефная карта Северной части СССР, на которой были изображены города,

1. «В целях популяризации роли и значения морского транспорта в народном хозяйстве, освещения истории и технического перевооружения морского флота, организации широкой пропаганды достижений морского флота среди трудящихся нашей страны. <...> Организовать Выставку морского флота в г. Москве в здании по ул. Сретенка, дом 3/27 на срок до 1 января 1960 года...».(Приказ министра морского флота от 4 марта 1958 г. № 60 «Об организации Выставки морского флота в г. Москве»).
2. Об открытии выставки см.: Вечерняя Москва. 1960, 12 января; Московская правда. 1960, 13 января; Литературная газета. 1960, 12 января.
3. Дробышев В., Шипилов Ф., Розанов Е. Тематико-экспозиционный план постоянной выставки «Морской флот СССР» по состоянию на 1 января 1966 года. Москва, 1966. Утверждён 24.06.1966.

Рис. 1. Фрагмент интерьера ледокола «Ермак». Выставка «Морской флот СССР» на Сретенке. 1965 г.

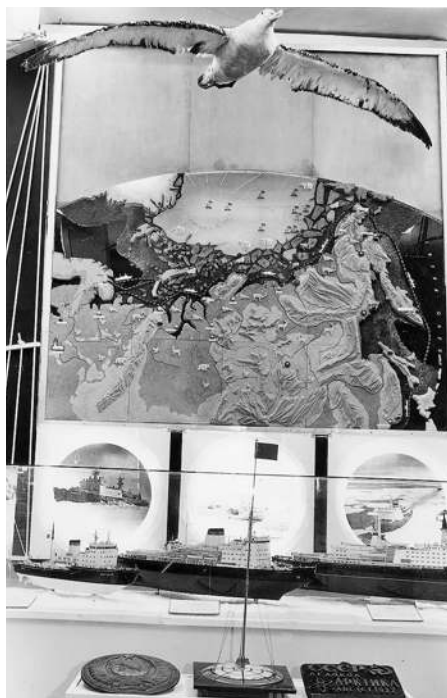

Рис. 2. Фрагмент экспозиции, посвящённой Арктике и Антарктике. Выставка «Морской флот СССР» на Сретенке. 1980-е гг.

арктические порты, маршруты плавания экспедиций по изучению Севморпути дрейфующими научно-исследовательскими станциями и множество других объектов. Отдельными экспозиционными комплексами демонстрировались реликвии ледоколов «Ф. Литке» и «Ермак» (рис. 1, 2).

За более чем полувековую историю своего существования Музей морского флота приобрёл значительный опыт в области сохранения, изучения и популяризации исторического и культурного наследия. В его собрании нашла отражение интересная по своему видовому составу коллекция, документирующая отечественную историю освоения Арктики на протяжении XX в.

19 февраля 1899 г. в Кронштадте на первом в мире ледоколе арктического класса «Ермак» был поднят российский коммерческий флаг, что ознаменовало начало великой эпохи отечественного ледоколостроения, освоения Северного морского пути и научных открытий. Гордость музея – предметы с ледокола «Ермак». Это фрагмент кают-компания⁴, состоящий из нескольких столиков и комплекта стульев, мраморного прилавка с шкафчиками для посуды, стеновой панели с смонтированными в неё механическими часами, барометром и памятной доской к полувековому юбилею старейшего ледокола «Ермак» от Главного управления Северного морского пути⁵. В Музее хранятся почтовый штемпель ледокола (1920-е г.), книга учёта экипажа и другие реликвии.

Не меньший интерес представляют и настоящие «мемории» с ледореза «Ф. Литке», участника 25 арктических навигаций, совершившего первое безаварийное сквозное плавание Северным морским путём с востока на запад. Среди них фрагменты судовой панели ходовой рубки, иллюминатор, штурманский стол, судовые устройства, альбом «Канада» (название судна с 1914 по 1920 г.) с памятными записями и рисунками пассажиров и моряков, сделанными в период с 1916 по 1956 г., а также акт технического состояния «Ф. Литке» за 1958 г. Мурманского морского арктического пароходства, фактически утвердивший списание судна.

Особую ценность представляют модели судов. Многие из них построены заводские, т.е. созданы для проведения модельных ис-

4. Подробное описание обстановки кают-компания 1899 г., снабжённое фотографией из архива Н. А. Кузнецова, см.: Первая полярная экспедиция ледокола «Ермак» в дневнике К. А. Цветкова. М., 2014. С. 34.

5. 26 марта 1949 г. в связи с полувековым юбилеем «Ермак» был награждён орденом Ленина за боевую деятельность в годы Великой Отечественной войны и освоении Северного морского пути.

пытаний, по рабочим чертежам и с соответствующим масштабом, и уже сейчас являются потенциальными памятниками науки и техники⁶. В коллекции представлена модель парусного судна «Святой мученик Фока» – именно на нём в 1912 г. легендарный арктический исследователь лейтенант Г. Я. Седов начал свою полярную экспедицию; модель т/х «Анадырь» – одного из «первенцев» первой пятилетки СССР, участника особой Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода 1932–1933 гг., имевшей задание доставить из Владивостока в устье Колымы несколько тысяч тонн грузов для последующей их отправки вверх по реке для Дальстроя⁷; модель ледокола «Анастас Микоян» – легендарного судна, в августе 1941 г. вступившего в строй со стапелей Николаевского судостроительного завода без приёмочных испытаний. Участвуя в военно-морских операциях, 26 ноября 1941 г. ледокол вышел из Батуми в пролив Босфор для выполнения очередного задания – начался его уникальный кругосветный переход, завершившийся 21 декабря 1942 г. в порту Архангельска.

Период 1950–1980-х гг. представлен в коллекции Музея моделями ледоколов «Москва» (1960 г.), «Амгуэма» (1962 г.), «Адмирал Макаров» (1975 г.), «Капитан М. Измайлов» (1976 г.), «Капитан Хлебников» (1981 г.), «Россия» (1985 г.), «Таймыр» (1988 г.), «Севморпуть» (1988 г.) и др.

Арктическая тематика отражена и в персональных коллекциях. Назовём несколько из них.

Леонид Филиппович Муханов (1906–1976), участник многочисленных экспедиций 1930-х гг., в т. ч. на ледоколах «Седов», «Ф. Литке», секретарь О. Ю. Шмидта на «Челюскине»⁸. Журналист, спецкор РОСТА, ИНО ТАСС и «Комсомольской правды», является автором ряда публикаций, посвящённых Арктике. В коллекции Музея хранятся фотографии, документы и почётные грамоты из архива Л. Ф. Муханова. Интересен его рукописный дневник на 53 листах о походе ледокола «Малыгин» на Землю Франца-Иосифа, начатый 18 июля 1931 г. (рис. 3).

Александр Иосифович Дедюрин (1914–1994)⁹, капитан дальнего плавания, почётный полярник, работал помощником капитана

6. Выявление и ранжирование памятников науки и техники. Вещевые источники-подлинники. Методические рекомендации. Политехнический музей. М., 2012.

7. См., например: Вяхирев М. В. В краю пурги и льдов. Л., 1985.

8. Подробнее см.: О. Ю. Шмидт. Писатели на «Челюскине» // Литературная газета. 28 июня 1934. № 82; Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Челюскине» и Северный морской путь // Поход «Челюскина». М., 1934. Т. 1; Великие русские первооткрыватели и их путешествия. М., 2011. С. 369.

9. Подробнее о нём см.: Семёнов В. П. Мурманское морское пароходство 1939–2009 гг. Мурманск, 2009. С. 169.

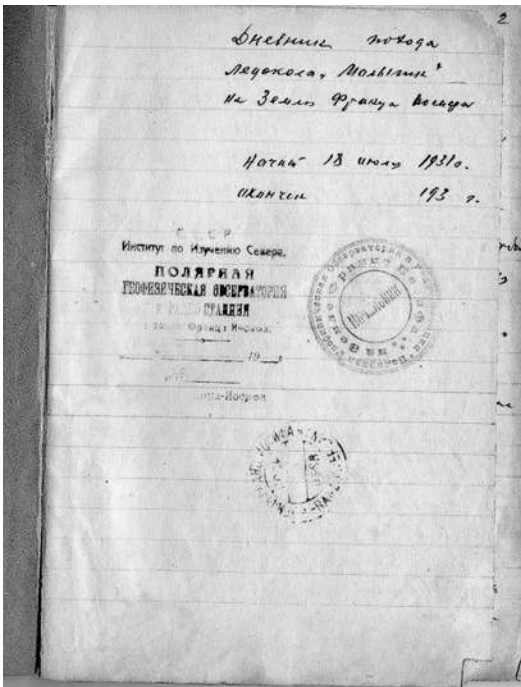

Рис. 3. Титульный лист
рукописного дневника
Л. Ф. Муханова.
Из фондов ФБУ
«Музей морского флота»

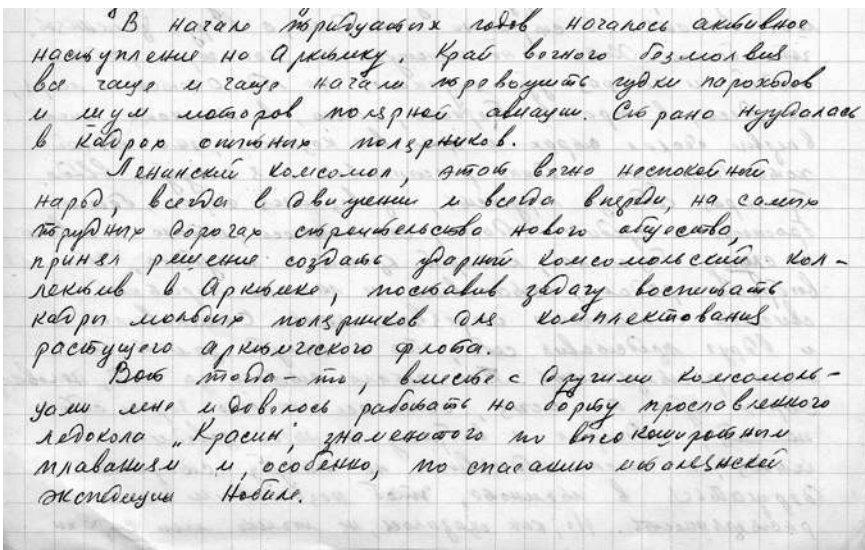

Рис. 4. Фрагмент рукописи воспоминаний А. И. Дедюрина.
Из фондов ФБУ «Музей морского флота»

на ледоколах «Красин», «Каганович», «Микоян». В 1953 г. стал первым заместителем начальника Управления арктического флота и портов Главсевморпути. До 1963 г. работал капитаном на ледоколах «Капитан Воронин», «Капитан Мелехов», «Москва». Под его командованием в 1967 г. экипаж теплохода «Нововоронеж» за два месяца осуществил трансарктическое плавание с грузами по Северному морскому пути из Западной Европы в Японию и обратно. Мемориальный комплекс Дедюрина представлен личными вещами, фотографиями и документами (деловая переписка, рапорты, докладные к рейсовым отчётам и донесениям, черновые записи будущих публикаций, именные адреса и почётные грамоты) (рис. 4.). Отдельный интерес представляет модель ледокола «И. Сталин» из моржовой кости, переданная в собрание вдовой А. И. Дедюрина.

Тимофей Борисович Гуженко (1918–2008), министр морского флота СССР (1970–1986 гг.)¹⁰, почётный полярник, внесший значительный вклад в исследования Арктики – его любимой стихии. Начиная инженером в прифронтовом Мурманске, затем руководил экспедицией атомохода «Арктика» на Северный полюс, при нём начались зимние рейсы на трассе Мурманск – Дудинка. К концу 1970-х гг. Северный морской путь превратился в постоянно действующую магистраль. Видовой состав мемориального комплекса разнообразен: предметы мебели и декоративное панно «Ледокол «Арктика» из его служебного кабинета Министерства морского флота на ул. Жданова (ныне Рождественка), форменная одежда, фотоальбомы и отдельные фотографии, рапорты, поздравительные адреса с покорением Северного полюса (1977 г.) и другими знаменательными событиями на имя Т. Б. Гуженко от администраций портов, пароходств, судоремонтных заводов и других организаций и ведомств. Интересна модель ледокола «Арктика». Выгравированная надпись на её латунной пластине гласит: «Министру морского флота Гуженко Тимофею Борисовичу. ЦКБ "Айсберг"». Экипаж этого судна во главе с капитаном Юрием Кучиевым 17 августа 1977 г. достиг в активном плавании географической точки Северного полюса, осуществив замысел С. О. Макарова. Подписал план организационно-технических мероприятий по подготовке рейса и руководил экспедицией Т. Б. Гуженко.

Большой интерес представляет фототека морского флота, сформировавшаяся в 1960–1980-е гг. – в один из наиболее ярких и продук-

10. См. подробнее: Гуженко Т. Б. Записки экс-министра. М., 1997.

тивных периодов работы отрасли. Фотографии капитанов и членов команды судов, ледоколы, арктические порты, оборудование, приборы и технические средства, используемые в отрасли, имеют историческую ценность и представляют научный интерес для специалистов разных областей знаний.

Особое место в собрании музея занимают картины кисти художника Игоря Павловича Рубана¹¹ (1912–1996), ученика И. Э. Грабаря. Рубан создал значительную художественную летопись освоения русскими Арктики и Антарктики своими полотнами «Ледокол "Ленин" в Арктике», «Дизель-электроход "Обь" у ледового барьера в Антарктиде», «Полюс взят. Ледокол "Арктика" на Северном полюсе» и др. Половину своей жизни мастер посвятил теме изучения полярных земель, став за это время «кадровым» полярником. В коллекции живописи музея представлено творчество и других художников второй половины XX в., в работах которых отражена природа и освоение Арктики: К. А. Вялов, Б. Я. Рязов, А. А. Борисов и другие.

Арктическую тематику собрания Музея дополняют печатные издания. Период с 1900 по 1930-е гг. представлен отдельными монографиями, альбомами иллюстраций и картами экспедиций Академии наук и Главсевморпути, многочисленными трудами, отчётами, каталогами, бюллетенями и инструкциями¹². Имеются энциклопедии, справочники, профильные словари.

Книжное собрание 1-й половины 1940-х гг. представлено научными трудами, вышедшими в издательствах «Гидрометеиздат», «Главсевморпуть», «Морской транспорт»¹³ и др. Интересна и показательна работа учёного-океанолога Н. Н. Зубова «Основы устройства дорог на ледяном покрове», вышедшая в 1942 г. Не желая отправлять-

11. Подробнее см.: Игорь Павлович Рубан. М., 1988; Рубан И. П. Без тёмных очков: записки художника. М., 1959.

12. Записки Академии наук. Отчёт об экспедиции Императорской Академии Наук на Новую Землю летом 1896 года. СПб., 1898 г.; Альбом ледовых образований. Л., 1931; Стратановский Г. А. Чукотская экспедиция 1909–1910 гг. Альбом иллюстраций и карт (Приложение к № 18 «Трудов полярной комиссии»). Л.–М., 1935; Каталог астрономических пунктов советского сектора Арктики. Бассейн Карского моря. Л., 1937; Труды дрейфующей станции «Северный полюс». Л., 1940.

13. Гидрографическое управление Севморпути при СНК СССР. «Северный морской путь». М.–Л., 1941. Т. XVII; Противолодочная самооборона торгового судна. М., 1941; Зубов Н. Н. Основы устройства дорог на ледяном покрове. М., 1942; Петриченко А. Н. Инструкция для производства наблюдений над льдами на полярных станциях. М., 1944; Труды арктического научно-исследовательского института Главного управления Северного морского пути при СНК СССР (В. Б. Штокман, В. Т. Тимофеев, В. Ю. Визе). Вопросы гидрологии арктических морей. М., 1944. Т. 184; Проблемы Арктики 1943 г. Л.–М. 1944 и др.

ся в эвакуацию вслед за Московским гидрометеорологическим институтом в Среднюю Азию, он идёт добровольцем на флот, где привлекается И. Д. Папаниным к проведению зимних плаваний в Белом море. Зубов составлял прогнозы ледовых условий, участвовал в ледовых авиаразведках и консультировал капитанов судов, читал лекции о морских льдах офицерскому составу¹⁴.

Печатные издания 1950–1970-х гг. составляют более сотни уникальных книг Академии наук, Арктического и Антарктического институтов, библиотеки «Севморпуть», десятки уникальных атласов. Альбомы, регистры и ежегодные каталоги сданных в эксплуатацию транспортных, ледокольных и вспомогательных судов Министерства морского флота СССР¹⁵ дополняют этот яркий период достижений отрасли.

С 2004 г. Музей находится в подведомственности Федерального агентства морского и речного транспорта, в 2005 г. распоряжением Правительства РФ он включён в перечень 68 музеев федерального значения¹⁶.

В 2012 г. Музей получил отдельное здание по адресу Большая Ордынка, 19. К сожалению, в настоящее время оно закрыто на реконструкцию и нет возможности развернуть экспозицию и принимать посетителей, однако коллектив продолжает работать – изучаются коллекции, ведётся комплектование фондов новыми материалами, публикуются статьи об истории отрасли¹⁷, разрабатываются и проводятся выездные лекции. По мере возможности Музей участвует в выездных выставках. Так, в 2015 г. в Москве были проведены две тематические выставки, в экспозициях которых демонстрировались предметы из фондов Музея, посвящённые освоению Арктики. Это выставка «История освоения Северного морского пути» (март 2015 г.), проводившаяся в рамках коллегии Федерального агентства морского и речного транспорта, и выставка «За доброй надеждой» (сентябрь

14. Трёшников А. Ф. Их именами названы корабли науки: проф. Визе, проф. Зубов, М. Сомов. Л., 1978.

15. См: Альбом судов, построенных в 1960 г. Министерство морского флота СССР. М., 1961; Каталог судов ледокольного, вспомогательного дноуглубительного флота и других плавсредств, полученных ММФ в 1977 г. Ленинградское центральное проектно-конструкторское бюро. Л., 1978.

16. Распоряжение Правительства РФ от 5 января 2005 г. № 4-р «Об утверждении перечней федеральных государственных музеев и федеральных государственных учреждений культуры и искусства».

17. Расулев Ш. А. Полярник на посту Наркома // Морской флот. 2015. № 2. С. 63–64; Жизнь посвятил флоту // Там же. 2015. № 4. С. 62, 63; Расулев Ш. А., Конталев В. А. Руководители морского и речного флота. М., 2015 и др.

Рис. 5. Фрагмент интерьера штурманской рубки. Экспозиция выставки «За доброй надеждой». 2015 г.

2015 – январь 2016 г.) – совместный проект с музеем-панорамой «Бородинская битва» (рис. 5).

Музей заявляет о себе и в виртуальном пространстве. На официальном сайте (www.mmmflota.ru) размещается информация о коллекциях, новых поступлениях, выставках. В новостном разделе сайта регулярно публикуются сообщения о важных исторических событиях отрасли, которые иллюстрируются материалами из фондов Музея, а также актуальная информация и знаменательные даты об освоении Арктики и Антарктики.

В 2015 г. Музей принял участие в проекте создания информационного ресурса «Виртуальный морской музей России»¹⁸, объединяющего информацию о предметах, экспозициях и выставках в ведущих морских музеях.

Настоящий краткий обзор собрания – лишь малая толика благодарности людям, которые, рискуя жизнью, совершали великие открытия, строили ледоколы и северные порты, стояли у штурвалов и зимовали на льдинах. Всем тем, чьи имена вписаны в историю освоения Северного морского пути, наследие которого Музей бережно хранит и исследует, передавая историческую память и пробуждая в новых поколениях интерес к Арктике.

18. Во исполнение поручения, отражённого в протоколе заседания Морской коллегии при Правительстве РФ под председательством Д. О. Рогозина №2(24) от 20 декабря 2014 г., пункт 3.3.

БОДРОВА О. А.

Кольский арктический Север как воображаемое пространство

BODROVA O. A.

The Kola Arctic North as imaginary space

Сведения об авторе:

Бодрова Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН (г. Апатиты)
bodrovae@rambler.ru

Author:

Bodrova Olga Aleksandrovna, PhD (History), Research Fellow of Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS (Apatity)
bodrovae@rambler.ru

Аннотация:

В статье исследуется географический образ региона Мурманской области в интернет-дискурсе и в научно-популярных журналах. На данном материале проанализированы репрезентации Кольского Севера и их природно-географическая, а также этнокультурная составляющие.

Abstract:

The paper investigates the ethnocultural specificity of the Murmansk region in the Internet discourse and in educational magazines. The representations of the Kola North and its both geographical and ethnocultural component parts are analysed.

Ключевые слова:

Кольский Север, географический образ, воображаемое пространство, саамы, поморы.

Key words:

the Kola North, geographical image, imaginary space, the Sami people, the Pomors.

Регион Мурманской области, географически практически полностью совпадающий с границами Кольского полуострова, с середины XX в. в исследовательской литературе стал устойчиво обозначаться понятием «Кольский Север». Последний можно рассматривать как воображаемое пространство – продукт коллективных представлений о территории, отражённых в определённом географическом образе, сочетающем пространственные и временные характеристики.

Существуют разноплановые исследования, направленные на различные аспекты конструирования пространства Кольского Севера в ряде дискурсов: в юридическом – относительно законодательных тонкостей в определении пространственной локализации Крайнего Севера, в том числе региона Мурманской области¹, в политическом – где понятие «Север» рассматривается как пространство, которое выполняет специфическую роль и функцию в российском обществе², в социокультурном – в котором «Север» приобретает не только пространственные, но и временные характеристики³. Понятие «Север» стало не только обозначать географическое положение, но и приобрело ментально-культурные коннотации, оно сопровождается появлением своеобразной политической мифологии, в соответствии с которой Россия сейчас всё чаще идентифицируется как северная держава⁴. В геополитическом аспекте «северность» ряда российских территорий, в том числе Мурманской области, отображается в политических метафорах: например, в названиях международных проектов «Новый Север», «Северное измерение», «Северный совет», в которых подчёркивается политический курс на транснациональное содружество. С XX в. произошли некоторые изменения во внутриполитическом восприятии государственного пространства, и всё чаще стало подчёркиваться, что русская культура имеет северный характер. Ещё академик Д. С. Лихачёв отмечал связь между русской культурой и Севером: «Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский – он русский тем,

1. Тараканов М. А. Север как группа концепций с различной пространственной локализацией // Вестник Кольского научного центра РАН. 2010. № 3. С. 70–77.
2. Штаммлер-Госман А. «Северные измерения России»: концепция пространства // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Апатиты, 2007. С. 5–30.
3. Разумова И. А. «Север» – категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты, 2006. С. 5–14.
4. Маркушина Н. Ю. Внешние связи Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 104.

что сыграл выдающуюся роль в русской культуре»⁵. Можно сказать, что произошла своеобразная мифологизация северных территорий России, особенно её северо-западных регионов, в результате которой родился культурный миф о «Русском Севере», воспринимаемом обыденным и отчасти научным сознанием как «монолитная древнерусская культура», сохранившая в «первозданном виде главные культурные достижения наших предков»⁶.

В современной научной литературе принято осторожно обращаться с «северной терминологией» в силу того, что конструируемое пространство «Се́вера» содержит большое разнообразие характеристик и может относиться к самым разным регионам. Отсюда происходит традиция употребления этого понятия в форме множественного числа – «Северá»⁷. При этом в дореволюционных источниках термин «Север» было принято чаще относить только к европейским (то есть западным) окраинам, но понимался он так же широко, как и сейчас: применительно сразу к нескольким областям Северо-Запада России⁸.

Что касается собственно Кольского Севера, то в качестве воображаемого пространства он имеет не только географические границы, но и временные рамки. Несмотря на то что само обозначение было зафиксировано в источниках только в середине XX в., нижнюю хронологическую границу – этап зарождения – можно отнести к первой половине прошлого века. Ещё в 1920–1930-х гг. в популярном краеведческом журнале «Карело-Мурманский край» встречается большинство образов, словесно-описательных формул, штампов, характерных для того, что мы понимаем сегодня под «Кольским Севером». Тогда же возникают такие важные составляющие этого географического образа, как история изучения и освоения Кольского края (особенности колонизационного процесса, промышленного и научного, особенно геологического освоения), параллели между Кольским Заполярьем и мифической Гипербореей, отражение взаимодействия этнических культур и т. д. Природно-географический компонент воображаемого пространства Кольского Севера возникает и того раньше: он вытекает из дореволюционной письменной традиции этнографического описания саамской культуры и сопоставления русской части Лапландии с Похъялой «Калевалы».

5. Лихачёв Д. С. Русский Север // Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.–Архангельск, 2004. С. 3.

6. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

7. Штаммлер-Госсман А. «Северные измерения России». С. 5.

8. Сергеев М. А. К вопросу о применении термина «Крайний Север» // Летопись Севера. М.–Л., 1949. Т. 1. С. 193.

Географический образ, воображаемое пространство, как правило, формируется в коллективном сознании стихийно, однако его можно выявить и культивировать вполне осознанно, например, в целях создания привлекательного туристического или политического бренда региона. Основными средствами в этом процессе становятся СМИ и Интернет, которые конструируют воображаемое пространство Кольского арктического Севера как территорию с определёнными природными и культурными особенностями. Большой интерес в данном аспекте представляют журнальные периодические издания научно-просветительского характера и информационно-справочные сайты.

В описаниях Кольского полуострова в журнальных публикациях часто подчёркивается его северное географическое положение: «Нет, это не Карелия, куда доходят даже школьные походы, это значительно севернее. Фактически оттуда до Северного полюса ближе, чем до Москвы»⁹. Отмечается, что природный мир Кольского полуострова «для жизни человека приспособлен, кажется, похуже красных песков Марса», поэтому «на Кольском живут главным образом по надобности: у градообразующего комбината, рыбацкого производства, базы ядерных ракет, базы подводных лодок или просто военной части. Жизнь на среднюю полосу глубоко непохожая»; «человеку тут в принципе делать нечего». На непригодность Севера для обитания и даже путешествий указывают многие эпитеты: пейзаж изображается как «безжизненный», «марсианский», горы – «гиблые», тундра – «пустынная», «мрачная»¹⁰, ветра Арктики – «жестокие»¹¹. На читателя нагнетается ощущение опасности Кольского края: из здешних болот «не выходят», в «карликовых лесах по колено умудряются заблудиться»¹². Тундра называется прекрасной, но «смертоносной каменной пустыней»¹³. Понятно, что подобные характеристики, хотя и отражают суровые реалии северной природы, служат также средством привлечения туристов в экзотические природные условия.

Отдельные районы Кольского полуострова, являющиеся наиболее популярными объектами туристических маршрутов, описываются как места, в которых находятся доказательства существования северной прародины человечества на Кольском полуострове. В одних публикациях она называется Арктидой по аналогии с легендарной Атлантидой, в других – Гиперборей: «...экспедиция исследователей Сергеева

9. Ткачёв Д. Куйва живёт в Лукоморье // Мы. 2001. № 1. С. 137–140.

10. Киселёв Я. Священные камни саамов // Вокруг света. 1981. № 2. С. 33.

11. Горшков В. К шаманам, которые не умирают // Вокруг света. 2000. № 7. С. 22.

12. Ткачёв Д. Указ. соч. С. 137.

13. Там же. С. 138.

и Карташёва нашла материальные подтверждения былого существования Арктиды. И какие – столицу! И где – в России, возле Ловозера, городка среди болот в центре Мурманской области»¹⁴. По словам автора публикации, удалось даже установить название этой столицы: «Филологи-исследователи из центра “Гиперборея” утверждают, что столица носила название Колий. Отсюда происходит название Кольского полуострова, как видите, пережившее и город, и цивилизацию!»¹⁵ Центром и прародиной северной древней культуры называют район Сейдозера: «По некоторым данным, именно там зародилась несколько тысяч лет назад легендарная цивилизация Гипербореев, достигшая очень высокой степени развития – некий аналог Атлантиде»¹⁶. Сейдозеро рассматривается как место оккультной силы, священная территория, центр шаманской активности. О достоверности результатов подобных экспедиций кратко пишет автор одной из публикаций: «...следы применения некоего чудовищного оружия и разрушенные магические сооружения какие-то экспедиции вроде как обнаруживали. Хотя местные на это говорят, что обнаружили они распилы геологов 40-летней давности, мусор и прочий хлам, поваленный за годы. Верить нынче никому нельзя»¹⁷.

Важной составляющей географического образа наряду с историей и природно-географическими особенностями территории является этнокультурный компонент. Не случайно считается, что Кольский Север «был и остаётся перекрёстком культур»¹⁸. Несмотря на то что региональные СМИ Мурманской области с советских времён во многом стремятся подчёркивать, что она является примером толерантного региона, в котором уживаются люди различных национальностей, Кольский полуостров со второй половины XIX в. является территорией активного колониационного процесса, что приводит к неоднозначным отношениям между проживающими здесь этническими группами. Примечательно, что вопреки широко тиражируемому мифу о Русском Севере европейский Север России (Северо-Западный федеральный округ РФ) никогда не являлся сугубо русской территорией, а был и остаётся полиэтничным регионом¹⁹, в котором тем не менее

14. Стоцкий Ю. Наше великое прошлое в скалах Саами // Мир Севера. 2005. № 2–3. С. 32.

15. Там же.

16. Ткачёв Д. Указ. соч. С. 138.

17. Там же. С. 139.

18. Разумова И. А., Петров В. П. Проблемы и перспективы социально-антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. Апатиты, 2005. С. 108–118.

19. Шабаетов Ю. П. «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 3. С. 76.

отмечается численное превосходство этнической группы русских. Так, на примере Мурманской области видно, что русские составляют 80,75% всего населения данного региона²⁰, что, вероятно, и позволило им оценивать себя как доминантную этнокультурную группу, а своё окружение как культурную периферию.

На протяжении истории освоения Кольского полуострова этнический состав его жителей постоянно изменялся и усложнялся. К постоянному населению этого региона относятся коренные жители саамы и старожилы поморы, к непостоянному – русские колонисты и их потомки, а также переселенцы советского, а затем и постсоветского времени. Эпоху Советского Союза можно считать наиболее статичным этапом в истории Кольского Севера, когда в целом был сформирован его этнический состав, а процессы урбанизации, унификации образа жизни, а также идеология советского режима привели к усилению контактов и определённой нивелировке культурно-этнических различий между представителями различных групп Мурманской области. Распад СССР, последовавшие за ним экономический и политический кризисы вызвали новую волну изменения этнического и численного состава населения. С одной стороны, названные обстоятельства привели к перманентному снижению численности жителей Мурманской области (в том числе за счёт уезжающих с Севера), с другой стороны, её этнический состав в 1990-е гг. пополнился так называемыми новыми мигрантами из бывших союзных республик, особенно «южных»²¹. Напротив, потомки «старых мигрантов» (русских переселенцев из других регионов) активно стали покидать Кольский Север. Этот процесс исследователи называют «деколонизация»²², в результате которой доля нерусских этнических групп в составе населения Русского Севера постоянно возрастает. Всё вышесказанное приводит к определённым противоречиям между географическим образом-мифом (Русского Севера в целом и Кольского Севера в частности) и реальным положением дел, когда на фоне отождествления понятий «Север» и «русский» реальное северное пространство становится русским всё меньше.

Суверенизация, сопровождающая распад Советского Союза, создала почву для новой актуализации этничности взамен этничности

20. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4 – «Национальный состав и владение языками, гражданство». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

21. Змеева О. В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты, 2011. С. 22.

22. Шабаетв Ю. П. Указ. соч. С. 76.

советской. Так, саамское население, этническая культура которого сильно пострадала в советское время в результате коллективизации и укрупнения поселений²³, в перестроечную и постперестроечную эпоху приобрело более высокий статус по сравнению с другими этническими группами Мурманской области за счёт возросшего этнического самосознания и тесных контактов с западными саамами. Сейчас кольские саама стали своего рода этнокультурным маркером Кольского Севера как в туристической, так и в научной сфере²⁴.

При этом в массовой литературе и сети Интернет крайне мало внимания уделяется вопросам их материальной культуры, хозяйственных и социокультурных особенностей. Напротив, с избытком описаны экзотические, особенно мистические явления, связанные с саамами: культ сейдов и шаманизм, которые, очевидно, могут вызывать наибольший интерес у реципиентов культурной информации. Кольский полуостров – Лапландия – признаётся «настоящим царством» сейдов²⁵, несмотря на их распространение и в более южных регионах. История сейдов смешивается с современным фольклором, порождающим «страшные рассказы» о гибнущих в районе сейдов туристах: «Саама знают, что озеро – святилище сейдов, священных летающих камней, которым поклонялись их предки. Не понравившихся им духи сейдов (или сами камни-сейды – всё-таки летающие) безжалостно убивают. Те четверо ребят погибли как раз на обратном пути с озера. Все местные, меняясь в лице, утверждают, что их смерть была “ужасной”»²⁶. Надо отметить, что не все авторы спекулируют на читательском любопытстве и тяге к мистическому. По словам одного из них, «тайны народа саама – только для самих саама»²⁷. Что касается шаманизма кольских саама, то феномен нойд (саамских шаманов) описывается в основном по этнографическим дореволюционным источникам. При этом может подчёркиваться связь между культурным явлением шаманизма и природно-географическими особенностями Кольского полуострова, указывающая лишний раз на представления об этой территории как о воображаемом пространстве: «Да, шаман действительно посредник, но посредник между людьми и суровой

23. См.: Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселённые группы кольских саама. Апатиты, 2007; Allemann L. The Sami of the Kola Peninsula. About the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Tromsø, 2013. URL: <http://septentrio.uit.no/index.php/samskrift>

24. Разумова И. А., Петров В. П. Указ. соч.

25. Заферман М. «Летучие камни» Севера // Наука и жизнь. 1990. № 2. С. 105.

26. Ткачёв Д. Указ. соч. С. 138.

27. Горшков В. Указ. соч. С. 24.

Арктикой, которую он очеловечивает; посредник между членами общества в разрешении их конфликтов, наконец, посредник в установлении внутреннего мира сомневающегося и страдающего соплеменника. Таким образом, нойда старается привести к гармонии всё, на что обращается его искусная деятельность»²⁸. Сообщаются фольклорные сюжеты, связанные с колдовством саамов, например с вызыванием урагана и ветра при помощи развязывания узелков. Рассказы о колдовстве сопровождаются современными мифами о гибели туристов: «До сих пор в Саамиедне (земле саамов) бушуют ураганы и гибнут путники»²⁹. Мистический ореол, окутывающий Кольский полуостров, может осознанно обыгрываться в публикациях: «Да, в округе неоднократно наблюдали снежного человека, некоторые бабки так и просто утверждают, что его подкармливают»; «А по дороге на Сейдозеро лежит себе спокойненько обломок самого настоящего НЛО. Главное божество саамов зовут не иначе как Куйва. Такая вот интересная жизнь на Крайнем Севере»³⁰.

Меньшее внимание в СМИ, по сравнению с публикациями о самской культуре, уделяется поморам Кольского полуострова. В массовых представлениях поморы устойчиво ассоциируются либо с общерусской, либо с мифической общесеверной культурой, отражающейся в стереотипах восприятия Севера как метапространства со специфическими природными и культурными особенностями, в частности, с повышенной «духовностью» северян. При изображении культуры поморов, традиционно рассматривающихся как локальная группа русских, подчёркивается их обособленность от «большого» этноса: «Поморы отличаются от великороссов и обликом, и диалектом, и бытом»³¹. Главное отличие строится на специфике хозяйственного комплекса, так или иначе связанного с морем: «А море стало для здешних жителей кормильцем, ведь скудная северная земля и суровый климат не дают простора земледельцам»³²; поморы «морем кормились и жили»³³. Значение морских промыслов для поморов отразилось в их образе жизни, в материальной культуре и праздничных ритуалах, что породило поговорку «И радость, и горе помору – всё от моря». Собственно, на связь с морем указывает уже сама внутренняя форма этнонима «поморы»,

28. Рыков В. Шаманы Лапландии // Наука и религия. 1991. № 8. С. 61.

29. Там же. С. 59.

30. Ткачёв Д. Указ. соч. С. 139.

31. Серов С. Поморы // Наука и жизнь. 1990. № 10. С. 54.

32. Там же. С. 55.

33. Белых В. Поморы // Родина. 1989. № 10. С. 33.

первоначально обозначавшего жителей южного побережья Мурманского полуострова и Кондопожской губы.

Публикации о саамах и поморах можно рассматривать как уникальный материал для выявления этнокультурных стереотипов, ассоциаций и символов, играющих структурообразующую и этнодифференцирующую роли, значимые для самоидентификации этноса³⁴. Среди основных образов, ассоциирующихся с поморами, которые можно рассматривать как стереотипы восприятия поморской культуры, – фигура «архангельского мужика» М. В. Ломоносова, переселенцы-старообрядцы, книжный «поморский» орнамент и «поморское литъё»: латунные иконки и кресты, доходившие вплоть до русских колоний в Америке³⁵. Как видно, названные стереотипы в полной мере отражают представления о высокой «духовности» поморов, которая воплощается в религиозных (старообрядцы, литые иконки и кресты) или же научных (Ломоносов, книжный орнамент) образах. Что касается стереотипов восприятия культуры саамов, то они связаны, с одной стороны, с древними источниками (трудами зарубежных учёных, древнерусскими летописями), изображающими саамов как великих шаманов, «племя могущественных и загадочных магов»³⁶, с другой стороны, с текстом «Калевалы», в которой преувеличиваются опасности, подстерегающие путников в Лапландии: «Народу в негостеприимных страшно-прекрасных краях гибнет порядком. А мы собрались в место не просто труднодоступное, но и овейнное очень дурной славой среди местного населения»³⁷.

Широкие возможности для конструирования географического образа имеет Интернет. Анализ интернет-дискурса в отношении воображаемого пространства Кольского арктического Севера выявляет изменение культурных смыслов через контекст употребления, казалось бы, одних и тех же понятий. Термины «Кольский Север», «Мурманская область» и «Кольский полуостров» обозначают одно и то же воображаемое пространство и являются составляющими одного географического образа.

Однако контекст употребления этих понятий демонстрирует значительные различия. «Кольский полуостров» имеет преимущественно географическое значение (хотя и включает в себя некоторые исторические представления) и содержит в основном природные и территориальные характеристики региона, описания природных и культурных достопримечательностей. По статистике, в сети Интернет наиболь-

34. Белова О. А. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

35. Серов С. Указ. соч. С. 54–55.

36. Ткачёв Д. Указ. соч. С. 139.

37. Там же. С. 137.

шее количество случаев использования прилагательного «кольский» отмечено в сферах географии и геофизики (одинаково, по 36,4%)³⁸. В структуре понятия «Кольский Север» на первый план выходит его номинативно-культурный потенциал: оно широко используется в названиях произведений научной и просветительской литературы, даже если практически не употребляется впоследствии в тексте самих трудов (как, например, в очерках Б. И. Кошечкина³⁹). Анализ репрезентаций показал, что в данном понятии особенно развита историческая составляющая, несмотря на отсутствие ярких ассоциаций с конкретной исторической эпохой. Географический компонент «Кольского Севера» выражен гораздо слабее, чем можно было бы этого ожидать, учитывая семиотическое значение обоих слов в данном словосочетании и отчётливую географическую локализацию. В интернет-репрезентациях понятий «Кольский полуостров», «Кольский Север» очень ограниченно представлена этнокультурная информация о регионе. При этом оба понятия играют большую роль в процессе не этнической, а территориальной идентификации, отражающейся в стереотипах восприятия и представлениях о «Севере» как о метапространстве с его специфическими природными и культурными особенностями.

Неожиданным образом больше всего развернутой этнокультурной информации обнаруживается при анализе репрезентаций, связанных с запросом «Мурманская область», от которого на первый взгляд можно ожидать в основном сведений общего официального характера: административные, статистические, экономические данные. Из всего разнообразия культур многонационального населения Мурманской области центральное место в репрезентациях занимают аборигены Кольского полуострова саами, которые позиционируются в интернет-источниках как этнический символ и туристический бренд региона. Слабо представлена старожильческая культура поморов, несмотря на обилие описаний природных достопримечательностей и культовых объектов, расположенных на Терском берегу Белого моря – традиционной территории проживания кольских поморов. Возможной причиной этого является упомянутое выше восприятие поморской культуры как «северной», объединяющей социокультурное пространство «Кольского Севера» с другими русскими северными регионами, в то время как в саамской культуре подчёркивается её уникальность, экзотическое своеобразие, выделяющее Кольский полуостров в территорию, имеющую особое культурное значение.

38. Словарь ассоциаций. URL: <http://www.reright.ru/analysis/1634116~кольский.html>

39. Кошечкин Б. И. Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск, 1979.

БОЧАРНИКОВА А. В.

Этносохраняющая роль
традиционного природопользования
на примере оленеводства
Ямало-Ненецкого автономного
округа в современных условиях

BOCHARNIKOVA A. V.

The role of traditional environmental management
in preservation of the ethnic group in modern
conditions (an example of reindeer husbandry
in Yamalo-Nenets Autonomous region)

Сведения об авторе:

*Бочарникова Александра Владимировна, младший научный сотрудник лаборатории экономических проблем экологической безопасности НИИ ЦЭБ РАН
aleksanndra.bocharnikowa@yandex.ru*

Author:

*Bocharnikova Alexandra Vladimirovna, Junior researcher of the Laboratory of Economic Problems of Research Center of Environmental Safety of Russian Academy of Sciences
aleksanndra.bocharnikowa@yandex.ru*

Аннотация:

В статье рассказывается об оленеводстве – традиционной деятельности ненцев – как в прежние времена, так и на современном этапе. Автор отмечает, что для 2-й половины XX в. характерен процесс сокращения вовлечённости ненцев в оленеводство. Охарактеризована правовая база, позволяющая вести традиционное хозяйство, в том числе практика заключения соглашений с компаниями.

Abstract:

The article tells about reindeer herding as the traditional activities of the Nenets in former times and at present. The author notes the process of reducing the involvement

of the Nenets reindeer husbandry since the 2nd half of the twentieth century is existed. The author describes the legal framework that provides the traditional reindeer herding, including the practice of concluding agreements with companies.

Ключевые слова:

Ямал, ненцы, оленеводство, традиционное природопользование.

Keywords:

Yamal, Nenets, reindeer herding, traditional nature use.

Ямало-Ненецкий автономный округ, будучи промышленным центром, одновременно является центром кочевого оленеводства. Автономный округ можно условно разделить на зоны перспективной нефтедобычи (Ямальский, Надымский, Тазовский, Пуровский и Красноселькупский районы) и зоны традиционного природопользования (Шурьшкарский и Приуральский районы)¹.

Оленеводство является единственной отраслью традиционной хозяйственной деятельности, в которой заняты преимущественно коренные малочисленные народы Севера, поэтому её называют этносохраняющей отраслью сельского хозяйства. Занятие оленеводством одновременно является образом жизни для коренного населения. Как и остальные отрасли традиционного природопользования, где заняты коренные малочисленные народы, оленеводство имеет слабое товарное значение, но выполняет социальную функцию для коренного населения. Однако оленина как экологически чистый продукт, а панты как источник сырья открывают дополнительные возможности для развития оленеводства. Положительным примером является развитие оленеводства в Скандинавских странах².

Ненецкое оленеводство изменялось в течение времени: если изначально ненцы занимались преимущественно вьючно-верховым таёжным оленеводством, то потом произошёл переход к крупностадному тундровому с использованием упряжек. Во время освоения Северного Зауралья русскими в XVI–XVII вв. у ненцев сложился хозяйственно-культурный комплекс, который включал в себя

1. Квашнин Ю. Н. Ненецкое оленеводство в XX – начале XXI века. Тюмень, 2009. С. 20.
2. Бочарникова Т. Б. Экономические и управленческие основы деятельности организации. М., 2002.

охоту на дикого оленя и пушного зверя, рыболовство и транспортное оленеводство. Транспортное значение ненецкого оленеводства сохранилось вплоть до XVII–XVIII вв., с точки зрения И. И. Крупника.

Есть также отличная точка зрения, согласно которой крупностадное оленеводство было развито у сибирских ненцев в XVII в. Тем не менее большими стадами оленей ненцы не владели.

С переходом к крупностадному оленеводству происходит резкое материальное улучшение жизни ненцев, численность ненцев повысилась. В ненецком оленеводстве средний размер стада составляет 200–500 голов, при этом в отдельных хозяйствах он может составлять 2,5–3 тыс. голов. В течение года оленеводы со своими семьями следуют за стадами оленей, которые идут в поисках корма, на каждом пастбище олени выпасаются по три – четыре дня. Подсобным видом традиционной деятельности является рыболовство.

В тундре олени совершают длительные миграции, насчитывающие тысячи километров, летом, как правило, олени пасутся на берегах морей, а зимой перемещаются в тайгу и лесотундру. На Ямале оленеводы следуют за оленями, а на Кольском полуострове в летнее время применяется способ «вольного выпаса». Основной целью тундрового оленеводства является производство мяса и других видов товарной продукции. Для тундрового оленеводства нетипичны длительные миграции, применяются «вольные» и «вольно-лагерные» методы выпаса, а олени часто содержатся в изгородях.

Кочевой характер крупностадного тундрового оленеводства связан с адаптацией к низкой продуктивности растительности на пастбищах в тундровой зоне, возникновение к XVIII в. у ненцев, коми-ижемцев такой формы оленеводства способствовало увеличению поголовья оленей.

Соотношение кочевого населения в разных регионах зависело от отраслевой структуры традиционного природопользования в разных географических зонах: как правило, в тундре оно было основным видом хозяйственной деятельности, а в тайге вспомогательным.

В 1926–1927 гг. в тундре по официальной статистике доля кочевого населения составляла 59,8%, среди коренных малочисленных народов 67,4%, в реальности, по данным К. Б. Клокова, уровень кочевания составил не менее 70% из-за недоучёта кочевников. Среди ненцев в это время уровень кочевания составил 95,6%. А в начале XX в. кочевое население было представлено ненцами (95,6%), селькупам (97,7%), долганами (96,8%), кетами (92,6%), эвенками (86,1%), эвенками (92,3%),

орочами (86,1%). Существенный процент кочующего населения также был среди саами (76,8%), чукчей (71,5%), коряков (54,8%).

В современной ситуации подавляющая часть кочевников представлена ненцами, на их долю приходится 4/5 кочевого населения, в Ямало-Ненецком автономном округе кочевое население сосредоточено в национальных районах. В XX в. после перехода от бытового к производственной форме кочевания многие этносы утратили кочевой образ жизни, способствовали этому также насильственная коллективизация и сединтеризация.

Самый высокий уровень кочевания в стране в Ямальском и Тазовском районах – 51,6% и 80,4% соответственно. По большому счёту, среди оленеводов выделяется три группы – те, кто работает в муниципальных оленеводческих предприятиях, оленеводы-общинники и оленеводы-частники. Оленеводы, которые заняты на предприятиях, разделены по бригадам, за бригадами закреплены оленеводческие стойбища. Они получают заработную плату, а сами предприятия находятся под постоянным контролем местной администрации. Оленеводы-частники появились после приватизации сельскохозяйственных предприятий, на территории округа это самая многочисленная группа, официально они не признаются работающими, не получают заработной платы, живут за счёт реализации оленеводческой и рыболовецкой продукции³.

Вовлечённость коренного населения в традиционные отрасли в 1990-е гг. сокращается, постоянную занятость для местного населения дают только оленеводство и рыболовство. При этом есть определённая тенденция – среди оленеводов очень много частных, которые официально не трудоустроены, а их земельные отношения юридически не регламентированы. Оленеводство коренных малочисленных народов не приносит экономическую прибыль, но и убыточным не является.

Сокращению количества пастбищ способствует бурное развитие промышленного сектора, для освоения территории требуется всё больше земель, в результате количество земель сельскохозяйственного назначения сокращается. Серьёзная проблема, существующая на территории округа, – неконтролируемый рост численности оленьего поголовья у частных, сопровождающийся перевыпасом, в результате на территории Ямало-Ненецкого автономного округа

3. Йернслеттен Й.-Л., Клоков К. Б. Устойчивое оленеводство. Арктический Совет 2000–2002. СПб., 2002.

сокращается количество пастбищ, пригодных для занятий оленеводством. На территории округа остаётся менее 1% пастбищ хорошей категории, а богатых ягельных пастбищ нет вообще⁴.

Второй отраслью, играющей важную роль в обеспечении занятости коренного населения, является рыболовство. Значительную роль играют рыболовецкие предприятия, которые разделяются на две группы:

- 1) Муниципальные и государственные предприятия – рыбозаводы.
- 2) Негосударственные – частные кооперативы, общины.

В Ямало-Ненецком автономном округе рыбной ловлей и переработкой продукции рыболовства занимаются одно государственное предприятие, шесть муниципальных и 39 негосударственных. Каждый год все эти предприятия получают субсидии из окружного бюджета. Коренного населения в рыболовецкий бригадах – около 100%, в цехах обработки – более 80%. Рыболовные угодья в округе закреплены за государственными и муниципальными предприятиями. Коренные народы ведут промысел без предоставления рыбопромыслового участка и без какого-либо специального разрешения. Одна из важных проблем, связанных с традиционным природопользованием, проблема переработки продукции.

В российской нормативно-правовой системе существуют общественная, государственная и частная формы собственности на оленей и оленьи пастбища. Принципиальные различия между государственной и общественной формами собственности отсутствуют. В общественной собственности находится большая часть оленей, которая раньше принадлежала совхозам и колхозам. К частной собственности относятся олени местного населения и те, которые принадлежат фермерским и семейным хозяйствам. Оленеводческим предприятиям, которые были созданы на основе совхозов и колхозом, оленеводческие пастбища были переданы в пожизненное владение. Частные олени часто выпасаются на тех же пастбищах, что и олени оленеводческих предприятий. Как и в других видах традиционного природопользования, в оленеводстве сложным является вопрос о земельных отношениях: олени пастбища не имеют документального закрепления.

Сейчас управление оленеводством осуществляется в рамках той же системы, что и в других областях сельского хозяйства, однако для оленеводства как специфической области необходимы особая си-

4. Макеев В. М., Клоков К. Б., Колпащиков Л. А., Михайлов В. В. Северный олень в условиях изменяющегося климата. СПб., 2014.

стема управления, государственное регулирование и поддержка. В советское время управление оленеводством осуществлялось централизованно и планоно, наиболее эффективно в 1961–1991 гг. В основе управления оленеводством лежал принцип протекционизма.

В составе Министерства сельского хозяйства было Главное управление, которое занималось планоно-экономической и учётно-бухгалтерской работой. Специальные управленческие структуры были ликвидированы в 1991 г. Сейчас на федеральном уровне проблемами оленеводства занимается Департамент взаимодействия с регионами, на региональном – Министерства сельского хозяйства на уровне республик, администрации – на уровне районов и областей. Вопросами использования пастбищ занимаются комитеты по земельным ресурсам и землеустройству. Одной из главных проблем системы управления оленеводством является недостаточное участие самих оленеводов. Для вовлечения оленеводов в процесс управления в 1995 г. был создан Союз оленеводов России.

Правовое положение оленеводства на федеральном уровне регулируется нормами Конституции РФ, Гражданским, Земельный и Лесным кодексами РФ, федеральными законами, касающимися прав коренных малочисленных народов Севера. На федеральном уровне отсутствует специальный закон об оленеводстве, однако он действует на уровне субъектов⁵.

Промышленное освоение приносит неодинаковые последствия для различных групп ненцев: в связи с промышленным освоением, отчуждается часть пастбищных территорий для строительства месторождений и транспортных путей, меняются пути передвижений оленеводческих бригад, ухудшаются условия для попутной деятельности и самообеспечения оленеводства в районах выпаса оленей.

Наглядный отрицательный пример есть в Тазовском районе – территория Гыданского района до сих пор загрязнена отходами недобросовестных компаний с предыдущего освоения, не вывезенная арматура стоит на всей территории Явай-Сале. Более того, ущерб, который наносится коренному населению, не всегда можно подсчитать, поскольку критерии, что считать благосостоянием, для коренных народов и остальных групп населения разные. Фактически компенсации, которые касаются обеспечения жильём местного населения, невозможно считать адекватной заменой традиционного образа

5. Макеев В. М., Клоков К. Б., Колпашников Л. А., Михайлов В. В. Северный олень в условиях изменяющегося климата. СПб., 2014.

жизни, возникают проблемы с адаптацией местного населения. Разница обуславливается различными системами ценностей, которые существуют в традиционном и доминирующем обществе.

И если поселковое население от развития инфраструктуры может и выиграть, но для тундровиков это прежде всего непоправимая трансформация среды жизнедеятельности, в результате которой оленеводы вынуждены менять места каланий и заходить на территорию соседних оленеводов, что может привести к конфликтам среди КМНС. Для кочующих ненцев проблемы связаны с количеством и качеством природных ресурсов, с доступом к оленьим пастбищам и рыболовным угодьям. В современных условиях усиливается их зависимость от переработки и продажи рыбы и мяса. Это приводит к тому, что организация труда, позиция и деятельность лидеров, политика государства напрямую влияют на уровень жизни, физическое и духовное состояние коренных народов.

Общей проблемой является то, что в силу интенсивного промышленного освоения территория пастбищ сокращается, что ведёт к перевыпасу, истощаются олени пастбища. Необходимо решить главный вопрос – закрепление пастбищ за землепользователем. В настоящее время за предприятиями ТЭКа закреплено право на аренду земли на 40 лет, а за сельхозпредприятиями – на 10 лет.

Сокращение пастбищ приводит к проблемам, особенно зимой, когда все оленеводы стремятся поставить чумы поближе к посёлку. Исторически все маршруты складывались так, чтобы избежать конкуренции за пастбища. Ведущееся промышленное освоение и строительство дорог не учитывают этого фактора. А так как все большие пастбищные территории отторгаются под промышленное освоение, могут возникнуть конфликты внутри аборигенного сообщества, между бригадами и семьями.

Новым этапом отношений между коренным населением и компаниями являются партнерские отношения. В 2012 г. были проведены полевые исследования в посёлках Антипаюта, Газ-Сале и Тазовский, согласно которым местные жители голосуют за промышленный проект, но при соблюдении экологических норм, техники безопасности, помощи коренному населению и улучшении жилищных условий. Компании заключают договоры с ассоциацией «Ямал – потомкам!», которая проводит опросы местного населения по поводу будущих проектов. Так, например, в 2013 г. были проведены общественные слушания с компаниями «Лукойл – Западная Сибирь» и «Ямалнефтегаз». Однако далеко не всегда интересы коренного населения учитываются.

Инструментом участия представителей коренных малочисленных народов Севера является также практика заключения соглашений с администрацией и промышленными компаниями. Посредником между местным населением, промышленными компаниями и администрацией, является общественная организация ассоциация «Ямал – потомкам!», которая работает в том числе на территории Тазовского района, в посёлке Тазовский, на данный момент председателем управления является Неркагы Николай Николаевич.

Существует положительная практика заключения соглашений между компаниями и «Ямал – потомкам!», когда перед началом проекта происходит информирование местных жителей. Как правило, от заключения соглашений в большей степени выигрывает Тазовский районный центр, с посёлками ситуация сложнее.

ВИНОКУРОВА У. А.

Феномен человека криолитозоны

VINOKOUROVA U. A.

The concept of “human of the cryolithozone (permafrost zone)”

Сведения об авторе:

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических, кандидат психологических наук, руководитель научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации ФГБОУ «Арктический государственный институт культуры и искусств»

Uottaah1707@gmail.com

Author:

Vinokourova Ulyana Alekseevna, Doctor of Sociology, PhD in Psychology, the Head of the Research Center of Circumpolar Civilization of Arctic State Institute of Culture and Arts

Uottaah1707@gmail.com

Аннотация:

Оттаивание льдов Арктического океана, ледников гор и верхних слоёв многолетней мерзлоты стали реальным вызовом человечеству. В статье выдвигается идея о введении понятия «человек криолитозоны», раскрывающего особенности жизнедеятельности, психологии и ценностей людей, издавеле населяющих территории земли, покрытых многолетнемёрзлыми грунтами. Проживание в условиях криолитозоны Якутии усугубляется рекордно низкими температурами воздуха. Автор как исследователь, коренной житель криолитозоны, используя Indigenous Methodology, предпринимает попытку обозначить особенности человека криолитозоны и перспективы его изучения.

Abstract:

The melting of the Arctic Ocean ice, mountain glaciers and upper layers of permafrost became a real challenge for humanity. The paper introduces the concept of “human of the cryolithozone (permafrost zone)”, revealing particularities of life, psychology and values of people inhabiting the territory covered by the permafrost from ancient times.

Living in the permafrost conditions in Yakutia is exacerbated by extremely low air temperatures. The author, being a researcher-native of the cryolithozone (permafrost zone), employs Indigenous Methodology – attempts to identify the particularities of human of the cryolithozone (permafrost zone) and the prospects for its study.

Ключевые слова:

криолитозона, Полюсы холода, Indigenous Methodology, Якутия, экологическая трансформация, культура, холод, человек криолитозоны.

Keywords:

cryolithozone (permafrost zone), the Pole of Cold, Indigenous Methodology, Yakutia, ecological transformation, culture, cold, human of cryolithozone (permafrost zone).

Введение

Биополитика и политическая климатология проникают в научную сферу, занимающуюся природосбережением и человекобережением, направляя представителей социогуманитарных наук на поиск ответов на актуальные вызовы природных катаклизмов. Глобальное изменение климата, угрожающее таянием льдов и многолетней мерзлоты, заставляет обращать внимание научного сообщества на феномен человека, издревле проживающего в условиях криолитозоны. Homo Sapiens в условиях ледникового периода и последующих изменений испытал различные уровни коэволюции вместе с трансформацией экологической среды. Значительная часть человечества, покинув оледеневшие места обитания, возвращалась назад лишь на короткие промежутки времени. Однако северная ойкумена человечества не превратилась в страну «белого безмолвия», многовековая коэволюция человека со средой обитания не прекращалась и сформировала феномен человека криолитозоны. Философия выживания в условиях холода была выработана далеко не всеми общностями людей, оказавшихся в тисках оледенения. Уцелевшие создали уникальную циркумполярную цивилизацию... Не имеющий аналога опыт выживания в экстремальных условиях является одним из впечатляющих вкладов народов Арктики и Севера в планетарную цивилизацию, и он полностью будет востребован в третьем тысячелетии¹.

Якутским археологом Ю. А. Мочановым на основе артефактов, добытых им в раскопках под Якутском, выдвинута теория

1. Николаев М. Е. Северная доктрина. К итогам первой пятилетки Якутской доктрины здорового образа жизни. М., 2005. С. 9.

о внетропическом происхождении человечества². Наскальные рисунки в пещерных росписях палеолита, простирающихся далеко за Полярным кругом, ждут осознания истоков духовности человека криолитозоны как «части монолита живого вещества на планете», по выражению В. И. Вернадского, и как северо-азиатский очаг антропогенеза. Выдающийся советский учёный В. П. Казначеев сокрушался, что «за Уралом никто, в сущности, не занимается проблемами человека и живого вещества»³. Он вводил фактор влияния на приспособление человека излучения космических полевых структур, оказывающих более сильное воздействие в условиях Крайнего Севера, чем в средних широтах⁴.

За Северным полярным кругом у России вдвое больше земель, чем у Канады, в 10 раз больше, чем на Аляске, в 15 раз больше, чем у Норвегии, Швеции и Финляндии вместе взятых⁵. Якутия характеризуется как самая населённая территория среди холодных регионов планеты. Она как среда обитания человека представляет собой вызов естественному холоду: рекордно низкие температуры воздуха и криолитозона. Вся территория республики находится в зоне многолетней мерзлоты и расположена между Северным полюсом планеты, Полярным кругом и зафиксированными зонами с рекордно низкими температурами воздуха в Северном полушарии. Доместикация пространства Заполярья, видимо, никогда не прерывалась, изменялись лишь способы адаптации к вмещающему ландшафту в зависимости от ведущих целей освоения территории.

Холод в Indigenous Methodology

Использование Indigenous Methodology⁶ позволяет обогатить науку мышлением и опытом, интерпретацией глубокого видения перспектив и интересов коренных народов их собственными учёными (indigenous scholars) с целью обеспечить лучшее понимание и принятие коренных народов как субъектов истории, имеющих богатое культурное и интеллектуальное наследие и современный потенциал, что особенно важно для понимания феномена человека криолитозо-

2. Мочанов Ю А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человека. Новосибирск, 1992.

3. Казначеев В. П. Феномен человека: космические и земные истоки. Новосибирск, 1991. С. 7.

4. Там же. С. 31.

5. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское время. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. Л. М. Алексеева, А. Н. Сафронова. М., 2007. С. 27.

6. Vinokurova U. Indigenous methodology in the social and humanitarian sciencesю Gloria Bibliosphaerae (Нишката на Ариадна). София, 2016. С. 228–237.

ны. *Indigenous Methodology* нацелена на решение именно тех проблем, которые волнуют коренные народы в соответствии с их ценностями человеческого и этнокультурного достоинства.

В настоящее время остаются актуальными проблемы цивилизационного насилия, процессы сопротивления доминированию, модернизации идентичности и образа жизни коренных народов под давлением новых вызовов. Повестка дня для коренных народов состоит в создании условий формирования их способности быть адекватными крупнейшим цивилизационным переменам, контуры которого проявляются в современных трендах информационного общества с активной миграцией биосферного общества в условиях экологической трансформации Земли и смены технологических укладов. Доверие к научным рекомендациям и дискурсам вырастает при выведении ранее изолированных, искажённых своеобразным научным колониализмом объектов интеллектуального наследия коренных народов из научной периферии и использовании *Indigenous Methodology*, не полагаясь, как раньше, только на выводы различных научных школ Европы и США.

Изучение проблем холодных территорий с позиций научных школ Европы и США сводится к обеспечению экономически эффективных моделей их хозяйственного освоения, преимущественно мобильными трудовыми ресурсами. Под давлением подобной научной парадигмы из поля зрения науки и управления исчезают коренные народы с их стилем жизни и человеческими судьбами. К примеру, исследователи из Института Брукингса Ф. Хилл и К. Гэдди видят политику освоения Сибири как бремя, просчёт советского планирования, не учитывающего фактор холода. Они задались вопросами стоимости холода в России: насколько холодна Россия? Сколько стоит холод? Скольких расходов можно было бы избежать в прошлом (и возможно избежать в будущем)?⁷ При этом они занялись лишь температурой воздуха, не учитывая самое важное для человека – состояние покрова земли и опыт коэволюции человека со средой обитания.

Холод как условие среды обитания учитывается в сравнительных исследованиях полярной медицины по социоприродной эволюции организма и конституционного типа человека, как «синдром полярного напряжения» в гелиомагнитной среде Заполярья, используется в определении критерия экономического районирования, как вызов экстремального туризма, как фактор физической культуры и спорта высоких достижений в зимних видах спорта и т. д. Однако такие

7. Хилл Ф., Гэдди К. Указ. соч.

чёткие критерии, как «температура на душу населения», в российской экономике не используются.

Холод и Якутия

Метеорологическая наука признаёт территорию Якутии самым холодным обитаемым регионом на северном полушарии Земли. Начиная с 1892 г. на 20 метеостанциях населённых пунктов Якутии были зафиксированы рекорды по абсолютному минимуму температуры воздуха в различные годы. Особо отличаются три точки с самими низкими температурами воздуха: Верхоянск – по абсолютному минимуму температуры воздуха, Делянкир – по средней годовой температуре воздуха и Оймякон – по средней месячной температуре января – самого холодного месяца года⁸.

Как свидетельствуют археологические и этнографические источники, территория Полюса холода заселена с древнейших времён. Люди сумели создать уникальную культуру жизнеобеспечения в условиях вечной мерзлоты и, как говорят якуты, Тымныы Чыпчаала – Вершины Холода. Собрано более 300 археологических памятников, расположенных в арктических районах Якутии, в которых сохранились достижения людей в освоении экстремально холодной дискомфортной якутской зоны обитания северного полушария. Эти сведения влились в золотой фонд истории человечества. Жизнь на Вершине Холода становится источником великого учения сохранения жизни на планете. Человек и Живая Природа взаимопроницающе адаптированы к условиям холода, и мороз стал для них жизненной необходимостью. Люди научились делать из холода своего помощника и оберегать Живую Природу, вместе с ними замерзающую и оживляющуюся в соответствии с циклами льда, снега и воды. Именно холод, лёд и снег дают возможность освоения пространства по зимнику. Сама природа ведёт человека, а выдержавшему испытание дарит тайну жизни безвозмездно и неограничено. Убедительными примерами коэволюции человека криолитозоны с животным миром среды обитания являются янская порода лошадей⁹, аборигенная порода скота¹⁰ и домашние олени чу-

8. Иванова Р. Н. Рекордно низкие температуры воздуха в Евразии // Вестник ЯГУ. 2006. Т. 3. № 1. С. 17–18.

9. Слепцов П. И. Лошадь Полюса холода. Якутск, 2003; Священная лошадь саха / Сост. Р. И. Бравина, С. Г. Алексеева, Н. П. Степанов. Якутск, 2011; Ferret C. Techniques iakoutes aux confins de la civilisation altaïque du cheval. Contribution à une anthropologie de l'action. Thèse de doctorat nouveau régime en anthropologie sociale et ethnologie. Paris, 2006 (3 volumes, 1239 p., ill., biblio : 1175–1224).

10. Granberg L., Soini K. Sakha Ynaga. Cattle of the Yakuts. Helsinki, 2009; Саха ынага. Дар предков / Сост. Р. Г. Попов, Р. И. Бравина и др. Якутск, 2013.

котских, ненецких, эвенкийских и эвенских пород¹¹. Многовековая народная селекция вывела породы домашних животных, приспособленных к экстремальным природно-климатическим условиям холода Заполярья.

Холод повлиял и на особенности теплообмена человека криолитозоны. Феноменальную жизнеспособность народа саха с точки зрения историко-генетической медицины изучал д. м. н. М. А. Тырылгин¹². Он пришёл к выводу об огромном жизненном потенциале народа саха, накопленном благодаря народной гигиене, хозяйственной революции в условиях Севера и этнопсихологическим особенностям воспитания. Якуты создали уникальную технологию скотоводства для создания устойчивого продовольственного запаса в условиях длительной зимы и основу этнической пищи.

Холод и спорт

Медицинские исследования адаптации организма человека в условиях холода и его работоспособности в зависимости от температуры окружающей среды были научной основой международного межконтинентального заплыва 5–11 августа 2013 г. через Берингов пролив, в котором участвовали 66 пловцов из 17 стран пяти континентов мира¹³. Время плавания каждого пловца составило от 5 до 15 минут до наступления холодовой позы «съёживание». В течение шести суток на протяжении 134 км маршрута плавания пловцы преодолевали волны ледяной воды высотой от 2 до 4 м, боковые и встречные течения, холод и ветер, дождь с мокрым снегом, плотный туман. По функциональным критериям пловцы подразделялись на группы «спринтер», «стайер» и «марафонец» в зависимости от уровня адаптации организма человека к экстремальным условиям Севера. Во время заплыва через Берингов пролив пловцы из тёплых стран – «спринтеры» отказались плавать в холодной воде (с 3,6°C по 7°C). А пловцы-«марафонцы» из России и др. стран продолжали плавать в холодной

-
11. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленеводов. М., 1977; Alekseyev A., P Vitebsky P. What is a reindeer? Indigenous perspectives from northeast Siberia // Polar Record (Cambridge University Press). ISSN: 0032-2474. 2014 <http://dx.doi.org/10.1017/S0032247414000333> – Дата обращения: 03.09.2016.
 12. Тырылгин М. А. Истоки феноменальной жизнеспособности народа саха. Якутск, 2000.
 13. Тимофеев Д. С., Докучаев О. Е. Международный заплыв через Берингов пролив. Медицинские проблемы // Успехи современного естествознания. 2014. Вып. № 10. С. 18–20.

воде без отказа. Они проявили марафонскую выдержку и преодолели холодные воды с Чукотской стороны Берингова пролива.

Этнопедагогические методы использования холода в физическом воспитании детей на основе исследования якутской народной системы закаливания были описаны Н. К. Шамаевым¹⁴, разработавшим программу по физическому воспитанию для сельских общеобразовательных школ, рекомендации для семейного физического воспитания на национальных традициях¹⁵. Он отметил, что якутские дети играют на открытом воздухе при любых погодных условиях, даже в самую холодную погоду устраивают гонки, играют в мяч, в прятки, борются на снегу, состязаются в национальных прыжках. Особое значение придаётся закаливанию кистей рук и верхних дыхательных путей. Физический труд никогда не прекращается по причине холода. В зимний период многие северяне могут позволить себе в лёгкой домашней одежде кратковременно пребывать на холодном воздухе для разных дел. В условиях обжигающего холода основным средством закаливания является постоянное пребывание человека под открытым небом во время атмосферных осадков, а также гигиена тела и одежды, правильное употребление горячей и холодной пищи. В зимнее время года у коренных жителей Севера холод вызывает жажду. Они употребляют тёпло-горячий чай с молоком, таким путём согревают организм и восполняют потерянную жидкость. Снег и лёд были основной средой игр народов Севера. Одной из подобных игр является состязание на скорость скольжения по льду: сидя на традиционных камусных лыжах «туут» и отталкиваясь с помощью ноги. Дети преодолевают расстояние 60 м, взрослые – 100 м. Лыжи стали символом победы народов Якутии в годы Великой Отечественной войны.

Полюс холода

Душа холода проникает в творческую душу человека. Потому здесь сохраняется уникальное живое культурное, духовное наследие коренных народов, исконные виды жизнеобеспечения, хозяйственно-культурный уклад, древние доместикационные виды оленей, лошадей и крупного рогатого скота. Здесь можно увидеть и изучить способы использования холода, льда, снега и сосуществования человека с природой. Холод становится одним из активных элементов физической

14. Шамаев Н. К. Особенности методики физического воспитания в условиях Севера. Якутск, 1996.

15. Шамаев Н. К. Семейное физическое воспитание на национальных традициях. Якутск, 2003.

культуры и обладает возрастающим значением для развития этноспорта народов, проживающих в криолитозоне. Накоплена своеобразная духовность местного населения, заповеди гласят, что Бог и природа говорят на одном языке, а оскорбление природы и друг друга обернётся прямым и непосредственным воздействием на их жизнь. Здесь люди хорошо осведомлены о природе и говорят о ней по-своему, они знают, как надо её слушать, чтобы понять Дух земли, который хранит холод для общего баланса жизни человека и всего живого на планете. Холод правит в Якутии, и в особенности в Оймяконской котловине. Он почитаем местными жителями. Холод одухотворяет жизнь, и мерой холода измеряется ценность жизни. В духовной жизни холод занимает центральное место, и о нём говорят с уважением, пишут, изучают, слагают легенды, поэмы, создают тотемы и произведения искусства¹⁶.

В настоящее время территория Полюса холода позиционируется как географический, туристический объект и как зона промышленного освоения и ГУЛАГа. Так получилось, что там, где в наибольшей степени сохранился свободный Дух Холода, был заточён человеческий Дух Свободы в 38 лагерях ГУЛАГа. Мы должны восстановить первозданную силу дикой природы, чтобы вернуть и укрепить достоинство самосознания местного населения, самодостаточную ментальность свободных людей криолитозоны. Культура коренных этносов, их повседневный быт не оценены ни ими самими, ни теми, кто добывает ресурсы их исконных земель. Человек криолитозоны прозябает в ментальных застенках несвободы.

Мы намерены разработать сайт о людях и природе Полюса холода как площадку для самоосознания местных сообществ, создавших самобытные образцы человеческого поселения, жизнеобеспечения в уникальных условиях территории Полюса холода в северном полушарии.

Задачи:

Собрать голоса – мнения, мысли, рассказы, истории жизни людей, живущих на территории Полюса холода.

16. Винокурова У. А. Экодуховное влияние холода на развитие спорта в условиях криолитозоны с экстремально низкими температурами воздуха // Международные спортивные игры «Дети Азии» – фактор продвижения идей Олимпизма и подготовки спортивного резерва. Материалы международной научной конференции, посвящённой 20-летию 1-х Международных спортивных игр «Дети Азии» и 120-летию Олимпийского движения в стране. Якутск, 2016. С. 153–155.

Экопросветительская деятельность по восстановлению знаний и ценностей экософии коренных народов, живущих по законам коэволюции с природой.

Формировать локальную идентичность жителей как преемников обустроителей жизни в условиях Полюса холода.

Информировать мировое сообщество об особенностях жизни природы на Полюсе холода.

Информировать общество об экологическом состоянии мест промышленного освоения на территории Полюса холода.

Популяризировать деятельность общественных экологических инициатив на территории Полюса холода.

Освещать деятельность в особо охраняемых природных территориях местного, республиканского и федерального уровней на зоне Полюса холода.

Реализация проекта является основой для достижения более ответственной цели – продвижения идеи включения территории Полюса холода в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Благодаря созданию сайта будет услышан голос местных сообществ продолжится укрепление их достоинства и свободы как преемников уникальной культуры жизнеобеспечения в условиях Полюса холода. Активизация местных сообществ будет направлена на выделение особой социально-экономической зоны на Северо-Востоке России – территории Полюса холода и разработку соответствующей целевой государственной программы с приоритетом экологической, природоохранной и социогуманитарной составляющих. Проект охватывает непосредственные интересы людей, проживающих на территории Полюса холода, и будет способствовать повышению их экологического активизма по сохранению дикой природы и соблюдению экологических требований при использовании природных и недровых ресурсов территории. От сохранности состояния устойчивости многолетнемёрзлых грунтов на территории Полюса холода в значительной степени зависят сохранение культуры человека криолитозоны, экологическое благополучие планеты и её населения.

ГОЛОВНЁВ А. В.

Кочевая традиция как культурное наследие Арктики¹

GOLOVNEV A. V.

Nomadic tradition in the Arctic cultural
heritage

Сведения об авторе:

Головнёв Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург

Andrei_golovnev@bk.ru

Author:

Golovnev Andrei Vladimirovich, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, senior researcher, Ekaterinburg

Andrei_golovnev@bk.ru

Аннотация:

Основным и наиболее выразительным элементом культурного наследия Арктики представляется кочевая традиция, включающая мобильные пространственно-временные стратегии, ценности и технологии кочевания, «оленье мышление», ритмы экологического и социального поведения. В «северном измерении» России уместно осмысление и применение стратегий арктического номадизма, в том числе полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности навыков коренных северян. Северная перспектива в истории и современном позиционировании России становится все более очевидной, и арктическое культурное наследие наращивает свою актуальность и заслуживает изучения и презентации на новом уровне.

1. Исследование выполнено за счёт гранта РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации».

Abstract:

The basic and most remarkable part of the Arctic cultural heritage seems to be a nomadic tradition comprising the mobile spatial-temporal strategies, values and technologies of migrations, “reindeer thinking,” the rhythms of ecological and social behavior. The Russian “Northern Dimension” could incorporate and implement the Arctic nomadic strategies including polyrhythmic mobility, ethics of minimalism, principle of poly-functionality, energy-saving and other methods from indigenous Northerners’ repertoire. Since the northern perspective in Russian history and today orientation becomes more evident, the Arctic cultural heritage enhances its relevance and deserves a new level of study and presentation.

Ключевые слова:

кочевая традиция, Арктика, Россия, культурное наследие, стратегии мобильности, антропология движения, чукчи, ненцы, саамы, коми-ижемцы.

Keywords:

nomadic tradition, Arctic, Russia, cultural heritage, mobile strategies, anthropology of movement, Chukchi, Nenets, Saami, Izhma-Komi.

Суровость природы и эстетика минимализма во все времена сдерживали размах строительства храмов и жилищ обитателей Арктики. Для северных культур характерна скорее широта миграций и коммуникаций, чем локальная плотность с сопутствующей основательностью архитектуры. Памятники наскального искусства Фенноскандии, Беломорья и Чукотки, равно как древние ритуальные комплексы ямальского Усть-Полюя и берингоморской Китовой аллеи, лишь в малой доле передают богатство социальных и духовных реалий. И хотя вечная мерзлота преподносит иногда ошеломляющие сюрпризы, храня нетленной органику тысячелетней давности (например, на мезолитической стоянке о. Жохова), главными памятниками культуры Арктики выступают не «осязаемые» (tangible, по терминологии ЮНЕСКО) монументы, а «неосязаемое» (intangible) достояние, включая мифологию и эпос (в том числе всемирно известные исландские саги, карело-финскую Калевалу и якутское олонхо), языки, обычаи, обряды, празднества, ремесла и искусства арктических народов.

Основу культурного наследия Арктики составляет живая культура коренных народов. Северу свойственна, с одной стороны, устойчивость культур и систем коммуникации, с другой – их высокая адаптивность к экологическим и социальным переменам. В этом смысле

принципиально и проблематично соотношение понятий «традиция» и «инновация», которые сегодня часто фигурируют в титулах научных форумов, проектов и трудов. Обычно они противопоставляются, причём «традиции» нередко придаётся оттенок отсталости и ущербности (например, в теории модернизации). В действительности этнокультурные традиции органично уживаются с технологическими новациями; часто традиция рождает новацию, а склонность к новациям становится традицией. Механизм и динамизм культурной устойчивости и изменчивости в Арктике представляет особый интерес для концептуализации культурного наследия.

Ещё недавно номадизм рассматривался как архаизм, с которым (в стиле модернизационных концепций XX в.) следовало поскорее покончить, осчастливив кочевников «переводом на оседлость». Искренняя убеждённость в том, что номады – рудимент цивилизации, дополненная стремлением упрочить контроль над их территориями, настраивала чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство больших посёлков, культбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство и приверженность номадов собственным ценностям позволили им устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости.

Сегодня многое изменилось. С одной стороны, «успешные» опыты перевода на оседлость обернулись «драмой посёлков» с их депрессивностью, маргинальностью, отсутствием занятости и полноценной самореализации (особенно мужчин) – в отличие от «здоровой тундры» или «здоровой степи», по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. в мире распространилась мода на неономадизм, чему в немалой мере способствовал бум туризма, кибер- и медиапутешествий; «новыми кочевниками» стали называть себя «люди сети» (кибер-номады) и «транслокальных культур» (вроде *Techno* и *New Age*)², а также представители политического и делового истеблишмента, мигрирующие по миру в своих бесконечных вояжах.

2. Э. Д'Андреа полагает, что исследование неономадизма с его текучестью (*fluidity*), изменчивостью (*changeability*) и рефлексивностью (*reflexivity*) открывает новый ракурс культуры глобализации, образцы поведения «новых кочевников» (транслокальных контркультур), замещающие локальность версиями глобального неономадизма (*global neonomadism*). См.: D'Andrea A. Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age // *Mobilities*. 2006. Vol. 1, No 1. Pp. 95–119.

Арктический нomaдизм

Номадизм (кочевничество) – исконное и исходное состояние человечества, благодаря которому люди расселились по всей планете и адаптировались к многообразным природным условиям. Это состояние – не эпизод, а устойчивый феномен. Основным и наиболее выразительным элементом культурного наследия Арктики представляется кочевая традиция, включающая жизненную философию номадизма, мобильные пространственно-временные стратегии, ценности и технологии кочевания, «оленье мышление», ритмы экологического и социального поведения. Одно из главных свойств арктических культур состоит в их высокой мобильности и искусстве освоения больших пространств.

Арктика – пространство, в котором ярко сохраняется кочевая традиция. В разные эпохи в высоких широтах Евразии кочевали олениводы (саамы, ненцы, эвенки, эвены, чукчи, коряки), собаководы (эскимосы, юагиры), мореходы (норманны, поморы, эскимосы) и коневоды (скандинавы, русские, якуты). Мобильность – ключевое свойство обитателей высоких широт, алгоритм их культуры, в которой динамика преобладает над статикой. Во многих культурах Арктики кочевание считалось благополучием, а оседлость – бедствием. Освоение обширного пространства и контроль над ним легли в основу мотивации и жизненной философии северян. Отнюдь не метафорой звучит утверждение, что на Севере издавна существовали не малые народы, а культуры больших пространств.

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров – три очага арктического номадизма. Кочевые культуры чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям и техническим инновациям. В последние десятилетия олениводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям управления, экономики, информации, дав самые впечатляющие в циркумполярном мире примеры неотрадиционного развития культуры, экономики и самоуправления. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой – многообразно применим в новейших стратегиях мобильности и освоения Арктического региона.

Чукотка, Ямал и Кольский полуостров, имея немало общего, обнаруживают существенные различия в стиле оленеводства и мобильности чукчей, ненцев, саамов, коми-ижемцев. В каждой из тундр оленеводство сложилось самостоятельно на основе местных охотничьих

практик, хотя циркумполярные контакты издавна обеспечивали обмен технологиями номадизма (например, при экспансии «каменных самоедов», «каменных чукчей», коми-ижемцев). Для наблюдения в трёх тундрах мы выбрали три очага оленеводства: Чаунскую тундру Чукотки (около 100 оленеводов и 22 тыс. оленей), северо-западную тундру Ямала между Харасавэем и Морды-яхой (около 90 оленеводов и 23 тыс. оленей) и Ловозерскую тундру Кольского полуострова (около 50 оленеводов и 25 тыс. оленей).

Чукотке с её горными и приморскими тундрами традиционно присуш пеший и упряжный выпас крупных стад, дополненный в XX в. вездеходным транспортом. Здесь сочетаются горизонтальные (тундра – море) и вертикальные (горы – долины) миграции: летом обдуваемые ветрами приморские и горные тундры спасают от гнуса и оводов, зимой низины и долины с их древостоем обеспечивают топливом и укрытием от холодных ветров. Годичный цикл миграций оленеводов кругообразен, и пастбища Чукотки разделены на бригадные «круги кочевий». Площадь такого круга составляет около 5–6 тыс. км² с радиусом 40–60 км; оленевод пешком или на упряжке способен его пересечь в любом направлении за сутки или двое (чукчи считают дневной ход в 40 км обычным для мужчины); таким образом, весь круг находится под контролем кочевника. Круговая локализация кочевий даёт возможность летнего вольного отпуска оленей с эпизодическим дозором и последующим осенним сбором стада.

Ямал с его обширной низинной тундрой, вытянутой от леса до моря на 700 км, задаёт сезонный ритм меридиональным миграциям оленеводов протяжённостью до 1500 км с круглогодичным окарауливанием больших стад на оленьих упряжках с помощью собак-оленегонок. Столь масштабные перекочёвки обусловлены нуждой в древостое и укрытии от ветров зимой и в северных приморских пастбищах летом, когда остальная тундра накрыта тучами комаров и оводов (удобную летнюю тундру называют «олeneводческим раем»). Кочевья между летними и зимними пастбищами проходят по «хребту Ямала» (Хой) – возвышенному водоразделу Карского и Обского бассейнов. Весной и осенью по нему почти сплошным потоком движутся стада оленей, расходящиеся затем веером на летние и зимние пастбища (магистральный поток по хребту составляет больше половины общей миграции). Эта магистраль разделяет северную и южную фазы настолько, что ненцы традиционно считают лето (сун) и зиму (галь) отдельными годами.

Кольская тундра выглядит узкой полосой (около 100 км) между лесом и морем. Саамы издавна практиковали здесь выпас небольших

стад (до нескольких десятков оленей) с короткими миграциями и использованием для транспорта саней и вьюка. Это «избное» оленеводство включало доение важенок, летний вольный выпас и сбор стад с помощью собак-оленегонок. В 1880-е гг. мигранты – коми-ижемцы привнесли на Колу крупностадное товарное оленеводство с круглогодичным выпасом, промышленным осенним забоем оленей, наймом пастухов-работников (в том числе саамов), производством продукции на продажу (в том числе замши и меховой одежды). В 1970-е гг. кольские оленеводы вернулись к летнему вольному отпуску оленей, по границе тундры и леса построили сплошную изгородь (огород) для регулирования сезонного движения оленей, а вдоль огорода – избы и деревянные корали. Оленеводство стало «огородным», а кочевание – вахтовым, с выездами на пастушеские смены и возвращением в посёлки.

Во всех очагах оленеводства в мобильности кочевников реализуется стратегия контроля над пространством тундры и её ресурсами, прежде всего стадами оленей. Дизайн мобильности трёх кочевых обществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и промышленным объектам³.

Внешними наблюдателями арктический номадизм часто воспринимается как выживание в суровой тундре. Сами кочевники не считают свою жизнь выживанием. Для них кочевье – состояние комфорта и поле самореализации. При детальном рассмотрении арктический номадизм представляет собой мощный и сложный социальный механизм, работающий на энергии людей и оленей. Этот автономный *perpetuum mobile* включает ритм усилий мужчин и женщин, диалог интересов людей и оленей («оленье мышление» ненцев и чукчей представляет собой экофилософию кочевников, основанную на «мотивах» оленей). Стратегия номадизма реализуется во власти над пространством, в том числе социальным и персональным (в наибольшей степени это присуще лидерам). Конкуренция среди взрослых и игра среди детей оживляют мотивационные поля, в которых складываются ценностные предпочтения и сценарии деятельности.

Тундровая экология динамична; в её круговороте сплетаются миграции оленей, хищников, морского зверя, косяков рыб, перелётных птиц, резкая смена состояний климата, растительности,

3. Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенько С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург, 2015.

снежного и водного покрова. Искусство адаптации в тундре состоит не в освоении локальной ниши, а в комбинировании мобильных и разнообразных ресурсов. В основе экологической стратегии тундровых кочевников – контроль над движением в природе, в том числе над собственными миграциями.

Контроль над движением – особенность и кредо кочевой культуры. Образ жизни тундровых кочевников предполагает не только готовность, но и предрасположенность к постоянной смене обстановки и минимализму быта. Им свойственны ценности, недоступные оседлым культурам: у ненцев женщина в течение всей жизни ритмично и непринужденно снимает и ставит чум, увязывает в нарты и распаковывает домашний скарб; мужчина постоянно объезжает округу, выпасая стадо, занимаясь промыслами, навещая соседей. Герои ненецкого фольклора годами безостановочно куда-нибудь едут, и их сражения и состязания непременно включают долгие погони. От подвижности кочевников создаётся впечатление, что ненецкая культура парит над тундрой, что она связана не столько с землей, сколько с непрерывно движущимся по этой земле стадом оленей. В «ментальной карте» ненца выражен «птичий взгляд» на большое пространство кочевий. В мифологии этому соответствует образ летящего по ветру немного сказителя Мынеко, который парит над сопками и долинами, кружит над стойбищами; сверху он наблюдает за движущимися караванами, стоящими чумами, пасущимися стадами. Взгляд сказителя – проекция мировосприятия кочевника-оленевода, который видит пространство тундр «сверху».

Чукчи, ненцы и саамы пасут оленей по-разному, но одинаково видят в оленеводстве экономический стержень, а в олене – символ своей самобытности (для коми-ижемцев это ещё и коммерческий проект). Оленеводство обеспечивает автономию в транспортно-экономическом, социальном и мировоззренческом измерениях, которая, в свою очередь, создаёт условия самобытности любой культуры, обратившейся к кочевому оленеводству как основе жизнедеятельности.

Сакральное пространство кочевников

Яркой иллюстрацией организации сакрального пространства служат ненецкая традиционная религия и свойственная ей культово-ритуальная система и организация пространства-времени. У кочевников боги и их святилища существуют в ином ритме, чем их аналоги в оседлых культурах и мировых религиях. Кочевой пантеон находится в движении, и его невозможно зафиксировать в статике. При попытке

его описания возникает ощущение лабиринта, ход по которому полон неожиданностей, манёвров и превращений героев. Попытка посетить святилище оборачивается долгой дорогой, а ритуал оказывается многотрудным паломничеством с каскадом испытаний и промежуточных жертвоприношений. Попытка обозначить святилище на карте показывает, что оно существует не само по себе, а связано мифологически и обрядово с цепью других святилищ, образуя тем самым подвижную сакральную сеть.

Кочевники обожают не покой, а движение. Все ненецкие боги и духи ездят: Нижний бог *Нга* и богиня Земли *Я-Мюня* – на мамонтах, владыка вод *Ид-ерв* – на белых медведях или щукобыках, хозяин леса *Пэдара-ерв* – на волках или росомахах, даритель оленей *Илибембэртя* – на огромных оленях или волках, великан *Сюдбя* – на медведях или лосях, когтистая ведьма *Парне* – на мышах. Показ движения представляется ключевым приёмом ненецкой мифологии. Герои-люди чаще различаются не внешностью, а мастью и числом упряжных оленей. Герои-духи не просто ездят по тундре, а летают по небу, оттолкнувшись от земли концами луков или подняв перед собой ноги. Особенно много кочует бог – даритель оленей *Илибембэртя*, который иногда считается ипостасью верховного бога *Нум'а*, а в некоторых сказаниях нарицательно именуется *Мюсеня хасава* (Кочующий человек). Бесконечно кочуют на «носах» облаков и сражаются друг с другом боги Юга *Иба-сей* и Севера *Нгэрм-сей* (правда, северный бог иногда рисуется сидящим и молчащим в ледяном чуме), вследствие чего гремят грозы, поднимаются снежные бури, наступает тепло или холод. Движением богов и их битвами объясняется природный круговорот, череда времён года. Состояние пути лежит в основе легенд о происхождении главных святилищ, и кочующие люди в своём жизненном и ритуальном цикле повторяют пути богов.

Одна из особенностей кочевого пантеона – ротация богов, вернее героев, становящихся богами. Сказаний много, и принадлежащие к разным родам персонажи эпоса превращаются в одних и тех же богов – чаще всего в небесного владыку *Нум'а*, хозяйку земли *Я-Миня*, повелителя водного царства *Ид-ерв*, дарителя оленей *Илибембэртя*, бога верхних вод *Явмал-хэсе*. Это напоминает межродовую конкуренцию за небеса, однако мне ни разу не доводилось слышать суждений о захватах пантеона и торжестве какого-либо рода. Сказителей и слушателей ничуть не смущает очередное воплощение, и зимним вечером в разных тундровых стойбищах синхронно звучат альтернативные версии покорения пантеона. Более того, один сказитель может

исполнить подряд несколько эпических произведений, в которых разные персонажи превращаются в одних и тех же богов.

Подобная многоликость пантеона обеспечивает состояние устойчивой подвижности и живой причастности к богам всего кочевого общества. Создаётся впечатление, что в ненецкий пантеон, как в реку, не войти дважды: всякий раз он чуть меняется, и каждый миг в нём что-то происходит. Поэтому, вероятно, при исполнении мифологического сказания слушатели воспринимают повествование живо, будто участвуя в нём, а сказители время от времени импровизируют, разбавляя сюжет дополнительными эпизодами.

Кочевой фольклор работает не только как хранилище традиций, но как средство массовой информации. Он живо реагирует на происходящие перемены и представляет новые явления, после чего они остаются в сказаниях как вехи перемен. Например, в ходе «оленоводческой революции» бог *Илибембэртя* превратился из владыки диких оленей в учителя пастухов и дарителя домашних оленей. А чуть позднее хранителем домашнего стада все чаще стал выступать *Нум' Миколай* – принятый в кочевой пантеон из русского православия Николай Угодник. Во всех случаях появление нового бога или нового качества старого бога поддерживается его высокой подвижностью, без которой немислимо утверждение на просторах тундры: кочевник *Илибембэртя* пасёт несметное стадо оленей, *Нум' Миколай* предстаёт странником, во многом соответствуя его северорусской миссии хранителя путей и путников.

Святыни ненцев имеют свою иерархию. Из ныне действующих капищ урало-сибирских ненцев пантеонами являются: Ямал хэхэ-я (на севере Ямала), Пэмал хэхэ-я (на Полярном Урале), Нгояй (на озере Нум-то). Они имеют общезначимое значение, являются местами паломничества. С ними соотносятся пантеоны (или ключевые фигуры пантеонов) и соответствующие мифологические сюжеты. Родовые капища, отчетливо представленные у тундровых ненцев, воспринимаются как дочерние по отношению к пантеонам. Они расположены в условных центрах родовых территорий кочевников и служат их главными маркерами-символами; с родовыми капищами связаны предания о духах-родоначальниках (*Сэротэтто хэхэ*, *Худи хэхэ*). Святыни-урочища у тундровых кочевников служат своего рода вехами пространства-времени. На них совершаются жертвоприношения по случаю поворотов миграций, смены этапов хозяйственного цикла. Они расположены в устьях рек, вблизи значимых промысловых угодий, у переправ через морские проливы и крупные реки.

С урочищами соотносятся образы духов вземных стихий, «зверей-вождей», хозяев местности (Парнэ Седа, Тивтей Нгэва, Харвэн). Святилища-реликвии приурочены к местам камланий или погребений знаменитых шаманов, а также необычных происшествий с участием духов. Некоторые из них со временем оказываются заброшенными, иные обретают статус «урочищ». Судя по преданиям, главные самодийские капища, в том числе пантеоны, выросли из некогда созданных «реликвий».

Внешне святилища кочевников не поражают монументальностью, а могут быть и вовсе неприметными. Однако они сосредотачивают в себе огромный комплекс мифологии, традиционной религии, жизненной философии, этнических, родственных и персональных ценностей кочевников. Не случайно именно святилища наряду с кладбищами оказываются на острие конфликтов, возникающих при отчуждении тундровых территорий под промышленное освоение. Таковы, например, сегодняшние дебаты вокруг священного озера Нум-то в Ханты-Мансийском округе и Сейдозера на Кольском полуострове. Однако не только недропользователи представляют собой угрозу этим осязаемо-неосязаемым памятникам кочевой культуры, но и коммерциализация культурного наследия под давлением этнотуризма.

В начале 1990-х гг. этнографы сокрушались по поводу утраты народами советского Севера традиционной культуры, однако вскоре среди народов обнаружили не только потерпевшие, но и успешные. Рейтинг успеха в сохранении этнокультурной самобытности уверенно возглавили ненцы, причём не только в Арктике, но и в кочевом мире планеты. Глобальная Сеть легко превратила это «открытие» в бренд и моду: образы тундровых кочевников замелькали на ТВ и в Интернете, а Ямал стал местом паломничества этнофилов и спонтанного развития этнотуризма. При этом случился неожиданный для науки поворот: ненецкая этнография вдруг оказалась не только знанием о народе, но и бизнес-ресурсом. Сегодня почти в каждом чуме есть своя история визитов этнографов и телекинобригад из разных стран; обычными среди ненцев стали обсуждения, кто в каком фильме снимался; среди них появились менеджеры-посредники, организующие этнотуры; в тундре циркулируют слухи и легенды о чудо-вознаграждениях за этноуслуги. В весенний День оленевода, когда к ямальскому райцентру Яр-Сале съезжаются кочевники-оленеводы, возникает нечто похожее на туристический трафик: этнотуристы разных стран делят нарасхват кочевые бригады; иногда на одном стойбище встре-

чаются разные группы гостей, портящих друг другу ощущение первозданности. Тундровая этнотуриндустрия быстро развивается, чему в немалой степени способствует сотовая и киберсвязь. Однако сами ненцы ощущают конфликт между старым этикетом, когда гостевание обходилось без предупреждения и оплаты, и новыми нормами коммерческого приёма и оказания этноуслуг. Ещё недавно самобытность не мыслилась как товар; сегодня весь мир переживает этнотуристический бум, и ненцы лишь подхватывают глобальный тренд. Как и в случае с оленеводством, они используют свой собственный этнокультурный потенциал и пока стараются избегать инсценировок, распространённых в других странах. Не исключено, однако, что в перспективе маркетинг этнокультурного наследия охватит и прежде закрытый от чужаков сакральный мир ненцев.

Полевой метод антропологии движения

Сегодня появилась возможность сделать то, что было немислимо всего несколько лет назад – записать и представить кочевую традицию как феномен культурного наследия адекватными средствами антропологии движения. Опора на феномен движения нова в науке и прикладных экспертизах, поскольку прежде не существовало разработанной методологии документирования и анализа жизненной мобильности. Появление этих методов во многом связано с недавно открывшимися возможностями визуальной записи и презентации. В прошлом в гуманитарных науках акцент делался на фиксированных внешних формах и логически противопоставленных состояниях (в том числе «культур», «идентичностей», «интересов»); ныне, в предлагаемой системе методов антропологии движения, акцент смещён на общий для всех северян потенциал движения–действия, предполагающий оптимизацию (дизайн) ролей и функций в реальном взаимодействии.

Для детального изучения технологий номадизма нами апробирован и используется новый метод записи движения, условно обозначаемый ПКД – путь–карта–действие (ТМА – tracking–mapping–acting) и фиксируемый в виде трёх документов: (а) GPS-запись (трек) передвижений человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеоролик движений/действий. Новшество состоит в применении современных инструментов в сфере, где прежде довлело текстовое описание. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, где та или иная практика

выглядит как последовательность/схема действий, персонифицированных конкретным человеком. Комплекс исследовательских методов включает замеры движения посредством визуальных средств и GPS-навигатора, моделирование ментальных карт кочевников, а также дизайн кочевого пространства.

Трек дневного пути на карте дополняется характеристиками (1) основного занятия в течение дня, (2) ритма и эпизодов действия, в том числе пауз, (3) снаряжения и инструментария, (4) взаимодействия с партнёрами, (5) исполнения задач и самостоятельных решений, (6) местности, (7) погоды. Действия фиксируются фото- и видеорядом, при этом желательно визуальное отображение всех характеристик движения/действия. Мера полноты этих характеристик определяется ситуативно с учётом внешних (например, климатический эксцесс на Ямале весной 2014 г.) и внутренних (например, самочувствие кочевника) обстоятельств.

В идеальном варианте синхронная запись треков всех обитателей стойбища даёт полную картину движения/деятельности кочевой группы, по которой можно определить общий ритм и напряжённые эпизоды деятельности, узлы и сгустки коммуникации, роль лидера в организации и направлении движения/действия. Впрочем, абсолютно полная картина кочевья/стойбища предполагает также запись треков животных (оленей, собак), вещей, а также соседних кочевых групп. Этот абсолют труднодостижим и даже избыточен, поэтому целесообразна запись отдельных треков и их сопоставительно-обобщающий анализ. Важна запись «типичных» треков кочевого сообщества – мужчин и женщин, взрослых и детей, исполнителей разных функций.

Мобильность кочевников многообразна в гендерных, возрастных, статусных, сезонных, пространственных вариациях. Например, у ненцев Ямала трек бригадира отличается от трека обычного пастуха большей протяжённостью, поскольку он не только окарауливает стадо, но и осматривает окрестности для оптимизации режима выпаса и миграций. У чукчей в период августовского сбора оленей оленеводы распределяются на караульщики основного стада и искателей отколовшихся групп, чьи треки существенно рознятся. Кроме того, на Ямале и на Чукотке разительно отличаются треки мужчин и женщин (последние сконцентрированы на стойбище).

Стойбищное пространство предполагает совмещение методов этнографии и дизайна, поскольку является средоточием вещей и сгустком коммуникации. При минимализме материальной культуры ко-

чевников особое значение имеют полифункциональность вещей, их распределение в пространстве и режим их использования. В кочевом обществе у вещей есть свой распорядок движения, и их циркуляция в хронотопе представляет самостоятельный интерес. Для выявления того, как движение вещей соотносится с движением людей, целесообразно картографирование вещей на стойбище и отслеживание частоты их применения. Это соотношение показывает, как снаряжение и оборудование обеспечивают кочевье и движение в целом.

Картографирование даёт представление о системе движения в разных масштабах – от схемы годичных миграций (общий план) до карт сезонных перекочёвок (средний план) и топографии отдельных стоянок, стойбищ, пастбищ (крупный план). Общий план показывает, помимо маршрута, контакты кочевников с полуоседлым промысловым и оседлым поселковым населением – сеть взаимодействия всех этих групп. Выявление структуры передвижения, особенностей мобильности разных групп и характера их контактов (кооперации, конкуренции, коалиции по отношению к внешним агентам) необходимо для понимания стратегии и мотивации мобильности.

Свод треков даёт картину насыщенности жизненного пространства движением/деятельностью. Картографирование треков ямальских ненцев показывает, что каждая стоянка оленеводов является центром окружности с радиусом не менее 5 км, внутри которой оленеводы пасут оленей, стараясь при каждом окарауливании двигаться посолонь (по солнцу), благодаря чему складывается «лепестковый дизайн» движения стада. Проекция этой геометрии движения на весь ход кочевий в тундре Я-Сале, от Сеяхи до Карского моря (при вычисленном экспериментально радиусе выпаса), даёт примерную (идеальную) картину необходимой площади и конфигурации пастбищ. Эта карта является своего рода ответом на распространённое представление о том, что тундра бескрайняя и места в ней с избытком, а также корректирует визуальный стереотип, в котором маршруты кочевий рисуются линиями и стрелками. В действительности кочевой маршрут оленеводов – не линия, а кружево, охватывающее огромные площади, к тому же динамично обновляемое в зависимости от конкретных погодных и производственно-бытовых ситуаций.

Этнографическое исследование мобильности включает не только непосредственное полевое наблюдение с применением специальных методик записи, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов–решений–действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их

передвижений и действий в пространстве-времени (у кочевников эти категории синтезированы). Для постижения кочевого движения этнографу и дизайнеру недостаточно наблюдать, а необходимо сопереживать состояния движения, особенно в его критических эпизодах.

Действие не только запечатлевается в серии фотографий и видеозаписей, но и в последовательности, условно называемой ритмограммой. Она фиксирует как последовательность действий, так и их напряжённость. Кочевой культуре свойственны эпизоды быстрой мобилизации, быстрого расслабления и продолжительного энергетически экономного поведения. Ритмограммы масштабируются по пространственно-временной протяжённости (годовые, сезонные, дневные), а также различаются в социальном контексте (стойбищные, индивидуальные). Сейчас проходит апробацию методика записи вещьграммы – частоты, последовательности и интенсивности применения вещей в жизни кочевников, а также составления комплексной вещьграммы (набора вещей) человека/семьи/стойбища. Это поиск ответа на вопрос, как вещи участвуют в кочевье, какие из них и в каком ритме активизируются.

Метод выглядит сложным в описании, а тем более на практике: он предполагает изучение «анатомии мобильности», включая антропологию, этнологию, технологию, психологию, а в краткой формуле – этнографию и дизайн. Опыт записи движения ненцев, саамов и чукчей не только открывает новые ракурсы жизни и культуры арктических кочевников, но и позволяет заимствовать их алгоритмы в практики неономадизма, в том числе северного.

Если кочевника рассматривать не как тупиковую ветвь, а как естество человека и его потенциала (кстати, человечество и родилось в кочевье), то номадология предстанет направлением, раскрывающим механизмы динамики и статики в человеческой истории и культуре, причём как в прошлом, так и в будущем. Иначе говоря, кочевник становится интересен не только как образчик экзотики, но и как образец энергии и движения, исконно присущих человеку и человечеству. Этот подход в корне меняет отношение к кочевникам, их культуре, технологиям, мотивациям. Вопрос состоит уже не в том, как научить кочевника правильно жить, а в том, как у него научиться философии номадизма и «комфорту в движении».

Соотношение традиций и новаций, коренных и пришлых культур на Севере обычно рассматривается как конфликт ценностей и инте-

ресов. В действительности это взаимодействие насыщено встречными воздействиями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. Многие технологические новшества, прежде всего транспортно-навигационные, не разрушают, а развивают кочевую культуру. Многие традиционные технологии жизни-в-движении представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики. Становление дискурса о понятиях движения и технологиях мобильности, от физических до виртуальных, имеет особое значение для Севера с его коренными кочевниками и подвижными мигрантами, в том числе вахтовиками и туристами. В «северном измерении» России уместно осмысление и применение стратегий арктического номадизма, в том числе полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности традиций коренных северян. Северная мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики. Северная перспектива в истории и современном позиционировании России становится всё более очевидной⁴, и арктическое культурное наследие наращивает свою актуальность и заслуживает изучения и презентации на новом уровне.

4. Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и неономадизм // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 133–138; Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург–М., 2004. С. 476–485.

ГУСЕВ С. В.

Музей на перекрёстке двух
континентов: Найван, Сиклюк –
Китовая аллея, Аван, Путурак
(Провиденский район, Чукотский
автономный округ)

GUSEV S. V.

The Museum at the crossroads of two continents:
Nivan, Sikluk – Whale alley, Avan, Poturak
(Providenskiy rayon, Chukotskiy Autonomous
Okrug)

Сведения об авторе:

*Гусев Сергей Валентинович, руководитель Центра археологического наследия,
Институт наследия (Москва)
agus_2004@mail.ru*

Author:

*Gusev Sergey Valentinovich, the Head of Center of archaeological heritage, the Institute
for Heritage (Moscow)
agus_2004@mail.ru*

Аннотация:

Статья посвящена созданию научно обоснованной и социально ориентированной концепции создания музея-заповедника в рамках Национального парка «Берингия» на Чукотке, у преддверия Берингова пролива.

Abstract:

The article is devoted to the creation of evidence-based and inclusive of the concept of creation of the Museum-reserve within the National Park “Beringia” in Chukotka, the vestibule of the Bering Strait.

Ключевые слова:

музей-заповедник, Чукотка, Providenskiy rayon, археологическое наследие, этно-археологическое наследие, природное наследие, культурные и природные ландшафты, Берингийская археологическая экспедиция, Национальный парк «Берингия».

Keywords:

the Museum-reserve, Chukotka, Providenskiy rayon, archaeological heritage, ethnoarcheological heritage, natural heritage, cultural and natural landscapes, Bering archaeological expedition, the national Park "Beringia".

Постановка проблемы

В современном мире реальной парадигмой и высшей формой сохранения и эффективного использования археологического наследия является создание археологических музеев-заповедников. Это общемировая тенденция. Группа археологических музеев-заповедников входит в список ЮНЕСКО (Стоунхендж, Карфаген, Альта и др.). В России наблюдается устойчивая тенденция к расширению перечня музеефицированных объектов археологии. Перечень археологических музеев-заповедников в России растёт, а реально музеефицированных объектов очень мало. Ещё больше новых проектов по созданию таких объектов. Институт наследия оказывает методическую помощь регионам России и участвует в разработке ряда проектов по созданию археологических музеев-заповедников. Краеугольным камнем создания историко-культурного заповедника является разработка научно обоснованной и социально ориентированной концепции.

1. Территория и ресурсы музея-заповедника

Музей-заповедник «Найван – музей на перекрёстке двух континентов» может стать первым объектом подобного типа в Чукотском автономном округе. Интересные археологические открытия, сделанные здесь за последние годы, уникальные природные особенности этой территории, живая традиционная культура коренного населения – чукчей и эскимосов – всё это позволяет сделать создаваемый музей-заповедник одним из наиболее интересных охраняемых объектов культурного и природного наследия не только на территории автономного округа, но и в целом на территории России.

Проектируемый музей-заповедник расположен на востоке автономного округа, в Providenskiy rayon. Данный район всегда был окружён своеобразным ореолом романтики, окутан дымкой исторической

эпохи великих географических открытий, экспедиций Дежнёва, Беринга и других известных мореплавателей. Это также конечная часть великой России, место на берегу самого большого океана, где восходит солнце и начинается новый день.

Рассматриваемая часть Чукотки характеризуется достаточно высокой долей коренного населения, где живут эскимосы и чукчи, сохраняются живые традиции. Фактически эта территория является своеобразным «местом встречи» двух континентов и двух культур, историческим перекрёстком цивилизации. И в наши дни оно также стало местом активного контакта великих держав – России и США.

Всё это свидетельствует не только о культурном, но и о высоком социально-экономическом потенциале данного региона. Создание здесь музея-заповедника, активизация туристской сферы позволят сыграть значительную роль в экономическом развитии этого нового перспективного региона на карте нашей страны, каким является Чукотский автономный округ.

В качестве территории будущего музея-заповедника рассматривается прибрежный регион от бухты Провидения и мыса Лысая Голова до залива Ткачен и мыса Чаплино. Он включает музейный комплекс в посёлке Провидения, археологические памятники в районе древнего посёлка Аван (I–II тыс. н. э.) и комплекс памятников в районе мыса Чаплина – озера Найван – долины реки Итхат (VII–VI тыс. до н. э. и I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.) и реки Ульхум – перевала Путурак (VII–VI тыс. до н. э. – и до первой половины XX в.). Наиболее ярким и известным объектом является Китовая аллея – Сиклюк – сакральный и производственный комплекс из гигантских черепов и челюстей гренландского кита (XIV–XVIII вв. н. э.) на острове Иттыгран в Сенявинских проливах.

Территория музея-заповедника включает и уникальные природные памятники, расположенные на данной территории, – живописные ландшафты океанического побережья и горных хребтов, бухты и лагуны, Чаплинские термальные источники. Территория музея-заповедника имеет протяжённость примерно 15 км с запада на восток и 20 км с севера на юг на участке «Найван» и 1 x 1 км на «Аване».

Предложение о создании музея-заповедника в Провиденском районе высказано специалистами на основе многолетней экспедиционной и аналитической работы по изучению историко-культурного наследия этой территории. Данное предложение обосновывается высокой концентрацией археологических памятников на сравнительно небольшом

участке при очень хорошей их сохранности, а также наличием в этом регионе этнографических объектов и действующего национального парка «Берингия», на базе которого можно развернуть данную работу.

К настоящему времени на рассматриваемой территории выявлено более 15 археологических и этноархеологических объектов, в процессе исследования возможны и новые интересные открытия. В хронологическом отношении памятники на территории музея-заповедника относятся к периодам мезолита (средний каменный век), неолита (новый каменный век), раннего железного века и к этнографическому времени.

Особенностью данного культурного района является сочетание различных культур на сравнительно небольшой территории и наличие памятников практически всех периодов освоения человеком этого региона. Археологические и этнографические открытия пересекаются здесь с открытиями на американском континенте. Фактически здесь может быть проведён своеобразный сравнительный анализ развития культур, прослежен «мост», соединяющий природу и культуру двух континентов, – это создаёт дополнительную притягательность будущего музея-заповедника для международного туризма, для специализированных научных туров.

В рассматриваемом археологическом микрорайоне представлены самые разнообразные типы памятников. Среди них стоянки, посёлки эскимосов, святилища, могильники. Объекты материальной и духовной культуры отражают историю населения на протяжении 10 тыс. лет. В них содержится информация о различных типах хозяйства: рыболовов, охотников-собирателей. Такое богатство и разнообразие территории в типологическом отношении археологических памятников является ещё одним важным фактором формирования здесь музея-заповедника.

Важной чертой рассматриваемой территории является её ландшафтное своеобразие. В ландшафтно-географическом отношении этот участок представляет Берингийский ландшафтный комплекс – приморская тундра, горная тундра, горные массивы. Подобные районы во все исторические времена привлекали население, поскольку создавали комплексные условия для ведения традиционного хозяйства, возможность создания различного типа поселений, возможность передвижения и путешествий.

На проектируемой территории музея-заповедника сохранены естественные участки побережья с убежищами для редких представителей местной флоры и фауны. Вдоль берега проходят пути миграций китов и моржей. Здесь постоянно обитают нерпы. Многочисленные морские

птицы гнездятся на скалах у побережья. Морская специфика делает этот край очень интересным в летний период. В озёрах Найван, Светлое и Песчаное сохранилось уникальное рыбное стадо озерного гольца и ряпушки. На сегодня их запасы подорваны и нуждаются в эффективной защите. В горах и в межгорных долинах сохранились популяции занесённых в Красную книгу снежных баранов и канадских журавлей. Песцы, бурые медведи, лисы, россомахи, евражки (земляные белки), лемминги встречаются на всей территории. Поля северной ягоды – шикши – сплошным ковром устилают территории. С вершин прибрежных гор открываются замечательные океанические просторы. Этот регион также богат поделочным минералом – серой яшмой. Археологами открыты древние мастерские по изготовлению каменных орудий.

В настоящее время рассматриваемый участок не подвержен интенсивному хозяйственному освоению и сохраняет как ландшафтную самобытность, так и целостность исторических ландшафтных комплексов.

Выбранный для музея-заповедника участок представляет собой действительно уникальную археологическую и этнографическую территорию с высокой степенью сохранности памятников и ландшафтного окружения. Он может рассматриваться в качестве естественного, своеобразного и очень полного этнографического и археологического музея – своеобразным историческим и современным местом встречи двух континентов.

2. Принципы создания и работы музея-заповедника

Историко-культурный и природный музей-заповедник «На перекрёстке двух континентов» реализует в своей работе следующие концептуальные положения.

Главной задачей музея-заповедника является сохранение богатого хронологического и типологического собрания археологических и этнографических памятников. Следует подчеркнуть, что эта территория имеет уникальные объекты.

Аван – древний эскимосский посёлок, упразднённый уже после 1917 г. Сохранились древний жилой комплекс – жилища из китовых костей, ямы для хранения мяса, святилище, могильник. Посёлок Аван – поселение I–II тысячелетия н. э. Он представляет собой морскую террасу, на которой на площади 500 x 500 м размещено несколько групп жилищ и мясных ям. Даже сейчас хорошо читается планировка этого древнего объекта, видно расположение жилищ и хорошо читаются их конструкции. Памятник представляет ис-

ключительный интерес – такая сохранность эскимосских поселений практически уникальна. Грабительские раскопки, производившиеся здесь в середине 90-х гг. XX в., нанесли ощутимый урон объекту. Для этого памятника разрабатывается программа его научных раскопок с последующей музеефикацией. Целесообразно показать жилища, хозяйственный комплекс, святилище, другие исторические объекты и предметы. Этот памятник станет выступать в качестве одного из основных объектов, с него будет начинаться туристский маршрут по музею-заповеднику.

Следующим основным объектом является стоянка Найван, уникальный и древнейший на сегодня памятник археологии на Чукотке, открытый и исследуемый Берингийской археологической экспедицией Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Её расположение у Берингова пролива свидетельствует о начавшемся 8 тыс. лет назад освоении морских ресурсов на Чукотке.

Сегодня Найван – известный во всём мире памятник археологии, изучение которого имеет важнейшее значение для познания процесса заселения побережий Чукотки и Аляски в древнейший период. Огромный интерес к нему учёных всего мира требует неотложного решения вопросов научного и научно-познавательного туризма. Для Найвана разрабатывается программа его научных раскопок с последующей музеефикацией. Целесообразно показать жилища, очаги, хозяйственную округу. Территорию одного из раскопов предполагается накрыть специальным павильоном.

Интересными для показа являются и другие объекты. Целый комплекс одновременных с Найваном стоянок – Путурак, Итхат 1 и 2, Ульхум 1, 2 и 3 на небольшой территории, ограниченной перевалом Путурак, рекой Ульхум и замыкающей Чаплинской косой, – даёт уникальную возможность музеефикации. Вдоль Чаплинской косы в XIX – начале XX вв. располагались эскимосские посёлки. В долине реки Итхат находятся чукотские кладбища с жертвенниками.

Жемчужиной культурного наследия является всемирно известная Китовая аллея на острове Иттыгрын. Комплекс датируется I тыс. до н. э. – середина XX в. Непосредственно время сооружения Китовой аллеи определено по радиоуглеродным датам черепов и челюстей кита с учётом резервуарного эффекта в пределах диапазона XIV–XV – XVI–XVII вв. н. э. Расположен в Чукотском АО, Провиденский район. Северная сторона острова Иттыгран в Сенявинских проливах, на северном берегу, напротив острова Аракамчечен, у пролива Йыэргын, к западу

от мыса Коновак, в 22,5 км от посёлка Новое Чаплино, на высоте 1,5–6,5 м над урезом воды, на галечной косе. Памятник истории и культуры «Сиклюк – Китовая аллея» был открыт М. А. Членовым в 1976 г. и исследовался группой учёных во главе с М. А. Членовым в 1977, 1979 и 1981 гг. В 1993 г. мониторинг объекта был проведён Берингийской экспедицией Института наследия. В 2006 и 2010 гг. Берингийской экспедицией Института наследия были проведены археологические исследования и мониторинг объекта этноархеологического наследия «Сиклюк – Китовая аллея» на острове Иттыгран в Провиденском районе.

Памятник представляет собой промысловый и сакральный комплекс и расположен на северном берегу о. Иттыгран в Сенявинских проливах у мыса Чаплина на высоте от 1,5 до 6,5 м над урезом воды в море и вытянут по направлению юго-запад – северо-восток. На песчаной косе на расстоянии до 560 м протянулись конструкции из вкопанных черепов и челюстей гренландских китов, мясные ямы, галечниковые вымостки. От крайней западной группы конструкций до основной – 153 м. Ряды челюстей в центральной части отстоят от ряда черепов на 10–30 м. Черепа гренландского кита, врытые носовой частью в галечную косу, вытянулись в основном вдоль берега, а часть их сегодня расположена в зоне прибоя. Они ставились по периметру мясных ям. Группы челюстей протянулись почти в линию. Вертикально установленные челюсти гренландских китов имеют высоту над поверхностью более 4 м. Это были очень крупные взрослые особи. Селитебные рукотворные холмы (поселение Сиклюк) протянулись на 320 м. На селитебных холмах прослеживаются котлованы минимум четырёх крупных жилищ. Поселение приурочено к палеолагуне, сегодня отчленённой береговым баром от моря. Вода в озёрке пресная. На поселении фиксируются по меньшей мере три мясные ямы, обставленные с четырёх сторон черепами кита (серого?). Здесь же на холмах находятся остатки вкопанных челюстей и рёбер китов. Всего выделяется четыре селитебных холма. Наибольшая длина памятника в пределах выделенных нами границ составляет около 960 м. Наибольшая ширина – до 150 м. Поверхность покрыта плотным слоем дёрна. В растительном сообществе доминируют злаки, полынь. Памятник находится на расстоянии от 10 до 150 м от уреза воды и включает в себя площадки с частично сохранившимся каркасом временных летних жилищ, мясные ямы прямоугольной и округлой формы, вертикально заглублённые одним концом в грунт челюсти китов высотой до четырёх метров, жертвенники с выкладками из гальки и врытыми черепами китов. Вокруг мясных ям прямоугольной формы по периме-

тру установлено (изначально) по четыре черепа гренландских китов, врытых носовой частью в культурный слой.

Комплекс состоит из 23 групп челюстей и черепов гренландского кита. Раскопки шурфов представили неожиданные результаты по стратиграфии, хронологии и планиграфии объекта. Материалы из шурфа 2 показали, что остров Иттыгран был заселён ещё в I тыс. до н. э. Материалы из кремня и обсидиана находят себе аналогии в памятниках Чукотки и Аляски. Стратиграфия поселения Сиклюк показывает, что селитебные холмы возникли в результате нарастания культурного слоя.

Следующей функцией музея-заповедника является формирование современного музейного центра. Он будет складываться на базе национального парка «Берингия» со штаб-квартирой в посёлке Провидения существующего музея в посёлке Провидения и имеет все предпосылки стать современным и привлекательным музейным центром. В нём могут быть представлены для показа различные археологические памятники и разные стадии археологических раскопок, подготовлены для широкого показа особенности эскимосских поселений этнографического периода и чукотские стойбища, которые также присутствуют здесь.

В музейном комплексе особое место займёт этнографический раздел – традиционная культура коренного населения – чукчей и эскимосов (одежда, быт, верования, транспорт и пр.), создание которого возможно на базе уникальных этнографических коллекций. Также очень интересный раздел можно создать на базе изучения и музеефицирования объектов времени освоения данного региона русскими и американцами. Отдельными экспозициями могут быть «История китобойного промысла», «История Севморпути на Чукотке», «Эпоха «холодной войны» на Чукотке».

Особое внимание будет уделено системе мероприятий по сохранению и показу природного и ландшафтного своеобразия территории музея-заповедника. Это могут быть заповедование наиболее ценных участков и организация специальных маршрутов к основным природным достопримечательностям (горам, побережью, минеральным источникам), организация соревнований по рыбной ловле.

Важной функцией музея-заповедника будет также организация туристского обслуживания.

В этой сфере будут решаться две основные задачи. Одна из них предполагает формирование туристских программ для учёных-этнографов и археологов, палеогеографов и для других специалистов, занимающихся исследованиями истории, культуры и природы Берингии и американского континента. Важно подчеркнуть, что это будет

не массовый, а именно специализированный туризм с достаточно высоким уровнем научного сопровождения и соответствующим уровнем оплаты предоставляемых услуг.

Важно подчеркнуть, что в условиях недостаточной туристской инфраструктуры (что и наблюдается сейчас в России) особое предпочтение для туристского развития получают приграничные регионы (например, Выборг, Калининград, Хабаровск и др.). Подобная же роль характерна и для Чукотского автономного округа, и хотя здесь нет возможности пересечения границы на автомобилях и автобусах, фактор пограничного обмена будет иметь своё решающее значение и отразится на формировании специальных программных туров. Вторая задача предполагает в перспективе организацию экскурсионных поездок для взрослых и детей в этот регион, где они смогут ознакомиться с глубокой историей Чукотки, понять особенности этнографической и археологической науки. Можно сказать, что со временем этот музей-заповедник станет очень важным пунктом для посещения каждого школьника автономного округа, войдёт обязательной частью в программу изучения родной истории.

Следующим направлением работы музея-заповедника станет задача сохранения и возрождения традиционной культуры и традиционного природопользования. К объектам традиционного природопользования могут быть отнесены как традиционные виды охоты и рыболовства, так и традиционная кулинария. Сюда можно отнести, например, и попытку восстановления древних приёмов обработки кости и камня (следы которой прослеживаются и в археологических памятниках). Традиционное природопользование, с одной стороны, является важным дополнением музейного и туристского комплексов, а с другой – оно может способствовать решению ряда проблем социального и экономического развития посёлков с коренным населением.

Реализация данного проекта может привести к созданию уникального и очень наглядного музея, имеющего значение не только для Чукотки, но и для мирового сообщества. Важно подчеркнуть, что в европейских странах и в США музеефикация этнографических и археологических объектов в настоящее время является одним из наиболее перспективных направлений музейного развития.

Богатство и разнообразие этнографических, археологических и природных памятников позволяют также говорить о формировании на базе музея-заповедника своеобразного научного полигона. Это может быть как проведение специальных научных практик, так и формирование международных научных экспедиций.

Музей-заповедник одновременно сможет стать и базой повышения образования студентов и учёных (специалистов-этнографов, археологов, природоведов). Здесь будут проходить практику этнографы и историки, может быть создан международный школьный учебный лагерь. Эта территория может стать базой привлечения специалистов на научные конгрессы и встречи со всего мира. Здесь могут быть наглядно показаны и изучены примеры древнего «моста между континентами» – одного из самых интересных историко-культурных районов Земли.

Создание музея-заповедника будет тесно связано с экономическим и социальным развитием районного центра в посёлке Провидения. Здесь в перспективе может быть создан не только многофункциональный музейный комплекс, но и туристская гостиница, база международного полевого стационара, молодёжный лагерь, культурный центр встреч представителей различных национальностей. Модернизация посёлка и окружающей территории, превращение её в историко-этнографический комплекс под открытым небом создаст новые дополнительные условия для занятости населения, для привлечения международных инвестиций.

Создание подобного комплекса в районном центре явится своеобразными воротами в музей-заповедник, это также намного поднимет культурный потенциал всего автономного округа. Планы создания музея-заповедника будут осуществляться параллельно с работой по выявлению памятников истории и культуры Чукотки, постановке их на государственный учёт, по формированию культурной программы для всего региона.

В процессе работы будет налаживаться сотрудничество будущего музея-заповедника и зарубежных центров по изучению национальных культур Дальнего Востока, археологического наследия со специализированными туристскими фирмами. Это взаимодействие позволит создать достаточно мощный социокультурный региональный центр, позволит увеличить гуманитарный и общий социальный эффект от создания музея-заповедника, а также одновременно скажется на экономической привлекательности Чукотского округа в целом.

Можно сделать заключение, что формирование музея-заповедника в Провиденском районе в целом позволит решить следующие важные задачи:

- сохранение уникального для Чукотского автономного округа и для России в целом этнографического, археологического и природного наследия;

- включение историко-культурного и природного наследия Чукотки в систему общемирового наследия, в систему международных научных и туристских связей;
- организацию первого в истории автономного округа музея-заповедника как важного методического примера для создания системы историко-культурных территорий в других районах округа (и в соседних субъектах федерации);
- создание нового музейного и научного центра как фактора повышения в целом социального и экономического потенциала Чукотки.

Литература:

1. Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея» (Древности островов пролива Сенявина). М. 1982.
2. Веденин Ю. А., Шульгин П. М., Гусев С. В. Современные подходы и опыт организации археологических музеев-заповедников // Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. 9–14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск–Екатеринбург, 2002. С. 358–359.
3. Гусев С. В. Археологическая составляющая «Барсовой Горы». Доминанты археологического наследия // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее: Сб. науч. статей. Сургут, 2004. С. 303–309.
4. Гусев С. В. Музей на перекрестке двух континентов // Наследие народов Российской Федерации. М., 2006. № 2 (16).
5. Гусев С. В. Отчёт о работе Берингийской археологической экспедиции на азиатском берегу Берингова пролива в июне – августе 1993 года. М., 1994: Архив ИА РАН.
6. Гусев С. В. Отчёт об археологических исследованиях Берингийской экспедиции в Провиденском районе Чукотского АО в 2006 г. М., 2007: Архив ИА РАН.
7. Гусев С. В. Сиклюк – «Китовая аллея»: прошлое, настоящее и будущее (Восточная Чукотка) // *Studia Anthropologica*: Сборник статей в честь проф. М. А. Членова. М.–Иерусалим, 2010. С. 486–512.
8. Гусев С. В., Бочкарёва О. В. Проблемы организации и функционирования археологических музеев-заповедников // Материалы Четвёртой научно-практической конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия». Сборник статей. М., 2000.
9. Членов М. А. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1976. № 6.
10. Gusev S. V., Repkina T.Yu., Alyautdinov A. R. Nature and antropogenous factors of Sikluk settlement formation – "Whale bone alleya" (Nort-East Beringia, Senyavinsky sraits) // Геоморфологические процессы и геoarхеология: от ландшафтной археологии до археотуризма. М.–Смоленск, 2012. С. 111–113.

ЕДОВИН А. Г.

Коллекция экспедиций Б. Ли Смита, Ф. Джексона и У. Уэлмана в фондах ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»

EDOVIN A. G.

The collection of B. Lee Smith, F. Jackson
and W. Wellman expeditions in the holdings
of “Arkhangelsk Regional Lore Museum”

Сведения об авторе:

*Едовин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, учёный секретарь,
ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»*

Alexej.edovin@yandex.ru

Author:

*Edovin Alexei Gennadievich, State Budget Cultural Institution of the Arkhangelsk
Region “Arkhangelsk Regional Lore Museum”, academic secretary, candidate of historical
sciences*

Alexej.edovin@yandex.ru

Аннотация:

В статье описываются коллекции предметов, собранные с мест зимовок на Земле Франца-Иосифа арктических экспедиций Б. Ли Смита (1881–1882 гг.), Ф. Джексона (1894–1897 гг.) и У. Уэлмана (1898–1899 гг.). Коллекции происходят с мыса Флора острова Нортбрука и мыса Тегетхоф острова Галля. Впервые в научный оборот вводятся вещи, характеризующие быт, снаряжение и научное оборудование английских и американских полярников конца XIX в.

Abstract:

The article features collections of items found on Franz Josef Land on the territories of winter quarters belonging to B. Lee Smith (1881–1882), F. Jackson (1894–1897) and W. Wellman (1898–1899) in the course of their Arctic expeditions. The collections

originate from Cape Flora on Northbrook Island and Cape Tegethoff on Hall Island. The objects characterizing the household, outfit and scientific equipment of English and American polar explorers dating back to the end of the 19th century are introduced into scientific discourse for the first time.

Ключевые слова:

арктические экспедиции, Земля Франца-Иосифа, коллекции, Архангельский краеведческий музей, материальная культура.

Key words:

Arctic expeditions, Franz Josef Land, collections, Arkhangelsk Regional Lore Museum, material culture.

Материальные следы освоения арктических территорий России с каждым десятилетием всё меньше и меньше радуют современного исследователя своим изобилием. Особенно это относится к такой отдалённой территории, как архипелаг Земля Франца-Иосифа. Тем более интересны и познавательны коллекции предметов с мест зимовок арктических первопроходцев, добытые в ходе экспедиций с участием музейных сотрудников, имеющих представление о первичной регистрации, консервации и хранении экспонатов.

Одна из таких экспедиций на архипелаг Земля Франца-Иосифа состоялась летом 2001 г. Её организатором было Министерство природных ресурсов РФ. Членами этой комплексной экологической экспедиции на гидрографическом судне «Яков Смирницкий» были сотрудники Архангельского комитета по охране природы, Северного территориального фонда геологической информации, Института экологических проблем Севера Уральского отделения РАН и Норвежского орнитологического общества. В состав рабочей группы входила научный сотрудник – хранитель естественнонаучной коллекции ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» Лариса Викторовна Маркова. Предварительные результаты работ были почти сразу же опубликованы в научной литературе¹, а вот описание собранной коллекции сделано не было, поэтому в данной статье мы восполняем имеющийся пробел.

1. Маркова Л. В. Комплексная экологическая экспедиция на территорию государственного заказника федерального значения «Земля Франца-Иосифа» сезона 2001 года на г/с «Яков Смирницкий» (дневник участника экспедиции) // Земля Франца-Иосифа. Сборник статей. Архангельск, 2004. С. 91–100.

В ходе работы была собрана достаточно представительная коллекция, происходящая из двух мест архипелага и трёх объектов культурного наследия:

1. Мыс Флора, остров Нортбрук (зимовье Бенджамина Ли Смита, 1881–1882 гг.). Экспедиция шотландца Ли Смита на яхте «Эйра», в которую входили естествоиспытатель В. Грант, доктор У. Г. Ниль, капитан У. Лофли и 25 матросов², оказалась на мысе Флора в результате крушения судна в непосредственной близости от этого места. К счастью, участникам экспедиции удалось спасти значительную часть продовольствия и оборудования с «Эйры». Из обломков судна, камней и торфа была построена хижина, в которой участники экспедиции провели вынужденную зимовку. Летом следующего 1882 г. экспедиция на четырёх шлюпках добралась до Новой Земли, где их поисками уже занимались три судна.

В настоящее время хижина экспедиции Ли Смита практически разрушена, сохранилась только часть основания северной стены хижины, границы жилища прослеживаются плохо³.

В ходе поисковых работ 2001 г. В. Н. Родыгиным была собрана коллекция из 44 единиц хранения⁴. Коллекция содержит несколько комплексов – первый связан с деталями постройки – железные гвозди (12 единиц), скоба, дверные навесы, фрагменты железных пластин деталей дверей. Наиболее интересны последние – на пластинах остались следы от гвоздевых отверстий, можно судить о примерных размерах дверного полотна. Ясно, что дверное полотно снято с «Эйры», гвозди также происходят с судовых деталей.

Второй комплекс – детали одежды – пуговицы, кожаный хлястик с петлей. На одной из пуговиц, изготовленной из меди, имеется надпись «S W Silver & Co. Cornhill». Фирма S(tephen) W(inkwort) Silver & Co. Cornhill находилась в Лондоне и занималась производством изделий для военных моряков. В частности, известно, что в 1827 г. выпускались сабли для морских офицеров с таким клеймом⁵, позже производились пики, компасы, бинокли, фляжки. Основная деятельность фирмы пришлась на 1840–1860-е гг., когда они выступали подрядчиками по военным заказам. Магазины фирмы находились в Лондоне

2. Саватюгин Л. М. Дорожкина, М. В. Архипелаг Земля Франца-Иосифа: история, имена и названия. СПб., 2012. С. 56.

3. Бастрыкин Е. А., Афанасьев В. П. Историко-культурное наследие архипелага Земля Франца-Иосифа // Земля Франца-Иосифа. Сборник статей. Архангельск, 2004. С. 104.

4. АКМ № 43135 КП.

5. http://www.antikvar.ru/index.php?http_id_part=57&http_id_prod=943/

и Ливерпуле⁶. Кожаный хлястик мог относиться как к верхней одежде, так и использоваться как держатель кольца лыжной палки.

Два предмета связаны с судовым такелажем – это жёсткие железные такелажные блоки с паровой яхты. Кроме того, несколько предметов относятся к вооружению – пять винтовочных гильз 8-го калибра и ёршик от шомпола с резьбой для накручивания. Надо сказать, что ёршик для ружья 12-го калибра, поэтому, хотя патронов этого калибра пока не найдено, мы можем предполагать, что они имелись в распоряжении участников экспедиции. За время зимовки было убито 13 медведей, 45 моржей (их салом и отапливалась хижина большую часть зимовки), более 1700 кайр⁷. Именно этот факт способствовал благоприятной ситуации с питанием и отсутствию признаков цинги.

Некоторые вещи связаны с научно-практической работой экспедиции. Интересен металлический рейсфедер – чертёжный инструмент для проведения линий и знаков на бумаге тушью или краской. Состоит из двух пружинящих створок, соединённых в одной точке ручкой, щель между ними заполняется тушью или краской. Ширина линии регулируется поворотом небольшой гайки с насечкой. Тут же найдены карандаш с обломанным грифелем и фрагмент чертёжного прибора, выточенный из металла на токарном станке. Заслуживает внимания керамическая шкала для термометра с отметкой 50 – видимо, речь идёт о температуре по Цельсию. С исследовательской работой, видимо, связан конусовидный железный наконечник палки. Его плохая сохранность затрудняет точную атрибуцию.

Крайне интересен комплекс столовых приборов, насчитывающий четыре предмета – три трезубых вилки и нож. Одна вилка имеет косяную рукоятку, на которой вырезаны инициалы «JA». К сожалению, мы не смогли пока идентифицировать владельца вилки, т. к. матросский состав экспедиции Ли Смита полностью нам не известен. Остальные столовые предметы имеют эбонитовые ручки и не маркированы.

В коллекции имеются три клёпки от бочек и фрагмент бочечного стягивающего кольца, что может указывать на ёмкости, в которых члены экспедиции хранили охотничью добычу. От какого-то флакона сохранилась крышка белого матового стекла. Помимо этого, имеется обрывок пенькового каната и медная трубчатая деталь какого-то механизма неясного назначения.

6. <http://augfc.tumblr.com/page/3>

7. Саватюгин Л. М., Дорожкина М. В. Указ. соч. С. 56.

2. Мыс Флора, остров Нортбрук (зимовье Фредерика Джексона, 1894–1897 гг.). Экспедиция англичанина Ф. Джексона работала на архипелаге с 1894 по 1897 г. Главной целью было всестороннее исследование островов с точки зрения их протяжённости на север. В состав экспедиции входили 10 человек научного персонала – геофизик А. Армитедж, геолог Р. Кетлиц, минералог Дж. Ф. Чайлд, биолог Г. Фишер и др. – и 30 человек команды на судне «Уиндуорд». Местом зимовки в сентябре 1894 г. был выбран мыс Флора на острове Нортбрук, здесь была построена бревенчатая изба, взятая в разобранном виде из Архангельска, и пять сараев. В распоряжении экспедиции были 30 остяцких собак и три шотландских пони. Посёлок зимовщиков получил название Элмвуд, в нём зимовала первую зиму команда «Уиндуорда», т. к. судно не смогло вовремя уйти до наступления холодов. Научные исследования начались в марте 1895 г., а 3 июля судно «Уиндуорд» покинуло мыс Флора. Последующую зимовку исследовательская группа также пережила достаточно благополучно, а в июне 1896 г. произошла встреча группы Джексона с Ф. Нансеном и Я. Йохансенем, возвращавшимися с дрейфующего «Фрама» и зимовавшими на острове Джексона.

26 июля 1896 г. вернулся «Уиндуорд» и забрал Фишера, Бломквиста, Нансена и Йохансена с результатами работ. Им на смену были высажены гидробиолог У. Брюс и спортсмен Д. Уилтон, а также четыре оленя с запасом ягеля. Последняя зимовка также прошла без проблем, если не считать павших оленей, которые оказались в этих скалистых ландшафтах бесполезными. Джексон собирался провести на архипелаге ещё год, но 22 июля 1897 г. вновь прибыло судно «Уиндуорд» с предписанием Джексона вернуться, что и было осуществлено – 6 августа экспедиция покинула мыс Флора⁸.

Посёлок Элмвуд в настоящее время не сохранился, единственное строение – судовая рубка, на месте всех остальных строений осталась только гряда камней, обозначающая периметр бывших строений⁹. На месте руин зимовья экспедицией 2001 г. были собраны 11 предметов¹⁰:

Комплекс, связанный с вооружением экспедиции, состоит из четырёх гильз производства братьев Элеев от охотничьего ружья и фрагмента дна кувшина для ружейного масла с клеймом «Powell Bristol 32». Фирма по производству патронов для дробовых охотничьих ружей

8. Саватюгин Л. М., Дорожкина М. В. Указ. соч. С. 57–62.

9. Маркова Л. В. Указ. соч. С. 97–98.

10. АКМ № 43134 КП.

братьев Элеев в Лондоне была основана в 1828 г.¹¹ Патроны 12 калибра производились из меди, гильзы имели длину 5,5 см. Для ружейного масла фирмой «Джеймс Пауэлл и сыновья», специализирующейся на стеклянной и керамической посуде, изготавливались специальные кувшины из т. н. каменной керамики. Фабрика по производству этих керамических сосудов была расположена в Бристоле¹².

Второй комплекс имеет связь с отоплением и освещением экспедиции – это фрагмент железного двухрожкового светильника, фрагмент печной панели с рельефным узором и цилиндрический переходник для металлической дымовой трубы. Светильник керосиновый, массивный, подвергся значительной коррозии. Печная панель позволяет предположить, что печь типа «буржуйка» имела прямоугольную форму.

Наиболее интересная находка – бамбуковая палка, состоящая из трёх фрагментов, оставлена была на месте зимовья из-за поломки, использовалась как часть загородки хижины, вместе с мхом и торфом.

3. Мыс Тегетхоф, остров Галля (зимовье Уолтера Уэлмана, 1898–1899 гг.). Экспедиция американского журналиста У. Уэлмана на паровом судне «Фритьоф» имела интернациональный состав. В неё входили четыре американца (Э. Болдуин и др.) и пять норвежцев (Б. Бентсен, П. Бьервиг и др.), основной целью было максимальное продвижение к Северному полюсу. Так же как и Ф. Джексон, Уэлман посетил Архангельск, где на борт были взяты 83 сибирских лайки. Кроме того, по пути на мысе Флора был разобран один из сараев Джексона и отвезён к месту зимовки – на мыс Тегетхоф острова Галля – в конце июля 1898 г. Зимовка прошла благополучно, несмотря на низкую температуру, которую смогли поддерживать в сарае члены экспедиции. Покинули свой лагерь они в конце февраля 1899 г. и отправились к полюсу, однако из-за сломанной ноги начальника экспедиции были вынуждены 9 апреля вернуться на мыс Тегетхоф. Сюда 27 июля подошло судно «Капелла», которое и забрало участников экспедиции в Европу.

Мыс Тегетхоф – одно из самых живописных мест архипелага, известное своими природными скульптурными композициями. Зимовье экспедиции Уэлмана в настоящее время представляет собой основание хижины с частью каркаса и обшивки стен, сохранились полы¹³. Этот факт способствовал тому, что удалось собрать коллекцию из более познавательных экспонатов.

11. <http://bestarms.com.ua/russian/informacija/prensa-o-nas/eley-hawk/>

12. Джеймс Пауэлл и сыновья: <http://ru.encydia.com/>

13. Бастрыкин Е. А., Афанасьев В. П. Указ. соч. С. 105.

Коллекция предметов состоит из 26 единиц¹⁴. Наиболее интересны металлические сани-поплавки с деревянными полозьями, на полозьях вырезана цифра XXXIII (рис. 1). Как сказано, для зимовки экспедицией Уэлмана в Архангельске были взяты 83 сибирские лайки. Сколько было волокуш с учётом такого количества собак, сказать сложно, но нам представляется, что XXXIII – это порядковый номер. Порядковые номера были присвоены на случай необходимости идентификации пропавших членов экспедиции и их упряжек. В один комплекс с санями входит оторвавшееся пластинчатое ушко с железным кольцом, по которому мы можем судить о том, посредством чего крепились сани к собачьей упряжке.

Сюда же можно отнести крепление от упряжки, состоящее из карабина и двух длинных звеньев, одно из которых соединялось с оставшимся ушком волокуши. Также интересна в этом комплексе кожаная ременная шлейка для собаки из трёх фрагментов. На одном фрагменте вырезана надпись «Carstin London №39367». Нам представляется, что Carstin – это фамилия производителя ремней, а порядковый номер иллюстрирует масштаб производства. Уникальной находкой является кирка-ледоруб с остатками деревянной рукояти (рис. 2).

Второй комплекс предметов связан с освещением и отоплением зимовья. Экспедицией были найдены две керосиновые лампы – чугунная с латунной конфоркой и эмблемой в виде крыльев с надписью «WW Kosmos Brenner» и вторая лампа со стеклом и плафоном белого цвета. Надпись на её верхней части по кругу следующего содержания: «ROYAL Pat'd aug. 14.88, aug. 20.90 sep. 9.90 MCH 24.91. jan 5.92». Эти лампы дают нам бездну информации. Во-первых, становится ясно, что экспедиция Уэлмана воспользовалась не только сараем Ф. Джексона, но и частью утвари, например, второй керосиновой лампой, которую прихватили на случай выхода из строя своего оборудования. Эта лампа (рис. 3) скорее всего производства компании Royal dutch company, одного из предшественников известной фирмы Shell. Royal dutch company была открыта голландцем Августом Кесслером в 1890 г.¹⁵ Судя по надписи на лампе, производители хотели особенно выделить два периода – с 14 августа 1888 г. по 20 августа 1890 г. и с 24 марта 1891 г. по 5 января 1892 г. Следовательно, выпущена лампа была не ранее января 1892 г. Экспедиция Джексона случилась двумя годами позже.

14. АКМ № 43133 КП.

15. Howarth S. and &. A History of Royal Dutch Shell. Amsterdam, 2007.

Рис. 1. Сани-волокуши с зимовья У. Уэлмана на мысе Тегетхоф

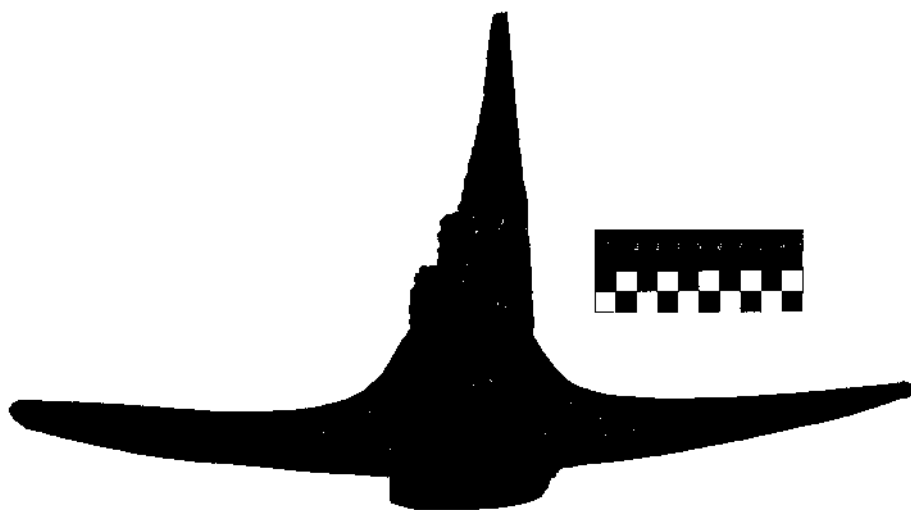

Рис. 2. Кирка-ледоруб с зимовья У. Уэлмана на мысе Тегетхоф

Чугунная лампа (рис. 4) произведена немецкой фирмой W & W (Wild & Wessel) Kosmos, она была основана в Берлине в 1865 г. и существовала под этим названием вплоть до 1899 г., когда была куплена компанией Brokelmann, Jager & Co и изменила имя на Kosmos-Brenner¹⁶. Дата позволяет нам утверждать, что лампа была привезена 27 июля 1899 г., когда за экспедицией Уэлмана прибыло судно «Капелла». Этим и объясняется её хорошая сохранность – на Тегетхофе со времён Уэлмана никто не зимовал.

Очень интересен комплекс домашней утвари, в который вошли кастрюля с ручкой, чайник, фрагмент стеклянной бутылки, спички, нитки, фрагмент циновки, кусок коры пробкового дуба. На ручке кастрюли обозначена ёмкость маркировкой «8 pint F». Одна английская пинта равна 0,56826125 литра. Соответственно, кастрюля должна вмещать 4,546 литра жидкости. В Англии объём восьми пинт равен галлону. Маркировка «F» означает «Food» (пища) – предназначена для пищевых продуктов.

Медный чайник имеет овальную форму, крышка утеряна, маркировка на поверхности отсутствует. Фрагмент бутылки синего стекла, расколотый надвое, имеет надпись «...ort on...adenhall stre... London». Несложно восстановить улицу Лондона – Leadenhall street – одна из центральных улиц города. Возможно, здесь находилось место производства содержимого бутылки – на это намекает связка «on», жаль, что не восстанавливается предыдущее слово, рискнём предположить, что оно означает «sort» – «сортировано».

Спичек найдено пять коробков, причём, судя по тому, что три из них фактически склеились между собой, они хранились не распакованными. Коробки традиционные для этого вида изделия – из листов целлюлозы с оклейкой синей папиросной бумагой. Чиркаши практически отсутствуют – отслоились от влажности, размеры коробков 6 x 4 x 2 см.

Для домашних нужд были взяты нитки, причём они интересно упакованы – четыре круглых клубка льняных ниток сверху обмотаны шерстяными нитками другого цвета. Все четыре клубка насажены на две деревянные спицы, концы которых обломаны. Интересен также кусок конопляной циновки, плетёный косичкой, – вероятно, именно такими циновками застилались поверхности для обеспечения лучшей сохранности тепла в дощатом сарайчике зимовщиков. Также в коллекции присутствуют деревянный составной такелажный блок

16. http://obydenosti.net/mebel_svet/kerosinovy_e_lampy/_6702.html

Рис. 3. Керосиновая лампа фирмы Royal с зимовья У. Уэлмана на мысе Тегетхоф

Рис. 4. Керосиновая лампа фирмы WW Cosmos Brenner с зимовья У. Уэлмана на мысе Тегетхоф

Рис. 5. Валенки с зимовья У. Уэлмана на мысе Тегетхоф

типа «бегунок», три железных гвоздя и железная скоба. Деталью обкладки металлической печи (фрагмент на месте стыка с трубой) скорее всего является плоская пластина с округлым вырезом.

Крайне показательны некоторые предметы одежды – валенок и шерстяной носок. Валенки (рис. 5) имеют высокое голенище (64 см) с петлями для крепления к верхней одежде, сплошь декорирован по обеим сторонам голенища изящной вышивкой шерстяными нитками. Подошва изготовлена из кожи и имеет металлические шипы на пятке для предотвращения скольжения по льду. Не менее впечатляет и шерстяной носок из тёмно-серой шерсти, он охватывал практически всю голень (40 см).

В заключение надо сказать, что это не единственные коллекции, происходящие из мест исследований арктических зимовок XIX–XX вв., хранящиеся в Архангельском краеведческом музее. Ещё в 1934 г. поступили находки с острова Попова – Чухчина в шхерах Минина, относящиеся к экспедиции В. А. Русанова 1912–1913 гг. В настоящее время на выставке «Тайны затерянных экспедиций» экспонируются находки 2010–2011 гг. с мыса Ниль Земли Георга, сделанные экспедицией клуба «Живая природа». Это артефакты захоронения одного из членов сухопутного отряда под руководством Максимова – участника перехода В. Альбанова на Землю Франца-Иосифа 1914 г. с судна «Святая Анна». По предварительным данным, захоронение принадлежало стюарду Яну Регальду¹⁷. Научное описание коллекций Русановской и Брусиловской экспедиций ещё впереди.

17. История с этими останками достаточно запутанная. Найденная ложка принадлежит Павлу Смиренникову, дневники – Петру Губанову, а проведённый сравнительный анализ ДНК племянника Регальда не дал однозначного ответа – кто из участников экспедиции был найден в 2010 г., остаётся загадкой.

КИСЕЛЁВ М. Ю.

Документы о доисторических находках советских учёных в Арктике в фондах Архива Российской академии наук

KISELEV M.YU.

Documents about the prehistoric discoveries of Soviet scientists in the Arctic in the collections of the archive of the Russian Academy of Sciences

Сведения об авторе:

Киселёв Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра обеспечения сохранности и учёта документов Архива Российской академии наук (Москва)

kiss_ran@mail.ru

Author:

Kiselev Michail Yurievich, PhD (History), Head of Center documents' preservation and accounting (Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow)

kiss_ran@mail.ru

Аннотация:

Архив Российской академии наук (РАН) располагает богатейшим комплексом документов по истории освоения и изучения арктических регионов. По программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. Архив РАН выполняет научно-исследовательскую работу «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация». Одной из тем научных исследований является тема «Регионы СССР в исследованиях учёных по фондам АРАН: Арктика».

Abstract:

The Archive of the Russian Academy of Sciences has a rich set of documents on the

history of development and studying of Arctic regions. According to the program of fundamental scientific researches of State Academies of Sciences for 2013–2020 the Archive of the Russian Academy of Sciences performs research work “Preservation and study of historical and cultural heritage: the identification, systematization, scientific description, restoration and conservation”. One of the research topics is the theme “The Regions of the USSR in the studies of scientists on funds ARAN: Arctic”.

Ключевые слова:

Российская академия наук, Арктика, фонды архива.

Keywords:

Russian Academy of Sciences, the Arctic, the funds of the archive.

Арктический регион в настоящее время имеет большое значение для России, не только потому, что составляет значительную часть её территории. Арктика прежде всего ценна тем, что обладает огромным стратегическим и природно-сырьевым потенциалом, и мы наблюдаем, как она постепенно становится всё более значимой для экономического, технико-технологического и социокультурного развития государства, поскольку способна обеспечить его прогрессивное развитие не только в настоящем, но и в будущем. Изучение исторического прошлого, связанного с освоением Арктики и Северного морского пути, обусловлено как потребностями приращения научного знания, так и необходимостью осмысления исторического опыта и возможностей его использования в современной социальной практике.

При изучении арктических территорий практически используются документы региональных архивов. В этом отношении Архив Российской академии наук (РАН), одно из крупнейших архивохранилищ России по истории российской науки, располагает богатейшим комплексом документов по истории освоения и изучения арктических регионов.

В федеральных архивах РФ не проводились межфондовые исследования арктических регионов в разрезе многопланового их изучения. Для комплексного и междисциплинарного изучения арктических территорий, введения в научный оборот новых документальных источников актуальной задачей является расширение источниковедческой базы по истории освоения Арктики.

По программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. Архив РАН выполняет научно-исследовательскую работу «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное

описание, реставрация и консервация». Одной из тем научных исследований на 2014–2016 гг. является «Регионы СССР в исследованиях учёных по фондам АРАН: Арктика». Основной задачей исследования является расширение источниковедческой базы по исследованиям арктического региона в личных фондах учёных, постановлениях и распоряжениях президиума Академии наук, фондах академических учреждений и организаций. В фондах Архива РАН сохранились документы о доисторических находках советских учёных в арктических регионах.

В фонде президиума Дальневосточного филиала АН СССР сохранился материал В. Огородникова «Остатки каменного века на Ольском острове в Охотском море»¹, датируемый ориентировочно 1928 г. В материале сообщается, что летом 1928 г. Акционерное камчатское общество приступило к организации на Ольском (ныне Завьялова) острове звероводческого хозяйства. При проведении строительных работ и разбивке огорода начальником острова В. П. Сторчаком были обнаружены следы древнего человека в виде наконечников стрел, сделанных из белого прозрачного и прозрачного кремня, а также осколки кварца со следами обработки его человеком.

В дальнейшем В. П. Сторчаком со своим помощником А. К. Озолиным и сотрудником Тихоокеанской научно-промысловой станции Г. Д. Дулькейтом были проведены поиски следов древнего человека в бухтах Нерпичьей и Медвежьей (смежных с бухтой Рассвет) и по склону соседней горы Медвежьей. В результате было найдено до 300 различных изделий древних обитателей острова из камня, кости морских животных, глины и дерева.

По мнению В. П. Скорчака, из каменных пород чаще всего на подделки употреблялся камень: прозрачный белый и дымчатый, полупрозрачный темноватый, зелёный и чёрный и глинистый сланец. Что касается костяных предметов, то они были сделаны из костей кита и ластоногих. Гончарные изделия, судя по найденным 11 мелким осколкам сосудов, выделялись или из чёрной глины, или из красной, смешанной с перегноем, а один деревянный конусообразный предмет – из плотного мелкослойного дерева чёрного цвета.

Все найденные изделия древних обитателей острова по форме и назначению были подразделены на три группы:

оружие – каменные наконечники стрел и копий, каменный топор, каменные и костяные ножи;

1. Архив РАН. Ф. 409. Оп. 2. Д. 203. Л. 1–4.

орудия – каменные и костяные скребки, костяные иглы и костяной крюкообразный предмет;

предметы домашнего обихода – костяные лопаточки, черепки сосудов, каменные кружки и костяные пластинки для игры.

Отмечается, что все наконечники стрел, обладая лавролистной формой, с правильным ребровидным утолщением по оси, скатами к лезвиям и острыми концами, обработаны мелкой оббивкой. В отдельных экземплярах эта оббивка имела вид чешуи, правильно расположенной вдоль лезвий с обеих сторон. Широкие длинные и короткие наконечники копий имели форму лаврового полулиста, разрезанного поперёк, с одной гладкой сколотой стороной и другой ребровидной, имеющей одинаковые скаты к лезвиям; один конец их постепенно сужается и переходит в остриё, а другой – широкий, защемлявшийся в древко, круто обрезан с обеих сторон. Все наконечники копий обработаны мелкой оббивкой (широкие длинные лишь с одной стороны), причём на узких эта оббивка имеет чешуевидную форму.

Среди других предметов, найденных на острове, обращали на себя особое внимание ножи, лопаточки, иглы и игра «Камчуда». Один из ножей, длиной около 20 см, был сделан из ребра кита и имел изогнутую форму, причём рукояткой служил широкий конец до 5 см, от которого нож постепенно сужался, заканчиваясь остриём; лезвие было сделано с одной стороны. Другой нож был сделан из кремния (15 см – длина и 5 см – ширина) с рукояткой, занимавшей около одной трети длины ножа и в конце расширявшийся в полукруг; по оси нож имел двухстороннее ребровидное утолщение и был обработан мелкой оббивкой. Иглы были сделаны из костей морских животных.

Две найденные лопаточки были сделаны из костей морских животных длиной 20 см и шириной 5 см. По мнению В. П. Сторчака, они, вероятно, употреблялись для приготовления или принятия пищи. Особенностью лопаточек являлся орнамент, покрывавший ручки с одной стороны и состоящий из линий, крестиков и точек.

Среди предметов, оставленных древним человеком на острове, особый интерес вызвал один, названный В. П. Сторчаком «игрой, подобной алеутской «Камчуде». Она состоит из двух костяных пластинок (4 см длиной и 1,5 см шириной), которые в середине имели полукруглый выгиб, так что сложенные вместе выгибами в разные стороны, они образовывали кольцо с ручками. Предполагалось, что принадлежностью той же игры являлся конусообразный предмет из плотного чёрного дерева, на который играющие бросали костяное кольцо с ручками, как это делается в «Камчуде». Все найденные

на Ольском острове останки древнего человека по материалу, форме и особенно по обработке были отнесены к неолиту.

В 1937 г. Главное управление Северного морского пути (Главморсевпуть) сообщило в Академию наук (АН) СССР о находке в западной части острова Врангеля трупа мамонта. 15 октября 1937 г. Президиум АН СССР принял постановление², в котором признал находку чрезвычайно ценной в научном отношении, предложил обратиться в Главморсевпуть с просьбой принять все меры для сохранения находки, посчитал необходимым отправить на остров Врангеля экспедицию АН СССР и отпустить средства для покрытия расходов по посылке экспедиции и перевозке трупа мамонта. Академикам А. А. Борисяку и С. А. Зернову было поручено до 1 ноября 1937 г. представить свои предложения о времени направления, количестве участников, персональном составе и смете расходов экспедиции.

5 января 1937 г. президиум АН СССР принял постановление³ об экспедиции на остров Врангеля: предлагалось обратиться в Совет народных комиссаров (СНК) СССР с просьбой об обеспечении экспедиции всем необходимым, особенно аэропланами и морскими судами; утверждалась смета экспедиционных расходов в размере 591 057 руб., поквартальные суммы предлагалось переводить в распоряжение Палеонтологического института АН СССР. Ввиду того, что размер расходов на камеральные работы зависел от состояния трупа мамонта и места производства этих работ (Москва или Владивосток), было признано необходимым к октябрю 1938 г. зарезервировать сумму от 75 до 135 тыс. руб. Начальником и палеонтологом экспедиции был утверждён старший научный сотрудник Палеонтологического института, доктор биологических наук Р. Ф. Геккер, ботаником-почвоведом – старший научный сотрудник Ботанического института, доктор биологических наук Б. Н. Городков, геологом-геоморфологом – старший научный сотрудник Географического института, доктор геологических наук К. К. Марков, помощником начальника экспедиции по хозяйственной части в Москве – Н. С. Вольштейн. Примечателен тот факт, что было признано целесообразным использовать экспедицию за трупом мамонта для посылки группы по изучению радиоволн в полярных условиях в составе четырёх человек, выделив из фонда внеплановых работ 30 тыс. руб.

2. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 8. Л. 64–65.

3. Там же. Д. 11. Л. 2–3.

Необходимо отметить, что в подготовке экспедиции были отдельные проблемы, связанные с удалённостью места нахождения останков мамонта. 25 марта 1938 г. на заседании президиума АН СССР академик А. А. Борисяк докладывал о затруднениях, связанных с посылкой первой партии членов экспедиции⁴. Было принято решение обратиться с просьбой к президенту АН СССР В. Л. Комарову о проведении переговоров с заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микояном о возможности направления членов экспедиции на остров Врангеля за трупом мамонта самолётами.

На заседании президиума АН СССР 11 ноября 1938 г. было принято постановление о результатах экспедиции на остров Врангеля⁵, в котором было отмечено, что экспедиция не выполнила своего основного задания по вине полярной станции острова Врангеля, давшей неправильную информацию о находке мамонта. В то же время отмечалось, что экспедицией собран значительный материал по изучению острова, позволяющий после его обработки издать монографию по этой отдалённой и труднодоступной части страны. Была утверждена смета расходов на оставшихся на зимовку на острове профессора Л. А. Портенко и его помощника в сумме 60 042 руб., предусмотрев её в смете Зоологического института АН СССР. Также было принято решение заслушать полный отчёт о деятельности экспедиции после камеральной обработки материалов и составления финансового отчёта экспедиции.

Начальник экспедиции на остров Врангеля обратился в АН СССР с просьбой о выделении 15 тыс. руб. на камеральную обработку материалов экспедиции. 15 ноября 1938 г. президиум АН СССР принял постановление⁶, разрешающее использовать запрашиваемую сумму из средств, отпущенных на экспедицию. Одновременно Палеонтологическому институту АН СССР было предложено представить к 20 ноября в Управление делами АН СССР оперативный финансовый отчёт о расходах экспедиции.

В фонде Института мерзлотоведения АН СССР сохранились материалы, касающиеся Комплексной экспедиции АН СССР в 1938 г. за останками мамонта⁷. Среди них находится «План работ специалиста-мерзлотооведа в составе Комплексной экспедиции АН СССР за мамонтом на остров Врангеля в 1938 г.», составленный научным

4. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 12. С. 117.

5. Там же. Д. 16. Л. 29–30.

6. Там же. Л. 59.

7. Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–19.

сотрудником Комитета по вечной мерзлоте АН СССР С. П. Качуриным. План состоял из двух разделов: полевая и камеральная работа. Полевая работа включала в себя: мерзлотную, геоморфологическую и литологическую съёмку участка местонахождения мамонта; изучение разрезов горных пород и гидрологического режима талой и мёрзлой толщи; подробное исследование места находки мамонта в мерзлотном отношении и так далее. Камеральная работа состояла из аналитических работ по взятым образцам, составление продольных и поперечных профилей исследованного участка по связи с вечной мерзлотой, составление мерзлотно-географического плана участка.

В «Кратком предварительном отчёте о результатах исследований мерзлововеда» от 19 октября 1938 г. С. П. Качуриным приведены сведения о формах полигональных и структурных почв рельефа, низких отрицательных температурах грунтов вблизи от дневной поверхности рельефа, глубине протаивания грунтов. Отмечалось, что характерным фактором острова Врангеля являлся лёд, заключённый в верхних слоях вечной мерзлоты большинства низменных участков, что имело много общего с исследованиями Чукотского полуострова, в частности Анадырского района. В «Докладной записке об исследовании трупа мамонта, найденного на острове Врангеля» научного сотрудника Комитета по вечной мерзлоте АН СССР П. Каптерина приведён перечень необходимых исследований находки.

Значительный интерес представляет докладная записка С. П. Качурина «Оживление мамонтов», направленная 17 декабря 1937 г. в Комитет по вечной мерзлоте АН СССР. В записке предлагался один из вероятных методов оживления вымерших доисторических животных в связи с находкой на острове Врангеля, а также развивалась проблема использования вечной мерзлоты в целях воспроизводства и других животных и указывались некоторые конкретные мероприятия.

В 1938 г. в Архангельске была обнаружена стоянка доисторического человека. Президиум АН СССР своим постановлением от 15 августа⁸ разрешил Северной базе АН СССР провести раскопки, выделив из фонда внеплановых работ 4 тыс. руб.

В 1948 г. на Таймыре были обнаружены останки мамонта; для организации экспедиции по доставке его в Ленинград распоряжением президиума АН СССР от 22 декабря был создан специальный ко-

8. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 14. Л. 232.

митет в составе Таймырской комплексной экспедиции АН СССР⁹. 29 апреля 1949 г. Совет министров СССР принял постановление об организации специалистами АН СССР и Главсевморпути комплексной экспедиции по изучению, раскопке и вывозу трупа мамонта, обнаруженного на Таймырском полуострове. Президиум АН СССР своим распоряжением от 10 мая¹⁰ возложил научное руководство комплексной экспедицией на директора Зоологического института АН СССР академика Е. Н. Павловского, которому было поручено: разработать совместно с Главсевморпути детальный план мероприятий, обеспечивающих производство раскопок трупа мамонта и доставку его в Ленинград; разработать план всестороннего изучения мамонта; укомплектовать состав научных работников, привлекаемых к изучению мамонта.

Президиум АН СССР обязал директоров академических институтов: Зоологического, Ботанического, Микробиологии, Палеонтологического и Мерзлотоведения, научные работники которых привлекались к работам по изучению трупа мамонта, обеспечить научный персонал приборами, аппаратурой и реактивами, необходимыми для экспедиционных и камеральных работ. Бюро Отделения биологических наук АН СССР было поручено обсудить план научных работ по изучению, раскопкам и вывозу мамонта, а также научный состав экспедиции.

10 ноября 1949 г. президиум АН СССР принял постановление «О результатах работы Таймырской экспедиции по раскопкам и изучению мамонта»¹¹, в котором было отмечено, что из грунтов вечной мерзлоты были извлечены скелет и мягкие части мамонта, доставленные для изучения в Зоологический, Ботанический институты и Институт мерзлотоведения АН СССР. Директору Зоологического института АН СССР академику Е. Н. Павловскому было поручено организовать монтировку скелета мамонта в музее института. Президиум АН СССР обязал директоров ряда институтов принять необходимые меры к камеральной обработке материалов экспедиции в целях подготовки их к публикации к лету 1951 г.

Комитет по организации экспедиции по доставке в Ленинград Таймырского мамонта был реорганизован в Комитет по изучению мамонтов при Зоологическом институте АН СССР. Комитету было поручено организовать широкую популяризацию среди населения

9. Там же. Оп. 13. Д. 51. Л. 104.

10. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 56. С. 10-11.

11. Там же. Оп. 6. Д. 77. Л. 4-7.

СССР через радио и печать крупного научного значения находок ископаемых животных (мамонта, носорога, овцебыка и других), необходимости своевременного оповещения Академии наук об этих находках и обязательности сохранения их до прибытия экспедиции. Перед комитетом были поставлены следующие задачи: разработать Положение о премиальных вознаграждениях за обнаружение ценных находок; подготовить предложения по организации экспедиции для извлечения в 1950 г. скелета мамонта на побережье Якутии, для исследования места его залегания и доставки его в Зоологический институт АН СССР; подготовить предложения по проведению комплексного обследования места бывшего нахождения Березовского мамонта и животных, извлекаемых на месте в слоях вечной мерзлоты Магадана; обсудить вопрос об использовании шахт в местах с вечной мерзлотой для захоронения и сохранения на длительный период в них материалов для изучения изменчивости организмов.

Распоряжением от 2 марта 1949 г. президиум АН СССР¹² разрешил Зоологическому институту АН СССР организовать экспедицию в Аллаиховский район Якутской АССР для доставки скелета мамонта, найденного на берегу моря, выделив на эти цели финансы в объёме 209 тыс. руб.

23 апреля 1952 г. президиум АН СССР своим распоряжением¹³ поручил заведующему сектором растительности Севера СССР Ботанического института АН СССР, доктору биологических наук, профессору Б. А. Тихомирову произвести обследование на месте обнаружения мамонта в бассейне реки Анадырь (село Марково) в целях предварительного ознакомления с состоянием находки и условиями её залегания.

Представленная информация является небольшим штрихом к постоянной и кропотливой работе учёных АН СССР по поиску и исследованию доисторических памятников на арктических территориях. Они позволят расширить источниковедческую базу по этому направлению исследований в Арктике. В то же время, по нашему мнению, большинство материалов по поиску и исследованию доисторических памятников сохранились в документах учреждений АН СССР и заслуживают дальнейшего изучения.

12. Архив РАН. Оп. 13. Д. 54. Л. 96.

13. Там же. Д. 100. Л. 28.

КУЛЕШОВА М. Е.

Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг

KULESHOVA M. E.

The concept of the cultural landscape for the
purposes of heritage preservation and evaluation
of management decisions. Solovetsky archipelago

Сведения об авторе:

Кулешова Марина Евгеньевна, кандидат географических наук, эксперт Федерального научно-методического совета Министерства культуры РФ, экс-заведующая Отделом культурных ландшафтов и традиционного природопользования Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
culturalandscape@mail.ru

Author:

Kuleshova Marina Evgenievna, PhD (Geography), expert of the Federal Scientific and Technique Council under the Russian Ministry of Culture, former Head of the Division of Cultural Landscapes and Traditional Landuse in the Heritage Institute named after Dmitry Likhachev, Moscow
culturalandscape@mail.ru

Аннотация:

Даётся представление о феномене культурного ландшафта как объекте наследия и о преимуществах использования ландшафтной концепции для целей охраны любых типов наследия. Учтены методики ЮНЕСКО по включению культурных ландшафтов в список Всемирного наследия. Показаны управленческие возможности таких организационных форм охраны наследия, как ООПТ (особо охраняемые природные территории), достопримечательные места, музеи-заповедники. На примерах национального парка «Берингия» на Чукотке, природного парка «Полуостров Рыбачий» на Кольском полуострове и Соловецкого музея-заповедника на Соловецких

островах Белого моря показано, что небрежение культурно-ландшафтной целостностью территории провоцирует обострение проблем охраны наследия. Основное внимание уделено Соловецкому архипелагу как репрезентативному образцу средоточия конфликтных ситуаций вследствие пренебрежения российскими органами государственного управления культурно-ландшафтными ценностями архипелага и ландшафтными принципами организации охраны территории.

Abstract:

The main subject of this paper is cultural landscape as a heritage site and cultural landscape approach to any type of heritage. The benefits of landscape concept for heritage protection are postulated. The UNESCO methodology for cultural landscapes nomination and their inscription in the World Heritage List has been taken into account. Governance capacities of such legislative forms of heritage protection as protected areas, heritage sites, museums-reserves are discussed. The negligence of the cultural landscape integrity provokes the growing problems of heritage protection as exemplified by the National Park 'Beringia' in Chukotka, Nature Park 'Rybachy' on the Kola Peninsula and the Solovetsky Museum-reserve on the Solovetsky archipelago in the White Sea. Focus on the Solovetsky archipelago is made as a representative sample of negligence by the authorities of the cultural landscape values and landscape conservation principles in the decision making process.

Ключевые слова:

культурные ландшафты, объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО, ландшафтная концепция, Берингия, территории традиционного природопользования, п-ов Рыбачий, особо охраняемые природные территории, Соловки, музеи-заповедники, достопримечательные места, охрана наследия.

Keywords:

cultural landscapes, UNESCO World Heritage Sites, landscape concept, Beringia, areas of traditional landuse, Rybachiy peninsula, protected areas, Solovky, museum-reserves, cultural heritage sites, heritage protection.

Активное применение концепции культурного ландшафта для целей охраны наследия началось с 1992 г., когда в руководящие документы ЮНЕСКО¹ были внесены существенные изменения и в ряду объектов культурного наследия была специально выделена категория «культурные ландшафты». Понятие «культурные ландшафты» употреблялось и до начала 1990-х гг., но это было связано не с прикладными задачами, а главным образом с научными, с упорядочением

1. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC.15/01. 2015. 175 p.

Рис.1. Соотношение границ национального парка «Берингия» и его предшественника – регионального природно-этнического парка «Берингия». Из границ национального парка исключены наиболее ценные локусы этнокультурного наследия Чукотки, что провоцирует конфликты интересов ООПТ и местных сообществ

системы представлений о ландшафтном покрове Земли, об управляемом формировании этого ландшафтного покрова, о закономерностях пространственного проявления социокультурных феноменов. В российской науке во второй половине XX в. более широко употреблялось понятие «антропогенные ландшафты», в отдельных случаях трактуемое как синоним культурных ландшафтов, однако с развитием научных исследований наследия концепт культурного ландшафта приобрёл очевидную самостоятельность². Огромный вклад в развитие научных представлений о культурном ландшафте как объекте наследия и о ландшафтном подходе к охране наследия внесли профессор Ю. А. Веденин и руководимый им с 1992 по 2013 гг. коллектив Института наследия³.

В руководящих документах ЮНЕСКО культурный ландшафт понимается как результат совместного делания (сотворчества) человека и природы, но относится он к объектам культурного наследия и подразделяется на три типа – ландшафты, задуманные и спроектированные человеком (рукотворные), ландшафты эволюционировавшие (среди них выделяют развивающиеся и реликтовые) и ландшафты ассоциативные. Культурный ландшафт признаётся объектом наследия в том случае, когда удовлетворяет установленным ЮНЕСКО критериям выдающейся универсальной ценности – их насчитывается 10, первые шесть определяют культурную ценность номинаций, последующие четыре – природную ценность. Этот подход имеет принципиальное концептуальное значение для работы с любыми культурными ландшафтами⁴.

В развитие положений, установленных ЮНЕСКО, в Институте наследия были разработаны собственные исследовательские методики, которые с успехом применялись на Соловках, в Бородино, в Кенозёрском национальном парке, в национальном парке «Угра», в Челябинской области на Аркаиме, в Кунгурском районе Пермской области, в Шолоховском музее-заповеднике, в Пушкинском музее-заповеднике «Михайловское», в Ясной Поляне, в пришвинском Дунино и др. Мы определяем культурный ландшафт как природно-культурный территориальный комплекс,

2. Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как наследие. Общие представления, актуализация ценности, исследовательские подходы // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М., 2013. С. 12–39.
3. Работы Веденина Ю. А.: Культурно-ландшафтное районирование России – ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. № 2. М., 1997. С. 3–99; Очерки по географии искусства. СПб., 1997; Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. С. 3–17.
4. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC.15/01. 2015.

сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности, компоненты и элементы которого находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности и образуют характерные пространственные сочетания⁵. При наличии определённых условий культурный ландшафт может быть признан объектом наследия. Но учёт ландшафтной специфики важен для любого объекта наследия. Под наследием мы понимаем систему предметных ценностей, признанных обществом, необходимых ему для самоидентификации и развития и передаваемых последующим поколениям. Эта система ценностей может изменяться, расширяться или сокращаться в зависимости от интеллектуального состояния общества и возникающих угроз утраты того информационного потенциала, который заключён в окружающем нас предметном мире.

Ландшафтная концепция позволяет выявить природные и культурные ценности наиболее полно и целостно, в их системной взаимосвязи. И это далеко не праздный вопрос, ведь от обоснования системы ценностей зависит предмет охраны, а значит, стратегия будущих действий.

Государственная охрана наследия опирается на юридическое право. В российском законодательстве понятие культурных ландшафтов встречается трижды – в законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», в законе «Об особо охраняемых природных территориях», в Земельном кодексе в части, определяющей категории земель и предполагающей возможность выделения особо ценных земель. В законе об объектах культурного наследия культурные ландшафты фигурируют в перечне объектов, относимых к достопримечательным местам. Достопримечательные места, в свою очередь, являются одним из видов объектов культурного наследия наряду с двумя другими видами – памятниками и ансамблями. Нормы этого закона могут быть очень широко использованы для защиты культурных ландшафтов, представляющих ценность наследия. Даже на уровне памятников и ансамблей при определении их территорий и зон охраны применение ландшафтного подхода необходимо, и его грамотное использование позволяет сохранять многие параметры культурной среды. В закон об охраняемых территориях понятие культурного ландшафта было введено совсем недавно, в 2013 г., но по факту многие категории ООПТ, в особенности национальные парки и некоторые природные парки, давно работают с этим феноменом наследия.

5. Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.–СПб., 2004. 620 с.

Далеко не все исследователи, сталкивающиеся с феноменом культурного ландшафта, широко используют этот термин. В частности, для Арктики широкое распространение получило понятие территорий традиционного природопользования (ТТП) коренных малочисленных народов, признанное федеральным законодательством и по смыслу своему представляющее этнокультурные ландшафты, сформированные в процессе жизнедеятельности коренных народов российского Севера. Очень яркий исследователь Севера, доктор биологических наук Л. С. Богословская, возглавлявшая вплоть до своей кончины Центр традиционного природопользования в Институте наследия, внедряла этот термин в свой научный обиход постепенно, убедившись в эффективности применения концепта культурного ландшафта к задачам сохранения традиционной культуры коренных народов и природы Севера в их целостности и взаимообусловленности. В своих последних работах она уже определяла ТТП как специфические культурные ландшафты. «Территории традиционного природопользования (ТТП) коренного населения Севера – это особый вид сельских культурных ландшафтов, неразрывно связанный с внутриэтнической и/или внутривнутрипопуляционной структурой традиционных сообществ» (п. 1.2); «Пространственное воплощение локальных культур представляют культурные ландшафты, или ТТП, – освоенные людьми территории вместе с их флорой и фауной» (п. 3.2); «Принципиальное отличие культурных ландшафтов (ТТП) коренных малочисленных народов Севера от культурных ландшафтов других этносов – их визуальная неотличимость от окружающей нетронутой природы» (п. 4.4)⁶.

В память этого замечательного исследователя её коллеги под руководством И. И. Крупника сделали сборник научных работ и воспоминаний, связанных с Л. С. Богословской, а также её неопубликованных работ, он издан в 2016 г. под названием «Лицом к морю». Перечисляя составляющие ТТП, она фактически называет возможный предмет охраны достопримечательных мест, к которым законодательство относит культурные ландшафты, обладающие признаками объекта культурного наследия. Сюда входят: земля родного селения; земли, где захоронены предки; священные места – территории, водные пространства и природные объекты, часто отмеченные особыми ритуальными сооружениями; заповедные земли и водные пространства; охотничьи угодья, рыбопро-

6. Богословская Л. С. К концепции законопроекта «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов (и других малочисленных этнических общностей) Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // Материалы парламентских слушаний 16.05.2014. М., 2014.

мысловые участки, олени пастбища, маршруты кочёвок, традиционные транспортные пути, резервные земли. Далеко не все эти составляющие учтены в действующем законодательстве, в законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

В последнее время появляются сообщения о перспективах внесения Берингии в список Всемирного наследия в качестве составляющей серийного межконтинентального объекта, презентующего культуру древних охотников-зверобоев. Исследованию Берингии Л. С. Богословская отдала лучшую часть своей творческой жизни, участвовала в организации природно-этнического парка (1993–2013 гг.) на региональном уровне, и очень огорчилась, когда при его реорганизации в национальный парк в 2013 г. все этнические посёлки, совпадающие с очагами высокого биоразнообразия, были исключены. А что такое Берингия с точки зрения комплексного культурно-ландшафтного подхода? Берингия – уникальный ландшафтный объект, который может быть номинирован по нескольким критериям «выдающейся универсальной ценности Всемирного наследия» ЮНЕСКО. Этот гигантский «поворотный мыс» и культурный перекрёсток содержит уникальные свидетельства древних культур, осваивавших ландшафт (критерий iii), служит выдающимся по своей репрезентативности примером традиционного природопользования коренных народов Севера, уязвимого под влиянием глобальных изменений окружающей среды (критерий v), ассоциируется с базовыми космогоническими представлениями коренных народов Чукотки (критерий vi), иллюстрирует один из важнейших этапов истории Земли: процесс формирования профиля материковой Евразии и её шельфа в условиях рифтовой зоны (критерий viii), включает важнейшие местообитания и пути миграций ключевых видов биоты (критерий x). Своёобразием аспектом традиционного природопользования является формирование сезонных ледовых ландшафтов⁷, исследование которых в качестве феноменов наследия началось именно с Берингии.

С крайнего северо-востока, с Берингии, обратим наш взор на крайний северо-запад, на п-ов Рыбачий. В 2011 г. группа исследователей Института наследия (Ю. С. Захаров, А. Н. Кулиев и П. А. Филин) выполнила работу по обоснованию создания природно-исторического парка⁸

7. Крупник И. И. Об изучении ледовых культурных ландшафтов // Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Сост. и ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. М., 2013. С. 18–23.

8. Природно-исторический парк Рыбачий. Проектные предложения. Институт Наследия им. Д. С. Лихачёва, МАКЭ, 2011. 183 с., илл. (в рукописи).

на п-ве Рыбачий, полагая, что субъект федерации воспользуется своим правом учредить категорию ООПТ, не отмеченную федеральным законодательством (рис. 2 и 3, см. стр. 177, 178). Но Мурманская область пошла по «накатанному» пути и создала в конце 2014 г. природный парк совсем по другому проекту, с другими границами, не включившими в себя большинство историко-культурных феноменов данной территории в береговой зоне. Такое неадекватное решение поставило данную территорию под угрозу утраты значительной доли как историко-культурных комплексов, так и ценных природных объектов, которые тяготеют к экотонам морских побережий. Я обращаю внимание на этот объект в контексте арктической темы, поскольку:

1) был наработан очень интересный материал, обоснована комплексная ценность территории, проведена практически инвентаризация природных и культурных феноменов, представляющих ценность наследия по доступным источникам информации; обосновывающая проектная документация не потеряла своей актуальности;

2) есть основания для продолжения исследований и широкого внедрения культурно-ландшафтного подхода, выявления целостных военно-мемориальных ландшафтов, поскольку Рыбачий – это уникальный по сохранности и представленности военно-исторических свидетельств ландшафтный комплекс, включающий в себя археологические элементы утраченного традиционного природопользования лопарей и утраченных морских промыслов, связанных с нахождением здесь в XIX в. норвежских поселений – рыбопромысловых факторий, что требует проведения археологических изысканий;

3) культурно-ландшафтный комплекс п-ва Рыбачий не имеет адекватной правовой защиты, наиболее подходящей формой охраны для такого ранга территорий служат либо национальный парк (поскольку в задачи национальных парков входит сохранение историко-культурных комплексов и объектов), либо музей-заповедник (с параллельным отнесением ландшафтного комплекса к достопримечательному месту), либо, в дополнение к природному парку, достопримечательное место с его последующим отнесением к историко-культурному заповеднику.

Важно, чтобы Кольский научный центр РАН, Институт истории материальной культуры РАН и Музей мирового океана, проводившие исследования на данной территории, продолжили инициативу Института наследия им. Д. С. Лихачёва по изучению и правовой защите Рыбачьего на методологических основаниях культурно-ландшафтного подхода.

А теперь обратимся к Соловкам с их историко-архитектурным и природным музеем-заповедником 1967 г. создания, отнесённым к осо-

бо ценным объектам культурного наследия народов РФ в 1995 г., и ставропигиальным Спасо-Преображенским монастырём 1992 г. возобновления. В том же 1992 г. Соловецкий историко-культурный комплекс с его 500-летней монастырской историей и выдающимися памятниками был включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Что такое Соловки для россиян? Выдающаяся святыня, связанная с историей монастыря, и место величайшей трагедии XX в., связанное с периодом сталинских репрессий. То, что это ещё уникальный археологический комплекс, люди знают меньше, но это подтверждено отечественными исследованиями и оценками международных экспертов. То, что Соловецкие острова – это и богатейшее природное достояние, воспринимается людьми на уровне эстетического чувства, никто не посмеет этого оспаривать, в то же время защита этого природного достояния остаётся уделом исключительно специалистов. То, что всё это находится и существует в определённом природно-культурном ландшафтном контексте и находится в системной взаимосвязи, воспринимается как само собой разумеющееся, а утраты этой целостности и аутентичности с трудом осознаются современным обществом.

Наши исследования культурных ландшафтов архипелага начались в середине 1990-х гг., они легли в основу оценки выдающейся универсальной ценности, предпринятой экспертами миссии Nordic Heritage Center в 1998 г.⁹, и широко использовались миссиями ЮНЕСКО 2013 и 2015 гг., которые однозначно идентифицировали Соловки как культурный ландшафт. Соловки были номинированы в список Всемирного наследия в 1992 г. по одному из 10 критериев, установленных ЮНЕСКО, – это критерий iv, в соответствии с которым объект наследия должен представлять собой выдающееся сооружение, архитектурный ансамбль либо ландшафт, иллюстрирующий важные этапы истории. Однако к культурному ландшафту Соловецких островов может быть применён гораздо более широкий спектр критериев, нежели к культурно-историческому ансамблю. Это не значит, что надо срочно проводить реноминацию, но значит, что предмет охраны должен быть расширен и подходы к юридической защите объекта и его управлению должны быть изменены. Наряду с критерием IV здесь применимы критерии III, V, VI, VII, VIII и X.

Культурно-исторический ансамбль, значащийся в списке объектов Всемирного наследия, – неотъемлемая составляющая ландшафта, зависящая от него и занимает в нём предопределённое природными условиями

9. Отчёт о проведении мониторинга объекта Всемирного наследия «Соловецкий историко-культурный комплекс» // Информационный бюллетень «Экология культуры». Архангельск, 2000. № 4 (17). С. 27–79.

положение¹⁰. Архитектурные сооружения взаимодействуют с ландшафтом, подчёркивают его формы и пропорции. Окружающие луга, огороды, дороги, парковые посадки используют преимущества ландшафта, адаптированы к нему с помощью террасированных склонов, подпорных стенок, дренажных сетей. Уровень и конфигурация озёр изменились в результате целенаправленного перераспределения стока, поэтому многие водоёмы не могут считаться уже исключительно природными образованиями. Межозёрные каналы, особенно транспортные, стали существенным пейзажным и функциональным элементом ландшафта. Мелиоративные сети изменили гидрорежим обширных территорий. Морские и межозёрные дамбы адаптированы к рельефу морского дна. Всё это – выдающийся пример исторического традиционного монастырского землепользования. Расположенные на островах археологические памятники I–II тысячелетий до н. э. также неотъемлемая часть культурного ландшафта, уникальное собрание свидетельств исчезнувших культур Северной Евразии. По насыщенности и разнообразию форм археологических артефактов Соловки вряд ли могут сравниться с каким-либо иным районом Севера и представляют универсальную научную ценность. Согласно оценке ИКОМОС, Соловецкий комплекс – это «выдающийся памятник, представляющий собой апогей русской православной стойкости и мужества; выдающийся пример монастырского поселения в суровых условиях Северной Европы, являющийся прекрасным примером веры, целеустремленности и мужества религиозных общин позднего средневековья»¹¹. А это означает, что нематериальное, духовное наследие Соловков также признано на международном уровне. На Соловках работали множество учёных и экспедиций, оставивших прекрасные научные и проектные разработки. На основании многолетних экспедиционных исследований Соловецкого отряда МАКЭ Института наследия им. Д. С. Лихачёва под руководством В. П. Столярова был опубликован непревзойдённый по комплексности и объёму представленного материала фундаментальный труд «Соловецкие острова. Духовное, культурное и природное наследие» с прилагаемой к нему картой (2005 г.) – к этому источнику постоянно обращаются современные исследователи и проектанты.

С конца 1990-х гг. идут затяжные позиционные бои за признание всего архипелага неделимым объектом наследия. Две миссии

10. Кулешова М. Е. Соловецкие острова – природное и культурное наследие // Природа. 2015. № 7. С. 28–41.

11. Комплект номинационных документов по Соловецкому историко-культурному комплексу: http://whc.unesco.org/archive/advisory_body_evaluation/632.pdf

ЮНЕСКО в 2013 и 2015 гг. (эксперты ИКОМОС) обращают особое внимание на то, что Соловки – это именно культурный ландшафт, что объектом Всемирного наследия является весь архипелаг полностью, а не отдельные локусы. Миссия 2013 г. считает, что «Соловецкий архипелаг (далее – Архипелаг) представляет собой симбиоз культурного и природного наследий, ценностей, материальных и нематериальных. Это объединение формирует священный ландшафт, смысл которого вполне ясен: священная неделимая территория, которая на протяжении веков определяла вид всей территории островов. Это заставляет нас думать сегодня, что этот объект представляет собой особый культурный ландшафт, который включает в себя всю систему объектов»¹². На четырёх последних сессиях Комитета Всемирного наследия подчёркивалось несоответствие между ценностью объекта и системой его сохранения, развития и управления.

Миссия 2015 г. обращает внимание, что «просто признать целостность объекта не достаточно. Нужно приступить к глубокому изучению объекта, чтобы распознать и описать все его характеристики: <...> структуру культурного ландшафта, стратификацию исторических слоев, системы <...> паломнических дорог и ирригации, масштаб ландшафта, характер <...> ландшафта посёлка Соловецкий, панорамы, доминирующие элементы, бассейны и визуальные направления и т. д. Иначе говоря, нужно уточнить единые культурные, природные и духовные ресурсы объекта – признаки его выдающейся универсальной ценности, чтобы впоследствии было возможно рассматривать их в качестве объекта защиты. Миссия констатирует, что такое исследование отсутствует, даже если существует множество статей и научных публикаций о Соловецком архипелаге, с которыми она ознакомилась. Также отсутствует база, без которой будет трудно обеспечить эффективную защиту выдающейся универсальной ценности объекта»¹³.

Для сохранения островной природы, весьма уязвимой к хозяйственной деятельности, в 2014–2015 гг. на Соловках планировалось создание государственного заказника. Необходимая документация была разработана Минприродой РФ, но правительственное решение не состоялось – в очередной раз повлияли опасения со стороны РПЦ, неготовность

12. Report of the Joint UNESCO-ICCROM-ICOMOS Reactive Monitoring Mission to the Cultural and Historic Ensemble of the Solovetsky Islands Russian Federation. 2013. 65 p.: <http://whc.unesco.org/en/list/632/documents/>

13. Rapport de la Mission de Conseil de l'ICOMOS pour l'Ensemble historique, culturel et naturel des îles Solovetsky (C. 632). 2015, 22–28 juillet: <http://whc.unesco.org/en/list/632/documents/>

критически отнести к собственным проектам освоения архипелага, признать приоритет норм законодательного регулирования на территории, которая священна для всего человечества, а не только для группы людей, представляющих священноначалие. Природные комплексы и компоненты служат основанием любого культурного ландшафта, на Соловках это проявляется наиболее полно, и чрезвычайно важно, чтобы этот аспект был учтён при стратегическом планировании.

Что же препятствует полноценной защите природного и культурного наследия Соловков? Ведь разработано множество документов, приняты управленческие решения, выделяются огромные бюджетные средства, предназначенные для решения задач охраны наследия на архипелаге. Однако анализ этой документации показывает, что она делается второпях, небрежно, грешит серьёзными ошибками и неточностями и, что самое главное, компромиссна в отношении несущего угрозы наследию градостроительного развития, перспективы которого обозначены в документах территориального планирования – Генеральном плане пос. Соловецкий, Генеральном плане поселения Соловецкое, планах планировок отдельных частей посёлка. Под цели градостроительного развития адаптированы все правовые и стратегические документы, призванные защитить архипелаг, – в первую очередь это проекты зон охраны отдельных ансамблей, утверждённые Министерством культуры в 2014 г., а также Концепция сохранения духовного, культурного и природного наследия Соловецкого архипелага, утверждённая в 2015 г.¹⁴

На Соловках проводятся масштабные реставрационные работы, и многое восстанавливается, однако нельзя обойти молчанием и такие факты, как смена древних монастырских интерьеров на евроремонт в ряде служебных помещений; замена древних белокаменных ступеней Спасо-Преображенского собора на новые современные; уничтожение памятника культуры – валунного монастырского причала в гавани Благополучия с заменой его на новый бетонный, облицованный плиткой; вывалы цельного кирпича с разбираемого памятника культуры – Троицкого скита – на анзерские дороги; скандально низкое качество реставрационных работ на восточном корпусе Голгофо-Распятского скита и т. д. Реставрация – отдельная «большая» тема, требующая отдельного анализа, однако из реставрируемых объектов складывается ткань ландшафта,

14. Что происходит на Соловках? // Электронный ресурс «Хранители наследия»: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/diskussii/cto-proiskhodit-na-solovkakh/>; «Соловки – невелика крепостица, вам молиться бы пока да поститься...» // Электронный ресурс «Хранители Наследия»: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/diskussii/solovki-nevelika-krepostitsa-vam-molitsya-by-poka-da-postitsya/>

устанавливаются его доминанты, силуэты и функции, поддерживается аутентичность и целостность, поэтому важно проводить её таким образом, чтобы, помимо освоения колоссальных бюджетных средств, не нанести вреда предмету охраны (рис. 4, см. стр. 179).

Именно по инициативе министерства начиная с 2013 г. реализуется наиболее скандальный проект строительства нового здания музея в непосредственной визуальной доступности к главному монастырскому ансамблю, с восточной стороны оз. Святого. Он осуществляется вопреки решениям экспертов ЮНЕСКО, вопреки мнению отечественных специалистов, вопреки решению нескольких заседаний секций собственного министерского научно-методического совета, Общественной палаты, Союза архитекторов. И разрушает ландшафтные панорамы от стен монастыря, уничтожает мемориальное пространство единственного сохранившегося со времён ГУЛАГа барачного комплекса, гигантскими объёмами своими становится антитезой самому монастырскому ансамблю. Можно отчасти понять интересы Архангельской области, ответственной за градостроительную документацию и благоустройство посёлка, но никак нельзя понять и оправдать Министерство культуры РФ, ответственное за охрану культурного наследия, но согласующее областные документы и принимающее решения, противоречащие задачам сохранения целостного территориального комплекса наследия. Культурно-ландшафтный подход к охране наследия не поддаётся осмыслению этим ведомством вот уже 20 лет.

Министерство культуры РФ согласовало в 2015 г. внесение изменений в Генплан пос. Соловецкий с увеличением его площади в два раза и согласовало Генплан поселения Соловецкое с выделением кластеров по всему архипелагу общей площадью 1200 га, которые из земель гослесфонда и госзапаса переводятся в земли поселений (рис. 5, см. стр. 180). Обосновывающая легенда – последующая передача кластерных участков в собственность монастыря для восстановления традиционного пустынножительства и осуществления религиозной деятельности. Но эти земли были защищены от градостроительной экспансии лесным законодательством, которое не препятствовало пустынножительству (доказательство чему – передача лесных земель о-ва Анзер в пользование Голгофо-Распятскому скиту), а теперь они открыты для любого строительства за исключением некоторых ограничений в границах зон охраны скитских ансамблей. У монастырского священноначалия нет обязательств восстанавливать здесь историческое монастырское природопользование. Прогнозируемые последствия – жестокая трансформация ландшафта, создание инфраструктуры религиозного туризма, сделки с землёй

и постепенная субурбанизация, превращение паломнических путей в скоростные автомагистрали, зарастание мелиоративных систем и сельхозугодий. Увеличение площади собственно пос. Соловецкий в два раза имеет последствием увеличение площади застройки, плотности застройки, плотности уличной сети, коттеджное строительство, перекрытие визуальных бассейнов на поселковых входах-выходах, рассечение зелёного окоёма оз. Святого пятнами застройки, уничтожение целостности мемориального квартала ГУЛАГа.

Наблюдается полный хаос в управлении, непрофессионализм, нежелание Министерства культуры РФ привлекать к работам широкий круг профессионалов, ангажированность отдельных экспертов, келейность принятия решений. Руководящие работники министерства, прекрасно разбирающиеся в процедурах и протоколах, не задумываются о последствиях реализации тех документов, которые утверждают и которые вместо защиты уникального комплекса архипелага провоцируют всё новые конфликты, проблемы и угрозы. Какое отношение всё это имеет к научной концепции культурного ландшафта и культурно-ландшафтному подходу к охране наследия? Самое прямое. Если бы на ведомственном уровне наконец осознали, что весь Соловецкий архипелаг, а не собрание отдельных разрозненных объектов и локусов, – это уникальное национальное достояние, выдающийся культурный ландшафт, то политика в отношении этой хрупкой целостности приобрела бы более осмысленные и гуманные черты. А наиболее подходящей организационно-правовой формой защиты территории следовало бы признать достопримечательное место, известное российскому законодательству с 2002 г., с соответствующим расширением функций Соловецкого музея-заповедника и параллельным учреждением особо охраняемой природной территории (природного заказника).

Казалось бы, с начала 60-х гг. XX в. в бывшем СССР создаются музеи-заповедники, большинство из которых призваны сохранять не только памятники, но и целые местности – культурные ландшафты в их современном понимании. С 1992 г. благодаря решениям ЮНЕСКО культурные ландшафты признаны объектами культурного наследия. В начале 2000-х гг. ряд российских национальных парков и музеев-заповедников разрабатывает и реализует целые культурно-ландшафтные программы. Но до сих пор приходится доказывать очевидное: ландшафтные ценности наследия и ландшафтный подход к наследию – важнейшие атрибуты грамотного ведомственного управления. Учёт выявленных ландшафтных ценностей и закономерностей – необходимое условие принятия решений о судьбе любого объекта наследия.

КУХТЕРИН С. А.

Памятники археологии
освоения Русской Арктики.
Проблемы изучения, сохранения,
популяризации

KUKHTERIN S. A.

Archaeological monuments of development
of the Russian Arctic. The study, conservation,
popularization

Сведения об авторе:

*Кухтерин Сергей Алексеевич, заместитель директора по проектам ООО «НПО
«Северная археология-1»
kuhterin@yandex.ru*

Author:

*Kukhterin Sergey Alexeevich, "NPO "North archeology-1", Deputy Director of Projects
kuhterin@yandex.ru*

Аннотация:

В статье даётся краткий обзор научных археологических исследований, проводимых в арктическом и субарктическом регионах Сибири и посвящённых изучению русского освоения данных территорий. Рассматриваются проблемы археологической изученности Арктики в контексте освоения Русского Севера, проблемы сохранности археологических памятников, даются предложения по решению данных проблем. Также в статье отмечены значимость и перспективность изучения археологических памятников освоения Русской Арктики в научном, общественном и политическом контекстах, рассматривается использование данных памятников как объектов культурно-туристического характера с активным привлечением федеральных, региональных музеев, общественных организаций и власти. Отмечено, что в научном, информационном, музейно-экспозиционном направлении памятники освоения Русского Севера имеют практически неисчерпаемый потенциал.

Abstract:

The article provides a brief review of the scientific archaeological research conducted in the Arctic and sub-Arctic regions of Siberia and the Russian dedicated to the study of the development of these territories. The problems of the archaeological study of the Arctic in the context of development of the Russian North, the problem of preservation of archaeological sites are proposals to solve these problems. The same article noted the importance and prospects of the study of archaeological monuments of Russian Arctic exploration in the scientific, social and political contexts, explains how to use these sites as a cultural and tourist nature objects with the active involvement of federal, regional museums, public organizations and authorities. It was noted that the scientific, information, museum exposition towards the development of the Russian North monuments have almost unlimited potential.

Ключевые слова:

историко-культурное наследие, археологические памятники, археологические раскопки, освоение Арктики, Русский Север.

Keywords:

historical and cultural heritage, archaeological sites, archaeological excavations, development of the Arctic, the Russian North.

Русское освоение Крайнего Севера Сибири – одна из наиболее ярких страниц российской истории, которая постоянно привлекает к себе внимание как профессиональных исследователей, так и широкий круг общественности. Данная тема освещена в историографии преимущественно на основе письменных и архивных источников, позволяющих воссоздать хронологический и событийный ряд. Документы деловой переписки между центром и удалёнными государевыми вотчинами, записки современников, иностранных путешественников, учёных, моряков, купцов, дошедшие до наших дней, дают возможность представить географию и масштабы русской экспансии в Западной и Восточной Сибири. В период с конца XVI в. к середине XVII в. появились русские города, остроги, зимовья, заставы, волоки по всей протяжённости арктических и субарктических территорий от Уральских гор до Тихого океана. Трудно поверить, но эти огромные территории были открыты и освоены в короткий полувековой период. Конечно, на сегодняшний день обнаружены, интерпретированы и введены в научный оборот далеко не все письменные источники, эту глобальную работу ещё предстоит выполнить. Тем не менее можно утверждать, что архив-

ные данные не дают полноценной информации ни о географическом местоположении поселений (острогов, зимовий и т. д.), ни о духовной и материальной культуре русских первопроходцев. Заполнить такой весьма внушительный пробел позволяют археологические исследования. Археологические рекогносцировочные разведки позволяют выявить и чётко обозначить на карте первые русские сибирские поселения, известные ранее только по письменным источникам, а археологические раскопки выявленных поселений дают обильный вещевой материал, позволяющий реконструировать быт, отношения с коренным населением, материальную и духовную культуру русских первопроходцев. К сожалению, археологических исследований первых русских поселений в Сибири и Арктике проведено крайне мало, велись они большей частью не системно, от случая к случаю. Однако даже известные и опубликованные археологические материалы кратно восполняют недостающие пробелы в истории освоения Русской Арктики. В целом научный потенциал археологических памятников в Сибири и Арктике на сегодняшний день практически неисчерпаем.

Следует отметить ещё один важный аспект, касающийся археологических исследований арктических территорий Сибири. Памятники археологии являются неоспоримым фактическим доказательством открытия, освоения и принадлежности территорий Российскому государству, как материковых, так и островных, расположенных в Северном Ледовитом океане, включая акватории и шельф, что на сегодня является актуальной международной проблемой. Письменные источники, как отечественные, так и зарубежные, конечно, дают определённую доказательную базу в данном вопросе, но их недостаточность и возможность различного толкования порождают разногласия и споры. Археология даёт фактический материал, который трудно или просто невозможно опровергнуть, соответственно, памятники археологии русского освоения Арктики являются опорными стратегическими объектами культурного наследия, материально доказывающими открытие и освоение в XVII в. арктических регионов Русским царством, а позже – Россией.

На сегодняшний день ситуация, связанная с археологическим изучением памятников русского освоения Арктики выглядит весьма плачевно. На всём протяжении Крайнего Севера Сибири археологами выявлено не более двух десятков русских поселений XVII–XVIII вв.: городов, острогов, ясачных и промысловых зимовий, стоянок экспедиций. Из них в прошлом столетии только на пяти проводились археологические раскопки – на городище Мангазея (р. Таз), стоянке

в заливе Симса (п-ов Таймыр), Стадухинском поселении (р. Колыма), Алазейском остроге (р. Алазея) и Зашиверском остроге (р. Индигирка). В 90-е гг. XX в. археологические исследования этих памятников на Крайнем Севере Сибири были свёрнуты (рис. 1, см. стр. 181).

С рубежа 2000-х гг. исследования возобновляются: в 1999 и 2002 гг. Институтом археологии РАН под руководством В. Ф. Старкова проводятся раскопки зимовья в низовьях р. Оленёк, основанного в 1633 г. полярным мореходом Иваном Ребровым, с 2000 по 2010 гг. экспедициями НПО «Северная археология-1» под руководством Г. П. Визгалова, С. Г. Пархимовича, О. В. Кардаша ведутся раскопки Мангазеи, Обдорска (современный Салехард), Надымского городка, Берёзова, Новой Мангазеи (Туруханска), Стадухинского поселения (Нижеколымского острога).

Новые исследования Мангазеи возобновились в связи с продолжающимся разрушением памятника, на котором, как выяснилось, культурный слой до материка раскопками 1960–1970-х гг. не был исследован. В последние годы раскопано до материка более 1200 кв. м, на которых выявлено 46 комплексных жилых и хозяйственных построек, собрано 45 500 единиц индивидуальных находок (изделия из кожи, дерева, стекла, тканей и шерстяной пряжи, керамики и фарфора, кости, железа, цветных металлов, бересты, лыка и коры, камня и воска), не считая массовых находок (кости, фрагменты керамики, ткани, кожи, бересты, судовые скобы, детали конструкций домов и судовых деталей). Для сравнения – в ходе предыдущих раскопок обнаружено порядка 5 тыс. предметов.

Культурный слой Мангазеи оказался удивительно богатым находками судовых деталей кочей. Ещё в ходе раскопок конца 1960-х – начала 1970-х гг. было найдено несколько сотен судовых деталей (порядка 300) – преимущественно это были доски. Также было обнаружено 19 фрагментов килей, форштевень, ахтерштевень, части шпангоутов, руля, кница. К сожалению, зарисовано и опубликовано было менее 10 единиц. Новые раскопки дали более 250 деталей практически от всех конструктивных частей коча. Такое обилие находок судовых деталей связано с тем, что часть кочей, приходивших в Мангазею, разбиралась на строительный материал, который очень ценился в бедной качественным лесом местности. Кроме того, имелась существенная разница в объёме привозимого и вывозимого груза (привозились многочисленные товары для жизнеобеспечения, а вывозились только пушнина и кость), что создавало избыток тоннажа. Подобная практика просуществовала в Сибири до XIX – начала XX вв. Так, в Салехарде сохранились амбары села Об-

дорского, построенные из досок бортового набора барки. Мангазейские находки позволяют кардинально пересмотреть все предшествующие реконструкции полярного судна коч и разработать более детально новую реконструкцию этого судна. Стали понятны некоторые исчезнувшие судовые термины, упоминавшиеся в письменных источниках («перешва», «коряник», «копыга», «упруг», «щегла», «шарки» и др.).

Уникальность арктических памятников археологии заключается ещё и в том, что мерзлотные грунты являются идеальной консервирующей средой и большая часть артефактов попадает в руки исследователя в отличной сохранности. Вещевой комплекс Мангазейского городища по своей полноте и сохранности несопоставим ни с одним известным памятником археологии освоения Русского Севера. Будучи «златокопящим» сибирским «клондайком» в XVII в., Мангазея бесспорно остаётся «клондайком», но уже археологическим, значимость которого сложно переоценить в контексте культурного и исторического наследия нашего государства. К сожалению, в отношении этого памятника археологии федерального значения на сегодня не разработано никаких целевых программ сохранения, он подвержен ежегодным разрушениям от паводковых вод р. Таз.

Кроме Мангазеи, экспедициями НПО «Северная археология-1» в 2007–2014 гг. было исследовано Старо-Туруханское городище, поселение, которое началось с ясачного Туруханского зимовья, с 1672 г. стало Новой Мангазеей, Туруханском – центром Мангазейского уезда, позднее Туруханского края. Сейчас это деревня Старо-Туруханск, расположенная в Красноярском крае близ впадения р. Турухан в р. Енисей. Туруханск был центром освоения полуострова Таймыр, отсюда совершались плавания по р. Енисей, Пясины, Хатанга и далее в Якутию на Анабар, Оленёк и Лену. Именно сюда перешло практически всё население Мангазеи. Уже в XVIII в. Туруханск был опорной базой Великой Северной экспедиции, отсюда совершались поездки Челюскина, Стерлигова, Минина.

В 2009–2010 гг. НПО «Северная археология-1» были возобновлены археологические раскопки Нижнеколымского острога на северо-востоке Якутии. Зимовье и острог были основаны в 1644 г. первопроходцем и мореходом Михаилом Стадухиным. В 1648 г. отсюда отправился на шести кочах Семён Дежнёв в свой знаменитый поход вокруг Чукотки. Нижнеколымский острог был базой Великой Северной экспедиции Д. Я. Лаптева, Н. Киндякова. В 1760-х гг. острог перенесён на другое место (современное село Нижнеколымское), а место старого острога было заброшено и именовалось «Старый город».

В 1989–1990 гг. памятник «Стадухинское поселение» раскапывался Н. А. Алексеевым (Якутский государственный университет). В 2000-х гг. раскопки возобновлены НПО «Северная археология-1» в связи с аварийным состоянием памятника, который интенсивно разрушается протокой Колымы. Среди находок в остроге много привозных предметов, в частности ткани, китайский и японский фарфор, украшения, китайские монеты и европейские счётные жетоны, лесной орех и др. Найдены кости крупного рогатого скота и лошади. В XVII в. якутов на нижней Колыме ещё не было. Скот также мог быть привезён только на судах через море, а морскими судами в то время в Сибири были только кочи.

В 2006–2010 гг. НПО «Северная археология-1» вело раскопки Берёзова, в прошлом города, административного центра всего Обского Севера, основанного в 1593 г. Здесь же были плотбища, на которых в 1600 г. построили кочи к походу на р. Таз. Во время этого похода был заложен Мангазейский острог. Берёзов также являлся базой отряда Великой Северной экспедиции Д. Л. Овцына, С. Г. Малыгина, А. Скуратова. После революции Берёзов получил статус посёлка. Нами впервые были произведены археологические раскопки культурного слоя двумя раскопами на месте кремля и посада. Общая площадь раскопок – 500 кв. м. К сожалению, слой в кремле был нарушен (частично снесён бульдозером), дерево и другие органические материалы не сохранились. Серьёзной проблемой Березовского городища стали постоянные «покопы» памятника местным населением с целью найти какой-нибудь «сувенир на память», и такие «покопы» приобрели систематический характер. Региональные и муниципальные власти не могут или не хотят ничего предпринимать, слабо реагируя или не реагируя вовсе на постоянные обращения археологов.

Следующим ценным объектом является Надымский городок, который находится в устье р. Надым. Памятник раскапывается НПО «Северная археология-1» в течение последних 12 лет начиная с 1998 г. Объект многослойный и существовал минимум 500 лет. Судя по обнаруженному инвентарю, основан выходцами с Европейского Севера, возможно, финско-русским населением. В XVII в. Надым был резиденцией вождя территориальной общины ненцев и хантов. В слое XVII в. были найдены судовые детали от коча, также судовые скобы, предметы русского и европейского импорта. Надымский городок находился на пути по Обской губе в Мангазею. Население городка активно участвовало как в торговле, так и в грабежах на Мангазейском ходу. В частности, по письменным источникам известно,

что отряды племенного объединения Большая Карачея (воровская самоедь) нападали на потерпевшие кораблекрушение кочи в Обской губе. В раскопе найдена русская керамика, замки, ткани, украшения, накладки на сундуки, железное оружие и т. д. Памятник находится в аварийном состоянии и может быть полностью смыт протокой Надьма. Именно поэтому необходимо продолжение раскопок на этом уникальном объекте.

Полуйский или Обдорский городок раскапывался в 2005–2006 гг. на территории города Салехард под строящиеся объекты. Предполагалось, что здесь находятся остатки русского Обдорского острога, но по результатам раскопок оказалось, что в XVII в. на этой территории Салехарда располагалось аборигенное поселение, по всей видимости резиденция вождя Обдорского княжества. Интересно, что в ходе раскопок обнаружено много предметов русской культуры – шахматы, кубик и стаканчик для игры в зернь и т. д. При строительстве дома вождя были использованы доски бортового набора кочей и дощаников. Вероятно, это был престижный строительный материал. Городок находился вблизи Обдорской таможенной заставы, мимо него проходил путь по Оби в Обскую и Тазовскую губу и далее в Мангазею. Население городка участвовало не только в торговле с русскими, но и обслуживало сухопутный и водный пути в Мангазею.

Нельзя не сказать о памятниках самого северного участка Евразии – п-ве Таймыр. Здесь на берегу залива Симса и о-ве Фаддея в 1940 г. были найдены следы торгово-промысловой экспедиции, потерпевшей кораблекрушение в начале XVII в. В 1946–1947 гг. Л. П. Окладниковым на обнаруженных объектах были произведены раскопки. В 1975 г. экспедицией краеведа А. В. Троицкого на берегу были найдены монета и часть пищали. Имеется предположение, что культурный слой стоянок исследован не полностью и необходимо продолжить изыскания этих уникальных памятников. Также экспедициями А. В. Троицкого и Норильского экспедиционного клуба на Таймыре найдено место стоянки базового лагеря Харитона Лаптева и два зимовья XVII–XVIII вв. Одно из них – зимовье Конечное, упоминавшееся в записках Х. Лаптева, находится под угрозой полного уничтожения. Летом 2015 г. сотрудники НПО «Северная археология-1» обследовали место лагеря Х. Лаптева, проведена тахеометрическая съёмка, собран подъёмный материал. Установлено, что этот важный памятник периода географических открытий в Арктике подвергается естественному разрушению. Остатки самого большого

дома уже разрушены (срезаны) весенним льдом. Остатки другой постройки № 5 оползают и могут быть смыты р. Хатангой. Необходимо срочно произвести аварийные археологические раскопки этой части памятника. Кроме того, найдены останки ещё одного зимовья в 1 км к северу. Эти археологические объекты, непосредственно связанные с освоением побережья Таймыра, могут содержать предметы, относящиеся либо к судовым деталям, либо к оснастке и снаряжению кораблей, что очень важно для решения научной проблемы – конструкции и облика полярного судна коч.

Подводя итог вышеизложенному, можно обозначить ряд ключевых проблем, требующих принятия безотлагательных мер:

1. Отсутствие интереса у федеральных, региональных и муниципальных властей к разрушающимся памятникам археологии, отсутствие программ по их системному исследованию и сохранению.

2. Ежегодные необратимые разрушения объектов археологического наследия в Арктике вследствие паводковых явлений, эрозий, речного ледохода, ежегодно «сдирающего» культурные напластования памятников.

3. Проблема «чёрной археологии», вставшей на рельсы предпринимательства со своими изданиями, сайтами, расценками и сформировавшимся рынком поставщиков и сбыта артефактов из разграбленных памятников, добыть которые на Крайнем Севере и сделать «селфи» считается чуть ли не подвигом в данных кругах.

4. Подобная беда происходит как с выявленными, так и не выявленными, известными только по письменным источникам поселениями. Такие объекты известны лишь как приблизительная точка на карте, они не внесены в государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации, не определён их статус, не определены границы и зоны охраны. В данной ситуации, даже поймав с личным «чёрного грабителя», юридически в конечном итоге добиться справедливого инкриминирования не представляется возможным.

Поэтому считаем необходимым разработать и реализовать в ближайшее время программу по выявлению, паспортизации и постановке на государственный учёт известных, но не выявленных памятников археологии в Арктике.

Срочно предпринять меры по проведению спасательных работ на объектах, подвергающихся активным естественным природным влияниям.

Существует серьёзная проблема с вывозом, хранением и реставрацией крупногабаритных находок, которую необходимо решать зара-

нее, следует предусмотреть возможность хранения и дальнейшей обработки и консервации.

Необходимо привлечь к исполнению вышеизложенного федеральные, региональные и муниципальные власти, научные федеральные, региональные, а также общественные организации. Как ни парадоксально, но сегодня перечисленные выше исследования ведутся частной научной организацией за собственные средства. На исследования Мангазеи и Надымского городка незначительные средства поступают из бюджета Ямало-Ненецкого автономного округа. Но на федеральном уровне на памятники, связанные с русским освоением Арктики и Крайнего Севера, средства не выделяются.

Ввиду того, что памятники русского освоения Арктики привлекают к себе всё больше внимания и понимание значимости данных исторических объектов возрастает, необходимо включить в целевые программы по развитию туризма археологические объекты в форме музеев под открытым небом или научно-исторических (археологических) детско-юношеских лагерей. Данный подход не толькократно повысит туристическую привлекательность регионов, но и поможет решить проблему «чёрной археологии», а значит, будет содействовать сохранению и популяризации культурного наследия.

НПО «Северная археология-1» за счёт собственных средств разрабатывает проект туристического археологического комплекса г. Мангазея, включающего в себя музей под открытым небом, археологические раскопы, лабораторные помещения, ремесленные комплексы, туристические зоны со всей необходимой инфраструктурой, гармонично вписывающиеся в природный ландшафт местности. Реализация данного проекта позволит обеспечить сохранность памятника, его активную популяризацию, доступность всех желающих к уникальному объекту освоения Арктики (можно будет вживую наблюдать процесс археологических раскопок) без создания помех для текущих научно-исследовательских археологических работ (рис. 2, см. стр. 182).

Литература:

1. Алексеев А. Н. Первые русские поселения на XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
2. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1.
3. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1.

4. Белов М. И. и др. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2.
5. Вершинин Е. В. Коч и русское освоение Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Полярный архив. М., 2003. Т. 1.
6. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Берёзовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2008.
7. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск, 2008.
8. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909.
9. Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVII веков. История и материальная культура. Екатеринбург–Нефтеюганск, 2009.
10. Кардаш О. В. Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий // Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005.
11. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М., 1998. Кн. 1.
12. Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.–М., 1951.
13. Старков В. Ф. Отчёт о работах Мангазейской экспедиции арктического и антарктического НИИ в 1970 г.: Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 4402.
14. Старков В. Ф. Оленёкское зимовье – русское поселение в Заполярной Сибири // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Материалы 43-й Всероссийской (с международным участием) конференции молодых учёных. Томск, 2003.
15. Троицкий В. А. Посёлок Харитона Лаптева на реке Хатанге // Наука и жизнь. 1980. № 1.
16. Чернецов В. Н. Отчёт о работах, проведённых Мангазейской экспедицией в 1946 г. Приложение к отчёту: Архив ИА РАН. Р 1. № 95. Л. 1946.

МАЛИНИН П. Ю.

Охрана объектов культурного наследия как функция документов пространственного планирования

MALININ P.YU.

Protection of objects of cultural heritage
as function of documents of spatial planning

Сведения об авторе:

Малинин Пётр Юрьевич, ООО «ИГСК ЭЛЕМЕНТ», инженер, магистр географии (СПбГУ)

эл. почта: awaeff-py@yandex.ru

Author:

Malinin Petr IUREVICH, ООО «IGSK ELEMENT», engineer, master of geography

e-mail: awaeff-py@yandex.ru

Аннотация:

В статье рассматриваются механизмы сохранения и защиты объектов культурного наследия в Арктике в рамках действующей нормативно-правовой базы градостроительной деятельности, в составе как разрабатываемых, так и уже утверждённых документов территориального планирования и градостроительного зонирования. Перечислены функции документов территориального планирования как инструмента охраны объектов культурного наследия. Обозначен ряд текущих проблем в указанной сфере на примере Схемы территориального планирования Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, требующих тщательной проработки в ходе общественно-научной дискуссии с последующим оформлением в правовом поле.

Abstract:

In article mechanisms of preservation and protection of objects of cultural heritage in the Arctic, within the operating standard and legal base of town-planning activity,

in structure of the documents of territorial planning and town-planning zoning both developed, and already approved are considered. Functions of documents of territorial planning as instrument of protection of objects of cultural heritage are listed. A number of the current problems in the specified sphere on the example of the Scheme of territorial planning of Taimyr Dolgan-Nenets municipal district demanding careful study during public and scientific discussion with the subsequent registration in a legal framework is designated.

Ключевые слова:

объект культурного наследия, Арктика, территориальное планирование, морское пространственное планирование, Арктическая зона Российской Федерации.

Keywords:

the object of cultural heritage, Arctic, spatial planning, marine spatial planning, Arctic zone of the Russian Federation.

Интерес к арктическому пространству начиная с первых лет нового века неуклонно возрастает во многих странах мира. В центре внимания международного сообщества и общественно-научной дискуссии находятся вопросы рационального природопользования и комплексного хозяйственного освоения, борьба за установление контроля над арктическими природными богатствами, сохранение естественной природной среды. В 1996 г. арктическими странами был учреждён Арктический совет – международная организация сотрудничества арктических государств, в которой своё постоянное представительство также имеют шесть организаций, представляющих коренные народы Арктики.

В нашей стране вопросы исследования Арктики традиционно занимали особое место и имеют устоявшуюся традицию. Вместе с тем можно смело констатировать, что на текущий момент историко-культурное наследие Арктики не находится в числе приоритетов как научно-исследовательской, так и государственно-управленческой деятельности не только в нашей стране. Само понятие деятельности в социологии определяется как «способ существования и развития социальной действительности, проявление социальной активности, целенаправленное отражение и преобразование окружающего мира. Деятельность обладает такими чертами, как сознательность, целеполагание, продуктивность, общественный характер...». Одной из неотъемлемых и приоритетных функций государственного управления

является обеспечение условий сохранения и приумножения историко-культурного наследия в стране в интересах настоящего и будущего поколений народов России.

История освоения и развития Российской Арктики насчитывает не одно столетие (начиная с освоения и колонизации Русского Севера) и засвидетельствована множеством объектов культурного наследия (далее также – ОКН) – объектов недвижимости, которые являются предметом рассмотрения в рамках документов пространственного планирования. Арктика характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями, которые затрудняют ведение хозяйственной деятельности, что, с одной стороны, снижает риск уничтожения уникальных объектов историко-культурного наследия различных исторических периодов вследствие её осуществления, а с другой – создаёт риск утраты ОКН ввиду действия природных процессов. Особо следует отметить разнообразие и историко-культурную ценность уникального опыта традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – КМНС). Это достояние культурного пространства России также является предметом охраны и целенаправленной внутренней государственной политики. В Российской Федерации в целом создана правовая база в сфере защиты прав и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера¹. Однако современные реалии и их трансформация требуют оперативной корректировки и обновления правового поля в этой части.

Арктическая зона Российской Федерации

Арктика – это уникальный по своим масштабам, природным условиям, геополитическому и экономическому значению макрорегион, который рассматривается как особый объект государственного управления, что подтверждено целым рядом стратегических и программных документов, утверждённых в последние годы на федеральном уровне: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (Постановление Правительства РФ от 18.09.08 № Пр-1969); «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (Постановление

1. Оф. сайт компании «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84814/ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (дата обращения 17.03.2016).

Правительства РФ от 08.02.2013 № Пр-232); Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (Постановление Правительства РФ от 21.10.2014 № 366). Однако до недавнего времени с точки зрения государственного управления не решённым оставался вопрос установления границ Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ), конкретных пространственных очертаний этого особого макрорегиона.

Арктическая зона Российской Федерации определена (впервые на официальном уровне. – *Прим. автора.*) решением Госкомиссии при Совете министров СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г.² [с. 80, 2]. Вопрос состава территорий АЗРФ неоднократно пересматривался в рамках широкой научно-практической дискуссии, в ходе которой были подготовлены различные проекты нормативных актов. С опубликованием Указа Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 г. № 296 была, образно говоря, поставлена точка. Таким образом, говоря о проведении государственной арктической политики, следует понимать территорию, включённую в состав АЗРФ (рис. 1), а также прилегающие акватории в границах исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Российской Федерации.

Объекты культурного наследия в правовом поле РФ

Под государственной охраной ОКН в рамках сложившейся системы государственного управления следует понимать комплекс правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, принимаемых органами исполнительной государственной власти и органов местного самоуправления. Основным законом, регулирующим отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В соответствии с указанным Федеральным законом государственная политика в области охраны ОКН должна быть направлена на выявление, учёт, изучение, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, а также контроль

2. Щитинский В. А. Формирование искусственной среды проживания в суровых климатических условиях арктических регионов России на основе современных инновационных подходов к устойчивому развитию // Градостроитель – профессия или образ жизни? / Сб. статей. СПб., 2013. С. 80.

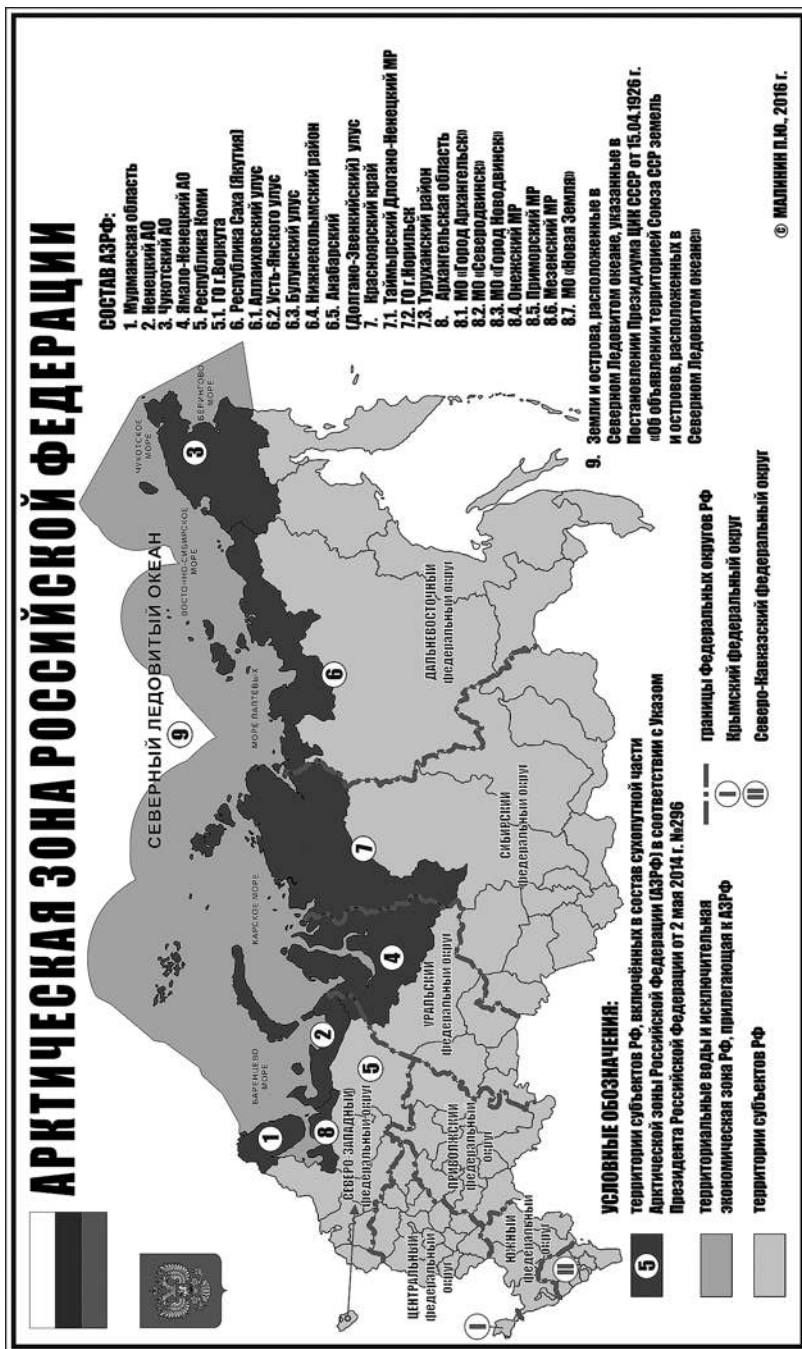

Рис. 1. Арктическая зона Российской Федерации

над использованием этих объектов в соответствии с действующим законодательством и международными обязательствами страны. В данной статье сосредоточимся на рассмотрении вопроса обеспечения охраны ОКН в части памятников истории и культуры (недвижимые объекты) через механизмы пространственного планирования (территориальное планирование – частный случай пространственного планирования). Общий массив объектов культурного наследия Арктики можно разделить на несколько крупных групп: объекты археологии и этноархеологии в Арктике; объекты, связанные с исследователями Севера и с историей присоединения этих территорий (в том числе объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО); объекты культурного наследия, связанные с Великой Отечественной войной (ВОВ); объекты советского периода истории (объекты подводного наследия). Указанные группы объектов, за исключением объектов подводного наследия (ОПН), характеризуются наличием территории, и долгосрочное управление территориями ОКН или самими объектами осуществляется на основе и с учётом градостроительной документации. В части объектов подводного наследия следует заметить, что этот термин введён сравнительно недавно и заслуживает отдельного внимания.

Основы правовых инструментов охраны объектов культурного наследия, используемых в настоящее время, были заложены ещё в советский период истории нашей страны. Следует упомянуть Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», в рамках которого предписывалась необходимость установления охранных зон ОКН. Положения этого документа получили развитие в Постановлении Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР» и ряде других. В условиях рыночной экономики ситуация значительно осложнилась, увеличались риски утраты ценных ОКН, особенно в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, из-за коммерческой заинтересованности частных структур. Градостроительным кодексом РФ предусмотрена необходимость установления градостроительных регламентов как одного из базовых механизмов фиксации, учёта, контроля и регламентирования использования территорий ОКН и охранных зон ОКН, как действенного механизма охраны с правовыми последствиями для ответственных лиц в случае его нарушения.

В свою очередь, при разработке документов территориального планирования (внесении изменений в них) необходимо руководствоваться не только установленными ограничениями в части охраны

ОКН, но и учитывать сохранение объектов и территорий, обладающих признаками ОКН, с перспективой изменения их статуса. Особое значение имеет перспективное планирование поэтапной бережной инкультурации ОКН в единое культурное пространство страны на научной основе.

Жемчужиной Русского Севера в границах АЗРФ является историко-культурный комплекс Соловецких островов (о-в Большой Соловецкий, о-в Большая Муксалма, о-в Анзер, о-в Большой Заяцкий), который в 1992 г. получил статус объекта Всемирного культурного наследия. На федеральном уровне границы зон охраны историко-культурного комплекса были установлены Приказом Минкульта России от 03.06.2014 № 946. Как считают эксперты, в состав данного объекта необходимо включить и окружающий природный ландшафт, который образует с монастырскими постройками единое и нерасторжимое целое. При этом возможны два пути: 1) отнесение объекта к категории «культурный ландшафт» и/или 2) перевод его в номинацию Всемирного культурно-природного (смешанного) наследия. Следует отметить уникальный государственный музей деревянного зодчества и народного искусства северных районов России «Малые Корелы» как уникальный объект, включённый в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ. Оба указанных выше объекта находятся на территории Приморского муниципального района Архангельской области.

Сведения о каждом ОКН в соответствии с действующим законодательством должны заноситься в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, ведение которого ранее осуществлялось Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура), которая была ликвидирована Указом Президента РФ 08.02.2011 г. № 155. Отметим, что опубликованные в общем доступе сведения в части описания объектов культурного наследия содержат неточности и требуют актуализации (<http://kulturnoe-nasledie.ru>) и дополнения в процессе «проведения инвентаризации и оцифровки объектов социокультурного наследия»³.

В настоящее время в границах АЗРФ нет поселений, включённых в перечень исторических поселений РФ (Приказ Министерства

3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года (проект) // Сайт САФУ имени М. В. Ломоносова: http://narfu.ru/aan/institut_arctic/strategy_AZRF_2010.pdf (дата обращения 17.03.2016).

культуры Российской Федерации от 29.07.2010 г. № 418/339). Однако как минимум на уровне субъектов Российской Федерации есть целый ряд городов и населённых пунктов, которые можно отнести к историческим поселениям регионального значения. В исторических поселениях предметом охраны могут выступать не только сами ОКН, но и планировки самих населённых пунктов, панорамные виды и прочее. После признания населённых пунктов историческими поселениями (федерального, регионального и местного значения), там вводится особый режим градостроительного регулирования.

Подводное культурное наследие

В статье 1 принятой 02.11.2001 г. на 31-й сессии генеральной конференции ЮНЕСКО «Конвенции об охране подводного культурного наследия»⁴ приводится следующее определение:

«Подводное культурное наследие (далее – ПКН. – *Прим. автора.*) означает все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет, такие как:

- 1) объекты, сооружения, здания, артефакты и человеческие останки вместе с их археологическим и природным окружением;
- 2) суда, летательные аппараты, другие транспортные средства или любые их части, их груз или другое содержимое, вместе с их археологическим и природным окружением;
- 3) предметы доисторического характера.

Однако юридического и научного определения этого термина в отечественной специальной литературе до сих пор нет⁵. В Федеральном законе от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ в определении объектов археологического наследия указана возможность нахождения такого объекта полностью или частично под водой. Иных указаний в настоящее время в национальном законодательстве нет.

Россия как великая морская держава, несомненно, обладает значительным количеством объектов, которые можно отнести к ПКН.

4. Акты Генеральной конференции ЮНЕСКО, 31-я сессия, Париж, 15 окт. – 13 ноября 2001 г. // Конвенции об охране подводного культурного наследия Париж, 2002. Т. 1. С. 54–66. // Сайт «База данных ЮНЕСКО»: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001246/124687r.pdf#page=60> (дата обращения 17.03.2016).

5. Фазлуллин С. Изучение и сохранение подводного историко-культурного наследия России // Культурологический журнал. 2012. № 2: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskij-zhurnal/kul2-2012/22482-izuchenie-i-sohranenie-podvodnogo-istoriko-kulturnogo-naslediya-rossii.html> (дата обращения 17.03.2016).

В целом вопрос регулирования и планирования деятельности в акваториях Российской Федерации до настоящего времени не проработан в должной мере и представляет собой определённый пробел. Морское пространственное планирование (МПП) в мировой практике существует более 20 лет. Многие страны используют МПП в качестве инструмента для управления морским пространством на основе экосистемного подхода⁶. Справедливо будет указать, что в рамках МПП (по аналогии с территориальным планированием) возможна лишь фиксация результатов междисциплинарных научных исследований подводных историко-культурных комплексов в контексте их взаимодействия с окружающим подводным ландшафтом. Необходима разработка методов изучения ПКН, описания границ и состава, а также формирование нормативно-правовой базы для регулирования деятельности по охране, изучению и использованию таких объектов.

Объекты культурного наследия в документах территориального планирования

В соответствии с положениями Градостроительного кодекса РФ от 29 декабря 2004 г. сведения об ОКН вне зависимости от их значения (федерального, регионального, местного) должны отражаться в документах территориального планирования, решения документов территориального планирования должны обеспечивать сохранность объектов культурного наследия. Документы территориального планирования в рамках сложившейся системы управления пространственным развитием выполняют несколько важных функций в части обеспечения охраны ОКН, а именно:

1. Фиксируют наличие и расположение (в случае если масштаб картографических материалов это позволяет) в границах конкретного административно-территориального образования всех ОКН, включённых в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

2. Устанавливает соответствующую функциональную зону (как правило, на уровне генерального плана населённого пункта, реже –

6. Лаппо А. Д. Проблемы и перспективы использования инструментария морского пространственного планирования // Стратегическое планирование в регионах и городах России: потенциал интеграции: Доклады участников XI Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург. 22–23 октября 2012 г. СПб., 2013. С. 130.

генерального плана муниципального образования), которая входит и в территориальную зону (в рамках утверждения Правил землепользования и застройки) с присвоением соответствующего регламента использования.

3. Закрепляет зону охраны ОКН, утверждённую в установленном Постановлением Правительства РФ от 12.09.2015 № 972 порядке, в том числе в форме сервитута.

4. В рамках документов территориального планирования возможно внесение предложения об изменении статуса вновь выявленного объекта культурного наследия (то есть объекта, прошедшего государственную историко-культурную экспертизу) с последующим внесением изменений в документ территориального планирования или внесение предложения о проведении работ по сбору материалов для прохождения государственной историко-культурной экспертизы применительно к объектам, обладающим признаками ОКН, с последующим внесением изменений в документы территориального планирования (при положительном заключении государственной историко-культурной экспертизы).

5. Документы территориального планирования являются основанием для изменения целевого назначения (категории) земель земельного участка, отнесённого в соответствии с материалами документов территориального планирования к ОКН в категорию земель особо охраняемых территорий и объектов (вид – земли историко-культурного назначения) с установлением соответствующих регламентов охраны ОКН.

6. В составе утверждаемой части документов территориального планирования могут быть предусмотрены соответствующие мероприятия в области охраны ОКН, в том числе ремонт или реконструкция.

Фактически в рамках действующего законодательства утверждённый документ территориального планирования устанавливает общие требования к режимам использования земель в рамках функционального зонирования в границах земельных участков ОКН и прилегающих к ним (в отдельных случаях) с последующим их уточнением в рамках градостроительного зонирования муниципальных образований. Градостроительный регламент устанавливает параметры использования конкретной территориальной зоны, в том числе ограничения хозяйственной деятельности, обусловленные необходимостью обеспечения защиты ОКН. В отдельных случаях предметом охраны является не конкретная территория, а вид или панорама, и в этом случае в рамках документов территориального планирования может

быть выделена территория, на которой указанную специфику следует учесть в дальнейшем в рамках градостроительного зонирования.

Перечисленные выше функции документов территориального планирования, а также иные требования Градостроительного кодекса РФ при корректном их выполнении являются одним из важнейших элементов комплексного обеспечения охраны объектов культурного наследия по всей стране, в том числе и в Арктике. Однако сложившаяся ситуация не в полной мере позволяет реализовать заложенный в правовом поле потенциал в целях обеспечения охраны ОКН как одного из направлений государственной политики.

Все документы территориального планирования публикуются на официальном сайте Федеральной государственной информационной системы территориального планирования – <http://fgistp-web.ursgis.ru/>. В настоящее время большая часть муниципальных образований, включённых в АЗРФ, обеспечена документами стратегического и территориального планирования. Ознакомление с опубликованными материалами может стать полезным всем заинтересованным лицам и дать представление по текущему положению дел в области охраны объектов культурного наследия в Арктике. В качестве наиболее характерных примеров арктических территорий возьмём Схему территориального планирования Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района (далее – ТДНМР) Красноярского края. Документ был разработан ОАО «РосНИПИУрбанистики» при участии автора.

В Схеме территориального планирования ТДНМР непосредственно ОКН отведён один раздел тома 1 материалов по обоснованию проекта в. – «Раздел 2.3 Объекты культурного наследия. Историко-культурный потенциал территории»⁷. В рамках раздела дана общая информационная справка о количестве объектов культурного наследия и одновременно с тем указано: «В настоящее время (2014 г. – *Прим. автора.*) информация об объектах культурного наследия на территории муниципального района крайне разрозненна и не систематизирована». В муниципальном районе по материалам Схемы территориального планирования на 01.11.2011 г. статус ОКН (памятника, стоящего на государственной охране) был закреплён за 26 памятниками истории и одним памятником архитектуры, в том числе один из них –

7. Схема территориального планирования Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края. С. 111–125 // Сайт «Федеральная государственная информационная система территориального планирования»: <http://fgistp-web.ursgis.ru/> (дата обращения 17.03.2016).

памятник федерального значения. При этом 34 ОКН имеют первичную учётную документацию (паспорта), заверенную Министерством культуры СССР, что даёт возможность юридически их считать выявленными объектами, 70 объектов имеют признаки ОКН. Даже в рамках одного раздела единого документа нет сводных сведений об объектах культурного наследия, рядовому сотруднику администрации или просто заинтересованному лицу невозможно точно понять количество памятников и их статус. Масштаб карт (М 1:200 000) не позволяет точно определить местоположение объектов. Данная ситуация характерна для многих документов территориального планирования не только в арктическом регионе⁸.

Проектные предложения (решения) утверждаемых материалов Схемы территориального планирования (т. 5) не конкретны, носят общий характер. И в этой связи следует указать, что подготовка документов территориального планирования в соответствии с ч. 5 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ осуществляется на основании стратегий и программ различного уровня, то есть фактически выполняет функцию сбора и проецирования на территорию всех принятых решений. Таким образом, отсутствие проработанного раздела об объектах культурного наследия, как в части перечня, так и в части проектных решений, свидетельствует о том, что на дату разработки и утверждения документа территориального планирования данное направление не было в числе приоритетов государственной политики в отношении территории Таймыра. Объекты же подводного культурного наследия не рассматриваются вовсе.

Заключение

Обеспечение охраны ОКН – комплексная задача, требующая усилий всех заинтересованных сторон в рамках данного процесса. В соответствии с вышесказанным в целях улучшения ситуации в области охраны ОКН, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть следующие направления деятельности:

1. Инвентаризация и актуализация сведений (особенно в части описания местоположения в информационных системах общего доступа) об ОКН федерального, регионального и местного значения. Установление границ, в том числе с использованием дистанционных

8. Малинин П. Ю., Мещеряков Е. С. Специфика подготовки документов территориального планирования для территорий Крайнего Севера // Традиционное природопользование и научное обеспечение АПК на Крайнем Севере: сборник науч. ст. / РАСХН. Сиб. отделение. ГНУ НИИСХ Крайнего Севера. СПб., 2012. С. 107–109.

методов (например, системы ГЛОНАСС), в наиболее удалённых районах и их фиксация на картах Росреестра в рамках отдельного информационного слоя.

2. Мониторинг фактического состояния ОКН в целях предотвращения их утраты от действия естественных процессов. Особого внимания заслуживает проблема отсутствия достаточного объёма ресурсов у органов местного самоуправления для осуществления полномочий в части обеспечения охраны и контроля за ОКН.

3. Разработка методических рекомендаций применительно к разделам документов территориального планирования, посвящённым объектам культурного наследия и принимаемым проектным решениям.

4. Проведение междисциплинарных научных исследований в части методик выявления, описания границ, постановки на учёт, а также методов мониторинга состояния объектов и возможных направлений использования подводного культурного наследия. Создание нормативно-правовой базы как инструмента обеспечения охраны объектов подводного культурного наследия, описания и классификации объектов подводного культурного наследия.

5. Разработка и внедрение морского пространственного планирования, в том числе в части обеспечения охраны объектов подводного культурного наследия.

6. Внесение изменений в законодательство в целях упрощения процедур внесения изменений в документы территориального планирования и градостроительного зонирования применительно к объектам культурного наследия в части установления границ функциональных и территориальных зон (и их градостроительных регламентов), включение в перечень объектов культурного наследия, а также установление зон охраны объектов культурного наследия и пр.

7. Проведение научно-исследовательских работ в целях выявления и включения в перечни исторических поселений регионального значения населённых пунктов в границах АЗРФ.

8. Создание информационной инфраструктуры с интерактивной картой, на которой отображались бы все объекты культурного наследия Арктики, в том числе ОКН, вновь выявленные ОКН, а также объекты обладающие признаками ОКН. Формирование общедоступного реестра ОКН в сети Интернет.

9. В связи с тем, что финансирование проведения предметных полевых исследований в части объектов культурного наследия недостаточно, особенно в Арктике, целесообразно рассмотреть вопрос

привлечения к этой работе Русского географического общества, общественных организаций (в том числе зарубежных), юридических лиц (особенно в качестве сопутствующей деятельности при полевых работах) и физических лиц для сбора первичной информации об объектах и их состоянии. Разработка порядка такого взаимодействия.

10. В рамках документов территориального планирования уделять особое внимание встраиванию объектов культурного наследия в планировочный каркас территории в целях их популяризации и включения в туристско-рекреационную деятельность.

11. Разработка Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктической зоне Российской Федерации позволит определить основные цели проведения государственной политики в данной области.

12. Введение практики ежегодной подготовки государственного доклада «О состоянии культурного наследия народов Российской Федерации» с приведением официальных сводных количественных данных в территориальном разрезе.

Сегодня уже можно констатировать, что проблема охраны ОКН в Арктике и в России в целом требует комплексного подхода к решению, в том числе и в рамках территориального планирования как одного из возможных и действенных инструментов защиты культурного наследия в России.

ОГНЕТОВА М. Б.

Сохранение исторической памяти об освоении Арктики (на примере культурно-просветительских проектов)

OGNETOVA M. B.

The preservation of historical memory
about the development of the Arctic
(for example, cultural and
educational projects)

Сведения об авторе:

*Огнетова Марина Борисовна, отдел по делам архивов Администрации города
Нижний Тагил, главный специалист
m.ognetova@yandex.ru*

Author:

*Ognetova Marina B., the Department of Affairs of archives of Administration the city of
Nizhny Tagil, main specialist
m.ognetova@yandex.ru*

Аннотация:

Статья посвящена вопросам сохранения исторической памяти об освоении и изучении Арктики на примере осуществления культурно-просветительских проектов организаций города Нижний Тагил. Автор раскрывает состав и содержание документальных источников по данной тематике, обобщает опыт реализации проектов, представляет сведения о научной деятельности известного учёного-археолога, исследователя Арктики В. Ф. Старкова. На основе анализа и систематизации проектов показана значимость деятельности городских организаций по сохранению и популяризации знаний об освоении и изучении Арктики.

Abstract:

The article is devoted to the preservation of historical memory about the development and the study of the Arctic by the example of the implementation of cultural and educational projects of organizations of the city Nizhny Tagil. The author reveals the structure and content of the documentary sources on the subject, summarizes the experience of implementation of projects, represents information about the scientific activities of the famous scientist-archaeologist, Arctic Explorer V. F. Starkov. Based on the analysis and systematization of projects shows the importance of the activities of urban organizations to preserve and promote knowledge of the development and study of the Arctic.

Ключевые слова:

историческая память, документальные источники, пароход «Челюскин», К. Кожин, Ю. Морозов, В. Ф. Старков, архипелаг Новая Земля, архипелаг Франца-Иосифа, архипелаг Шпицберген, Семён Дежнёв, Вильям Баренц, музей «Помор», посёлок Баренцбург, Оленёкское зимовье, музей Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е. А. и М. Е. Черепановых, И. Д. Папанин, интерактивные краеведческие проекты, Нижнетагильский городской исторический архив, календарь знаменательных дат, краеведческая библиотека, А. Норденшельд, компания «Тагил-ТВ», информационно-коммуникационные проекты, Центр развития туризма города Нижний Тагил, муниципальные учреждения культуры.

Keywords:

historical memory, documentary sources, the steamer *Chelyuskin*, K. Kozhin, Yu. Morozov, V. F. Starkov, the archipelagos of Novaya Zemlya, Franz Joseph, Svalbard, Semen Dezhnev, William Barents, the Museum "Pomor", the village of Barentsburg, Olenek winter quarters, the Museum of Nizhny Tagil mining and metallurgical College of a name of E. A. and M. E. Cherepanov, I. D. Papanin, interactive local history projects, the Nizhny Tagil city historical archive, a calendar of important dates, the local history library, A. Nordenskiöld, the company "Tagil-TV", information and communication projects, the Center of tourism development of the city of Nizhny Tagil; municipal cultural institutions.

Человеческая память хранит многочисленные события и факты, в том числе выходящие за рамки опыта отдельных людей либо групп и выраженные в памятных местах, датах, письменных и изобразительных источниках. Но она имеет такие свойства, как искажение и стирание событий. Таким образом, неприкосновенность до-

кументальной памяти велика. Она позволяет в будущем осмыслить её по-новому во множестве вариантов. В основе документальной памяти лежит документ, исторический источник. Обеспечение сохранности архивных документов входит в число важнейших функций архивов и музеев России. В статье рассматриваются культурно-просветительные проекты организаций города Нижний Тагил по сохранению и популяризации знаний, связанных с освоением Арктики, подготовленных на основании документальных источников.

Город Нижний Тагил имеет почти трёхвековую историю (основан в 1722 г.), которая отражена в массивах документальных источников, хранящихся в архивах и музеях города. Хранилищами документов, касающихся Арктики, являются: муниципальный исторический архив, архив и библиотека Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», архив и музей Нижнетагильского горно-металлургического колледжа имени Е. А. и М. Е. Черепановых. Документальные источники представлены следующими разновидностями: постановления местных органов власти, сведения из газетных материалов, научные работы и отчёты, воспоминания, личные документы, фотодокументы.

История города, Отечества нашла отражение в названиях улиц Нижнего Тагила, которых насчитывается более 900, переулков, проспектов (5) и площадей. Несколько улиц города носят наименования, связанные с освоением и изучением Арктики. Нижний Тагил входит в число 44 городов, имеющих улицу, названную в честь челюскинцев, членов экипажа раздавленного льдинами парохода «Челюскин», совершавшего рейс по трассе Северного морского пути в 1933–1934 гг. для отработки схемы доставки грузов за одну летнюю навигацию. Все 104 члена экипажа, проводившие два месяца в условиях полярной зимы на льдине, были спасены. В настоящее время улица Челюскинцев является оживлённой автомагистралью Нижнего Тагила.

В Нижнетагильском городском историческом архиве в архивном фонде Нижнетагильского горсовета имеются сведения о переименованиях улиц города: так, по ходатайству рабочих Нижнетагильского металлургического завода и жителей улицы Извёздной в 1934 г. в честь челюскинцев улица получила новое название – имени Челюскинцев (постановление Нижнетагильского горсовета от 10 июля 1934 г., протокол № 153 (рис. 1)¹, с 1942 г. улица 3-я Комсомольская стала

1. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 70. Оп. 2. Д. 282. Л. 195 об.

называться улицей И. Д. Папанина, знаменитого полярника (постановление Нижнетагильского горисполкома от 9 декабря 1942 г. № 726)², а улица 2-я Кирпичная и 3-я Кирпичная тем же постановлением переименованы соответственно в улицу Полярная и улицу Полюсная. В 1958 г. на карте города появился переулок Полюсный (решение Нижнетагильского горисполкома от 28 января 1958 г. № 38)³.

Документальные источники Нижнетагильского городского исторического архива и Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» позволяют нам выявить забытые факты из прошлого города. Так, в июле 1934 г. два члена команды раздавленного льдами парохода «Челюскин» прибыли в Нижний Тагил. Это Константин Кожин и Юрий Морозов, награждённые впоследствии Правительством СССР орденом Красной Звезды. 18 июля 1934 г. в Тагиле тепло встречали героев: прошли митинг, встреча с молодёжью города и жителями обновлённой улицы Челюскинцев. Рабочие Уралвагонстроя предложили собрать средства на постройку ледокола имени челюскинцев. 20 июля 1934 г. в летнем театре гости рассказали комсомольцам Нижнего Тагила о времени, проведённом на льду. Приезд в Нижний Тагил челюскинцев стал предметом изучения краеведов⁴, статьи об этом событии размещены на сайте «История Нижнего Тагила от основания до наших дней» (<http://historyntagil.ru>).

Архивные документы, фотографии и другие материалы, связанные с изучением Арктики, отложились в архиве и музее старейшего учебного заведения России ГАПОУ СО «Нижнетагильский горно-металлургический колледж имени Е. А. и М. Е. Черепановых» (основан в 1709 г.), который является источником комплектования городского исторического архива. Выпускником 1955 г., а в дальнейшем преподавателем колледжа и организатором археологического кружка является археолог, доктор исторических наук, исследователь архипелагов Новая Земля, Франца-Иосифа, Шпицберген Вадим Фёдорович Старков, который провёл своё детство также в Нижнем Тагиле, окончил Нижнетагильский горно-металлургический техникум. В. Ф. Старков исследовал места зимовки Семёна Дежнёва на побережье моря Лаптевых, Вильяма Баренца на Новой Земле; является куратором музея «Помор» в российском посёлке Баренцбург на архипелаге Шпицберген; автор 224 научных публикаций, в том числе 16 монографий.

2. НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 498. Л. 275.

3. Там же. Д. 762. Л. 79.

4. Ганжа С. Имени героев Арктики // Газета «Горный край». 2002. 4 июля: <http://historyntagil.ru>

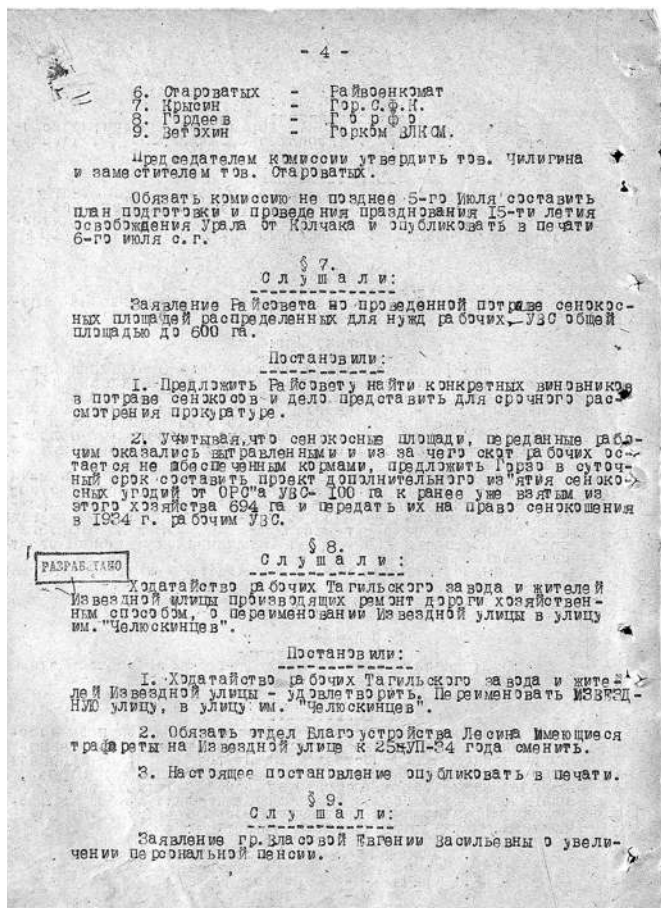

Рис. 1. Постановление Нижнетагильского горсовета о переименовании улицы Извездной в улицу Челюскинцев от 10 июля 1934 г., протокол № 153, п. 8

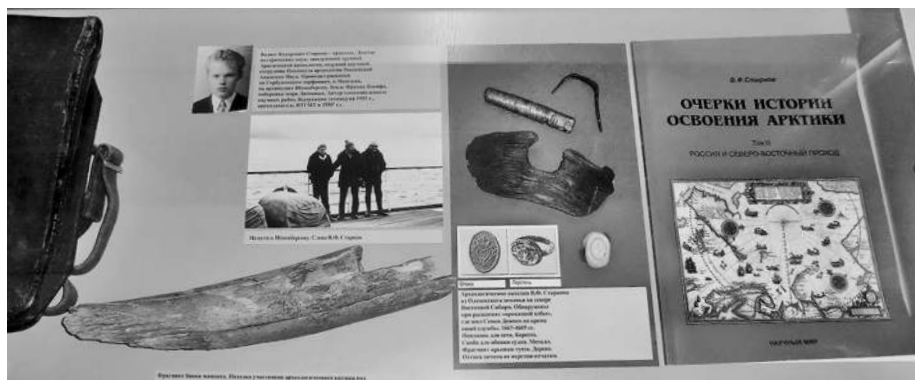

Рис. 2. Экспозиция музея Нижнетагильского горно-металлургического колледжа о своём выпускнике, докторе исторических наук В. Ф. Старкове

К 300-летию юбилею Нижнетагильского горно-металлургического колледжа Вадим Фёдорович передал музею предметы, датированные 1667–1669 гг., с Оленёцкого зимовья. В экспозиции музея колледжа, посвящённого выпускникам, имеется раздел о деятельности В. Ф. Старкова, где представлены документы и подаренные музею предметы (рис. 2)⁵. Музейную экспозицию ежегодно посещают более 90 групп экскурсантов, которые традиционно после каждой экскурсии оставляют записи в книге отзывов; ежегодно в музее проводится посвящение в студенты первокурсников. Хранителями истории техникума являются заведующая музеем Н. В. Зайцева, за архив учебного заведения отвечает О. В. Миронова.

Немногочисленные документальные, архивные и музейные источники, касающиеся изучения Арктики, используются в различных культурно-просветительных проектах, организуемых учреждениями города: музеями, архивами, библиотеками, дворцами творчества, средствами массовой информации. Условно проекты можно разделить на несколько групп: интерактивные краеведческие, издательские, телепроекты, выставочные, информационно-коммуникационные. В тематическом аспекте в проектах главным образом представлены эпопея спасения челюскинцев, жизнедеятельность И. Д. Папанина, а также деятельность известного исследователя Арктики В. Ф. Старкова.

Обратимся к некоторым проектам данной тематики. В целях формирования у школьников любви к родине, к своему родному краю в тагильских школах проводился конкурс сочинений по истории улиц города. В тематику проекта городской краеведческой игры для младших школьников «Я – тагильчанин» (ежегодно с 1999 г.) неоднократно включались задания, связанные с историей улиц и жизнедеятельностью лиц, в честь кого они названы. Школьники активно участвуют в данных проектах, представляют рефераты, в том числе и об исследователях Арктики. Материалы по итогам проектов были собраны информационным отделом Центральной городской библиотеки в сборнике «Улицы нашего города», изданного в 1999–2000 гг.

Нижнетагильский городской исторический архив ежегодно готовит выставочные проекты, презентации, видеофильмы. С 1988 г. архивистами города осуществляется и ежегодно продолжается информационный проект «Календарь знаменательных дат». Ка-

5. Зайцева Н. В. Увлечение на всю жизнь. См. сайт «История Нижнего Тагила от основания до наших дней»: [http://http://historyntagil.ru/people/6_298.htm](http://historyntagil.ru/people/6_298.htm)

лендари содержат информацию о переименовании улиц в честь челюскинцев, И. Д. Папанина в соответствии с датой события⁶. Календари издаются в иллюстрированном цветном варианте, передаются руководителям города, в центральную городскую и краеведческую библиотеки.

В книгах о городе упоминается имя шведского учёного – исследователя Арктики А. Норденшельда (1832–1901), который на пароходе «Вега» первым прошёл в 1878–1879 гг. по Северному морскому пути из Атлантики в Тихий океан. Норденшельд был в Нижнем Тагиле дважды. В 1840-х гг., работая на Нижнетагильском заводе, он изобрёл новый способ обжига купферштейна и сернистых медных руд. Будучи профессором Гельсингфорского университета, в 1854–1855 гг. на Нижнетагильском заводе он проводил опыты по извлечению меди из руд «мокрым путём». В целом его методы были признаны для заводов неприемлемыми по причине дороговизны, и учёный возвратился в Финляндию. На Урале Норденшельд обнаружил минерал демантоид («алмазоподобный»), который после огранки не уступает блеску редчайших зелёных бриллиантов.

Сведения об И. Д. Папанине нашли отражение в телепроекте компании «Тагил-ТВ» – «Улицы Тагила». Совместно с городским архивом был подготовлен цикл передач, в том числе об улице, носящей имя И. Д. Папанина, и улице Челюскинцев. Проект размещён на сайте телерадиокомпании «Тагил-ТВ» в сети Интернет. Информационные технологии позволяют размещать информацию по истории улиц Нижнего Тагила в отдельных рубриках сайтов городских организаций (Центр развития туризма города Нижний Тагил, газета «Тагильский вариант» и др.).

Таким образом, несмотря на немногочисленность источников, касающихся изучения Арктики и хранящихся в архивах и музеях Нижнего Тагила, в городе осуществляются культурно-просветительские мероприятия по сохранению исторической памяти общества об исследователях Арктики, организаторами которых являются образовательные учреждения, муниципальные учреждения культуры, средства массовой информации, муниципальный исторический архив.

6. Календарь знаменательных дат по истории города Нижний Тагил на 2012 год: Администрация города Нижний Тагил, отдел по делам архивов, МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Раздел «Декабрь».

ПАРЫГИНА Д. В.

Ресурсы Президентской библиотеки как источниковая база для изучения культурного наследия Арктики

PARIGINA D. V.

Resources of the Presidential library as a source base for the cultural heritage of the Arctics

Сведения об авторе:

Парыгина Дарья Владимировна, библиограф первой категории отдела обслуживания пользователей Президентской библиотеки
parygina@prlib.ru

Author:

Parigina Darya Vladimirovna, bibliographer of Service Department of the Presidential Library
parygina@prlib.ru

Аннотация:

Президентская библиотека является одной из трёх национальных библиотек Российской Федерации. Библиотека аккумулирует в своём фонде редчайшие документы по истории российской государственности, теории и практике права, а также русскому языку как государственному языку Российской Федерации. Фонд Президентской библиотеки является богатым источником для изучения различных аспектов развития страны в целом (исторических, географических, экономических, юридических и т. д.), а также её регионов, в том числе Арктики и её культурного наследия. Благодаря тому, что Президентская библиотека активно развивает сеть центров удалённого доступа по всей стране и также за рубежом, она может предоставить своим читателям доступ к уникальным историческим и архивным материалам по Арктике почти во всех субъектах Российской Федерации. В свою очередь, это позволит создать необходимые условия

для укрепления общественного интереса к изучению и сохранению культурного наследия Русского Севера.

Abstract:

Boris Yeltsin Presidential Library is one of three national libraries of the Russian Federation. The library accumulates in the Foundation rare documents on the history of Russian statehood, the theory and practice of law, as well as Russian language as the state language of the Russian Federation. The Presidential Library is a rich source for the study of various aspects of the development of the country (historical, geographical, economic, legal, etc.), as well as its regions, including the Arctic and its cultural heritage. Presidential Library is actively developing the network of the centers of access to unique historical and archival materials on the Arctic for their readers in almost all constituent entities of the Russian Federation. This will allow to create necessary conditions for strengthening public interest in the study and preservation of the cultural heritage of the Russian North.

Ключевые слова:

Арктика, Президентская библиотека, культурное наследие Арктики, коренные малочисленные народы Севера.

Keywords:

Arctic, the Presidential Library, cultural heritage of Arctic, indigenous peoples of the North

В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утверждённых Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г., введён значимый в политическом, экономическом и правовом плане термин – «Арктическая зона Российской Федерации». Это часть Арктики, в которую включаются прежде всего прилегающие к морям Северного Ледовитого океана прибрежные части материковой территории Российской Федерации, а также её острова и скалы в Северном Ледовитом океане. Также в её состав входят полностью или частично территории Республики Саха (Якутия), Республики Коми, Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов.

К Арктике всегда было приковано внимание общественности. Даже в наше время, когда на Северный полюс можно купить туристическую путёвку, эта географическая область полна загадок и вызывает стойкий интерес к теме изучения и освоения Крайнего Севера среди различных слоёв населения. Перед Президентской библиотекой стоит

задача по максимальному наполнению фонда не только историческими документами по Арктике, но и современными материалами для их дальнейшей популяризации, в том числе и в образовательных целях.

Президентская библиотека, являясь важным социально-культурным центром, принимает активное участие в мероприятиях, связанных с изучением Арктики. Ежегодно в Президентской библиотеке проводится конференция-вебинар «День Арктики», которая является одним из ключевых научно-образовательных мероприятий, посвящённых развитию северных территорий. Организаторами конференции в рамках двустороннего сотрудничества выступают Президентская библиотека и Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, а также Сибирский федеральный университет. Мероприятие проводится в соответствии со стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., утверждённой 20 февраля 2013 г. Президентом России Владимиром Путиным. К данному событию было приурочено создание коллекции под названием «Освоение Арктики» (рис. 1). В неё вошли научные исследования, очерки, воспоминания, архивные дела, официальные документы, кинохроника, фотографии и другие изобразительные материалы, рассказывающие об арктических путешествиях и экспедициях, о Северном Ледовитом океане, о примыкающих к нему территориях и жизни их обитателей, об освоении полярных земель с древних времён до наших дней. Отдельно представлен раздел о Северном морском пути, сыгравшем значительную роль в освоении Арктики, а также материалы художественных выставок, посвящённых Северу.

Рост фонда Президентской библиотеки является непрерывным процессом, ежедневно он пополняется новыми материалами, поэтому в коллекции «Освоение Арктики» представлены не все материалы по данной теме. Полный объём материалов по Арктике представлен в Электронном читальном зале (рис. 2). На данный момент доступ к Электронному читальному залу Президентской библиотеки можно получить в различных учреждениях культуры почти во всех субъектах Российской Федерации, а также за рубежом.

Долгие века Крайний Север был труднодоступен для человека. Арктика, ограждённая ледяными барьерами, не допускала человека в свои пределы. Но попытки проникнуть на далёкий Север предпринимались уже с давних времён. Экономические интересы – поиски металлов, торговля, захват новых земель – были главной причиной многих великих географических путешествий.

Рис. 1. Коллекция «Освоение Арктики» на интернет-портале Президентской библиотеки (www.prlib.ru)

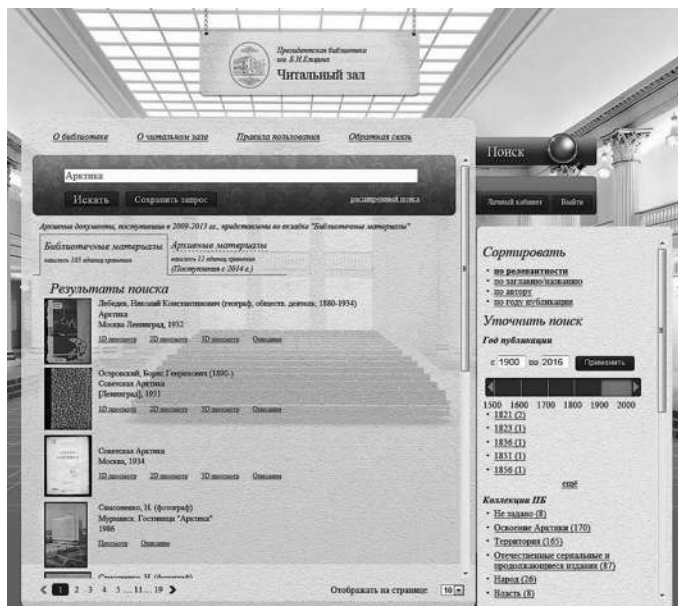

Рис. 2. Пример поискового запроса в Электронном читальном зале

Как писал Б. Г. Островский в книге «Советская Арктика», до начала XVIII в. полярные путешествия осуществлялись почти исключительно из побуждений поиска приключений. Затем следует период, когда экспедиции отправлялись в полярные страны под предлогом отвлечённой науки и, частично, со спортивными целями. На этот период приходится наиболее крупные географические открытия, сделанные человеком в Арктике и Антарктике, которые вместе с тем приподняли перед цивилизованным человечеством завесу, за которой столетиями скрывались полярные страны.

Материалы по освоению Россией арктических территорий до 1917 г. представляют собой научные труды, монографии, результаты полярных экспедиций, описывающие подробно природу, животный мир, климатические условия, а также предыдущий опыт подобных исследований Севера. Результаты полярных экспедиций являются важной и уникальной составляющей фонда Президентской библиотеки. Некоторые из них датируются началом XIX века, например, отчёты о Великой северной экспедиции, которая работала в водах Северного Ледовитого океана и на его побережье в 1733–1743 гг. Представлены и результаты научно-промысловых экспедиций, а также материалы по участию России в международных арктических исследованиях начала XX в.

Несмотря на целый ряд экспедиций в начале XX в., многие из которых сделали крупные географические открытия, Северный Ледовитый океан оставался малоизученным.

Следствием этих больших открытий явился новый подход к полярной работе. То, что было открыто, необходимо было исследовать для того, чтобы определить возможность освоения полярных стран человеком и эксплуатации их производительных сил.

В советское время исследованию и практическому освоению Северного морского пути было придано значение государственной важности. 10 марта 1921 г. В. И. Ленин подписал декрет о создании Плавучего морского научно-исследовательского института. Районом деятельности этого института стал Северный Ледовитый океан с его морями и устьями рек, островами и прилегающими к нему побережьями РСФСР.

Начиная с 1923 г. в течение всего лишь десяти лет на побережье и островах Северного Ледовитого океана было построено 19 полярных радиометеорологических станций. Вскоре Советская Россия стала лидером в освоении и исследовании Северного полюса. Материалы по экспедициям советского периода представлены в работах таких

исследователей, как Б. Г. Островский, В. Ю. Визе, Г. Д. Красинский, А. Е. Ферсман, Н. В. Пинегин, А. И. Минеев, М. Зингер, П. Г. Лин, Л. Ф. Миханов, Н. Н. Урванцев, С. Морозов, и многих других. Также среди этих материалов присутствуют общие работы по освоению и завоеванию Арктики, сборники статей, сказаний северных народов и отдельные труды, в основном описывающие работу на полярных станциях, очерки и воспоминания.

Уникальная природа Арктики всегда была объектом пристального внимания путешественников и учёных. Все они писали в своих трудах о её суровом и переменчивом характере, о трудностях, с которыми пришлось сталкиваться первопроходцам. Одним из основополагающих трудов по природе и климату Арктики является книга «Чудеса полярного мира» Эжена Лебазейля, изданная в 1902 г., в которой автор описывает своеобразную природу северных полярных стран, их флору, фауну, животный мир и т. д. Вот что он рассказывает об Арктике: «Природой своей арктические страны резко отличаются от тех, в которых мы живём, точно они принадлежат к другому миру. Солнце не восходит над ними по утрам и не заходит по вечерам; там не существует привычного для нас постоянного чередования дня и ночи, там неведома наша умеренная температура, самые резкие перемены которой не нарушают жизненного процесса флоры и фауны. В этих странах солнце стоит над горизонтом и день продолжается бессменно в течение двух, трёх и даже четырёх месяцев, смотря по градусу широты... Таким образом арктический пояс – суровая пустыня. Человек не мог подчинить её себе и преобразить. Море, омывающее всю эту страну и изрезающее её бесчисленными заливами и бухтами, отказывается носить на своих водах корабли: замерзая, оно останавливает их, сжимает своими льдинами... Промёрзлая земля, лежащая большую часть года под густым слоем снега, не покрывается лесом и не даёт жатвы. Самое большее, что она может произвести, это две, три породы малорослых, подобных кустарникам деревьев, стелющихся по земле, несколько ничтожных трав и разные виды мхов и лишайников – последние проблески умирающей растительной жизни»¹. Издание также содержит роскошные иллюстрации (рис. 3).

Островная Арктика представлена отдельными островами и архипелагами, принадлежность которых сфере влияния какой-либо страны определяется её расположением на участке единого шельфа Евразийского континента, соответствующего территории государства.

1. Лебазейль Э. Чудеса полярного мира / Пер. Е. Костко. СПб., 1901. С. 6.

Российская территория Арктики начинается Землей Франца-Иосифа на северо-западе и простирается до островов Врангеля и Геральда на востоке. Большая часть Арктики, которая принадлежит России, представляет собой низкую равнину с небольшими участками холмов и растениями тундрового типа. Изучение островной Арктики отражено во многих материалах из фонда. Например, обобщающий труд В. К. Есипова «Острова Советской Арктики: Новая Земля – Вайгач – Колгуев – Земля Франца-Иосифа», который является своего рода сводкой, авторы которой на основании многих разрозненных изданий и личного знакомства с Севером пытаются дать картину хода исследований известной области, характерные черты её ландшафта и наметить степень возможности использования её производительных сил. Помимо общих материалов, в фонде Президентской библиотеки присутствуют также материалы по каждому отдельному острову: это как монографии, где даны подробные описания островов, включая флору, фауну, климатические условия, геологическое строение, историю исследования каждого острова, так и отчёты полярных экспедиций во время зимовок на островах.

Материалы по изучению островной Арктики позволяют подробно изучить также судьбу объектов, которые являются свидетельством первичного освоения Россией Арктики, многие из которых действительно уникальны. Среди них – полярная гидрометеостанция и маяки, комплекс оборонных сооружений на архипелаге Новая Земля, крест экспедиции Георгия Седова 1913–1914 гг. на архипелаге Земля Франца-Иосифа, Новодвинская крепость и другие. Данные материалы могут быть полезны для исследователей, работающих над изучением и сохранением этих объектов. Также представляют интерес их уникальные описания освоения Арктики того времени.

Арктика – один из самых малонаселённых регионов мира, хотя её заселение началось более 10 тыс. лет назад. В 2000 г. Правительством Российской Федерации был утверждён «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», в который было включено 45 народов. Из них 40 народов проживают на Севере или в районах с суровыми климатическими условиями. Их объединяют формы традиционного природопользования, малая численность (17 из этих народов насчитывают менее 1500 человек), современное расселение на землях предков.

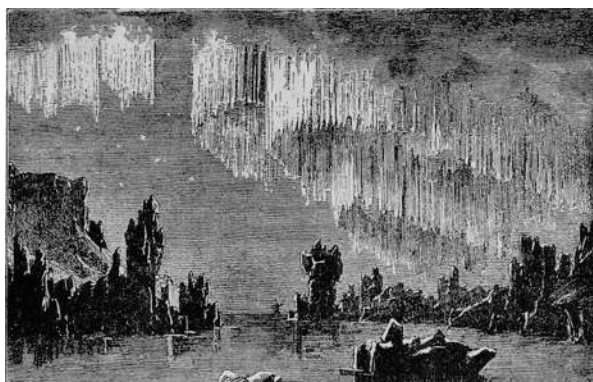
Документы Президентской библиотеки по коренным народам Севера представляют собой как описание каждого отдельного народа, так и общие работы по всему населению Арктического региона в целом. У различных авторов встречаются разные описания коренного

Мамонт открытый во льдахъ.

Нашадеіе бѣлыхъ медвѣдей на корабль.

Стѣнное сіяніе.

Рис. 3. Иллюстрации из книги Лебазейля Эжена «Чудеса полярного мира»

населения, однако ясно выделяется основная черта – это их неоспоримая уникальность и необходимость сохранения как части культурного наследия. В книге П. Е. Терлецкого «Население Крайнего Севера» (рис. 4), которая основана на данных переписи населения первой трети XX в., дано описание народов Арктики: «Вековое пребывание на Севере выковало в туземце особенную сопротивляемость к суровым условиям климата, выработало способность вести своеобразное оленеводческое кочевое хозяйство, дающее средства к существованию – пищу, одежду, жилище и пр., а также средства передвижения. Само освоение необъятной территории Севера, таящей в себе неисчерпаемые богатства, ждущие своего использования, возможно лишь при наличии туземцев. Их умение ориентироваться в тундре и тайге имеет большое значение и долго будет являться единственным средством проникновения в тайны тундры и тайги и освоения последних в целях социалистического использования»².

По народам Крайнего Севера в фонде Президентской библиотеки присутствуют также и книги для детей, такие как «Народы России: этнографические рассказы для детей. Пустыни Севера и их кочующие обитатели», датированная 1898 г. (рис. 5), а также «Букварь для северных народностей» (1927 г.), составленный специально для удобства восприятия детьми Крайнего Севера.

Жизнь в экстремальных условиях северных широт во многом определила специфику материальной и духовной культуры народов Севера. Люди проявляли исключительную изобретательность в обустройстве своей жизни, в умелом использовании природных ресурсов.

Среди различных отраслей хозяйственной деятельности населения Крайнего Севера охотничий промысел занимает одно из первых мест. Но, как отмечали исследователи, «значение его в общем хозяйственном комплексе отдельных народов и районов Крайнего Севера совершенно неодинаково»³. В целом хозяйство народов Крайнего Севера носит комплексный характер и состоит из оленеводства, охотничьего промысла и рыболовства. По каждому из видов промыслов в фонде Президентской библиотеки присутствуют различные материалы. В них можно найти детальное описание промыслов, приводятся также упоминания о малозаметных подсобных промыслах (ягодный промысел, грибной промысел, пчеловодный промысел,

2. Терлецкий П. Е. Население крайнего Севера: (По данным переписи 1926/27 гг.). Л., 1932. С. 5.

3. Рахманин Гр. Охотничьи животные и охотничьи промыслы Крайнего Севера / Науч.-исслед. ассоциация ин-та народов Севера ЦИК СССР. Л.–М., 1934. С. 3.

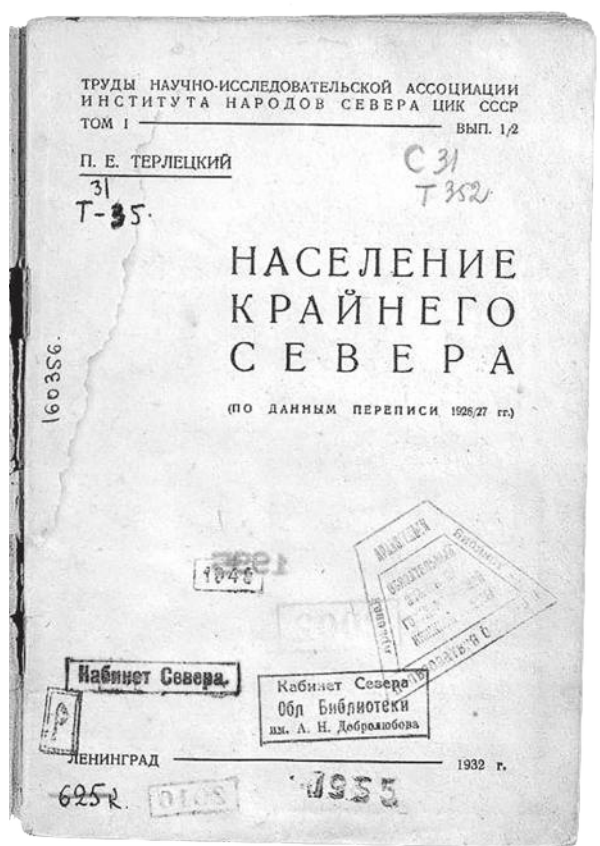

Рис. 4. Книга П. Е. Терлецкого «Население Крайнего Севера»

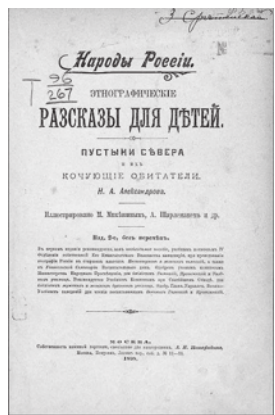

Рис. 5. Материалы по Арктике из фонда Президентской библиотеки

сбор и разведение технических и лекарственных растений, кедровый промысел, жемчужный промысел), история и перспективы их развития в каждом регионе. Подобные материалы могут быть интересны для исследователей ещё и тем, что в большинстве приводятся статистические данные о состоянии каждого из видов промыслов на тот период времени, например, таблицы по динамике роста пушных заготовок в СССР, доходы северных хозяйств от всех видов промыслов. Из работ, которые характеризуют хозяйство Крайнего Севера в целом, можно выделить сборник статей «Хозяйство в дикой природе Севера» (рис. 5).

В последние годы мировое сообщество придаёт особое значение охране как материальной, так и нематериальной культуры. Под эгидой ЮНЕСКО введена новая номинация – памятники нематериальной культуры. Это прежде всего разнообразные проявления народной традиционной культуры – фольклор, народные художественные промыслы, бытовые традиции и т. д.

Культура коренных малочисленных народов Севера – это редкие и исчезающие языки, колоритные обряды и экзотические церемонии, образцы декоративно-прикладного искусства и народного творчества. Часть этого богатства сосредоточена в российских и зарубежных архивах и музеях, в государственных и частных коллекциях.

Культуру народов Севера в фонде Президентской библиотеки представляют различные материалы: исследования, очерки, монографии, диссертации, открытки, сборники сказок, частушек и др. Часто в своих исследованиях авторы подчёркивают необходимость сбора и сохранения культурного наследия малочисленных народов Севера России, их популяризацию среди различных слоёв населения.

Определённую сложность для исследователей при изучении Севера и всего, что с ним связано, издавна составляло отсутствие хороших дорог. Развитие путей сообщения в данном регионе всегда обуславливалось труднодоступностью этих мест. Русский Север издавна играл в экономике страны значительную роль, потому что он являлся поставщиком на внутренний и мировой рынки леса, льна, пушнины, рыбы, соли, железа, продукции северных промыслов. Поэтому особенно важно было обеспечить доступ в богатейшие северные края, интенсивное развитие которых задерживалось из-за отсутствия удобных всесезонных дорог.

В фонде Президентской библиотеки доступны как документы по северным железным дорогам, например много материалов представлено по строительству Мурманской железной дороги

и по развитию Северного морского пути. Северный морской путь законодательством РФ определён как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике» и является кратчайшим морским путём между Европейской частью России и Дальним Востоком, да и вообще между Западом и Востоком.

По теме освоения Арктики и путей сообщения уникальным материалом для изучения, помимо книг, является цикл фильмов проекта «Россия из окна поезда», организованного известным фотографом и путешественником Антоном Ланге совместно с РЖД. Идея проекта заключается в представлении современного образа России через фотографию. Фото- и видеоматериалы проекта были переданы в фонд после 17 сентября 2013 г., когда в Президентской библиотеке впервые в Санкт-Петербурге была открыта фотовыставка «Россия из окна поезда», которую посетил и сам фотограф.

В заключение надо отметить, что сохранение утрачиваемых традиций и вместе с ними самих локальных культур является для северных народов одной из главных проблем современности. Однако немаловажным условием для сохранения культурного наследия Арктики и дальнейшего развития исследований в данной области является обобщение накопленного исторического опыта и возможность оперативного доступа к материалам. Благодаря тому, что Президентская библиотека активно развивает сеть центров удалённого доступа по всей стране и также за рубежом, она может предоставить своим читателям доступ к уникальным историческим и архивным материалам по Арктике почти во всех субъектах Российской Федерации. В свою очередь, это позволит создать необходимые условия для укрепления общественного интереса к изучению и сохранению культурного наследия Русского Севера.

Литература:

1. Хозяйство в дикой природе Севера. Сб. ст. Архангельск, 1930. 64 с.: табл. – Библиогр. в подстроч. примеч.
2. Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера: по данным переписи 1926/27 гг. Л., 1932. 64 с.: табл. (Труды Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 1/2). – Библиогр. в подстроч. примеч.
3. Есипов В. К. Острова Советской Арктики: Новая Земля – Вайгач – Колгуев – Земля Франца-Иосифа. Архангельск, 1933. 150, [2] с.: ил., табл., карт. (Научно-популярная библиотека Крайнего Севера / Под ред. Н. В. Пинегина). – Библиографический указатель важнейших сочинений, относящихся к Новой Земле:

- с. 80–85; библиографические указатели: с. 96, 138. – Библиогр. в подстроч. примеч.
4. Лебедев Н. К. Арктика. М.–Л., 1932. 152 с.: ил. – Новейшая литература об Арктике и арктических странах: с. 150. – Библиогр. в подстроч. примеч.
5. Рахманин Гр. Охотничьи животные и охотничьи промыслы Крайнего Севера / Науч.-исслед. ассоциация ин-та народов Севера ЦИК СССР. Л.–М., 1934. 144 с.: табл. – Список главнейшей использованной литературы: с. 144. – Библиогр. в подстроч. примеч.
6. Ростунова О. С. Правовой режим Арктической зоны Российской Федерации. Автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с. – Библиогр. в подстроч. примеч.; Список работ авт.: с. 22–23 (3 назв.).
7. Островский Б. Г. Советская Арктика / С предисл. проф. В. Ю. Визе. Л., 1931. 168 с.: ил.
8. Лебазейль Э. Чудеса полярного мира / Пер. Е. Костко. 2-е изд., пересм. и доп. А. Зелениным. СПб., 1901. 220, III с., 35 ил., портр., пл.; 20.

ПИТУЛЬКО В. В., ПАВЛОВА Е. Ю.

Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики¹

PITULKO V. V., PAVLOVA E. Y.

Problems of study and preservation of antiquities
in the East Siberian Arctic

Сведения об авторах:

Питулько Владимир Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН
pitulkov@gmail.com

Павлова Елена Юрьевна, научный сотрудник Арктического и Антарктического НИИ
pavloval@rambler.ru

Authors:

Pitulko Vladimir Viktorovic, PhD (History), senior researcher of Institute of History of Material Culture of Russian Academy of Sciences
pitulkov@gmail.com

Pavlova Elena Yurievna, researcher of the Arctic and Antarctic Research Institute
pavloval@rambler.ru

Аннотация:

В ходе исследований на севере Яно-Индигирской низменности и прилегающих районов открыто 16 новых археологических памятников, относящихся к промежутку от примерно 50 тыс. лет назад до рубежа голоцена. Определён момент начального освоения территории (~47 тыс. лет назад), выявлена культурная хронология, установлен облик культуры для отдельных этапов. Многие

1. Данная работа выполнена в рамках проекта № 16-18-10265-RNF, поддерживаемого Российским научным фондом.

из археологических памятников связаны со скоплениями костных остатков плейстоценовой фауны, прежде всего мамонтов. Скопления костных остатков мамонтов являются предметом разрушительной деятельности местного населения, будучи источником бивней, добыча которых с коммерческой целью ведётся с большим размахом в последние двадцать лет. Это крупнейшая техногенная угроза для уникальных объектов культурного наследия Арктики.

Abstract:

Fifteen new archaeological sites that cover the time span from roughly 50,000 years ago to the Pleistocene/Holocene boundary have been discovered in the northern Yana-Indighirka lowland. Initial human occupation in this area dates to ~47,000 ¹⁴C years BP. This allowed establish cultural chronology for the study area. Well-recognizable features of material culture are found for some of the most important chronoslices. It is found that many of archaeological sites are related to mass accumulations of the Pleistocene fauna bone remains and that is, first of all, mammoth. These accumulations of mammoth remains are the subject for anthropogenic destructive activities caused by local residents and strangers as they appear to be the source of mammoth ivory. Mining for mammoth ivory became a highly developed commercial activity within past twenty years. This is the most important technogenic risk factor for unique objects of the cultural heritage in the Arctic regions.

Ключевые слова:

Сибирская Арктика, культурное наследие, памятники археологии, раскопки, сохранение объектов культурного наследия.

Key words:

Siberian Arctic, cultural heritage, archaeological sites, excavations, conservation of cultural heritage.

Восточная Сибирская Арктика в археологическом смысле представляет собой совершенно особенную территорию. Фактически именно здесь уже более двухсот лет назад родилась арктическая археология как таковая. Это событие имело место летом 1787 г., когда лейтенант российского флота Г. А. Сарычев² провёл первые раскопки на мысе Большой Баранов, несколько восточнее устья р. Колыма. В 1946 г. А. П. Окладниковым³ были проведены раскопки эскимосских полуземлянок, найденных за полтора столетия до этого Сарычевым.

2. Хлобыстин Л. П. 200 лет арктической археологии // КСИА. 1991. Вып. 200. С. 3–8; Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова Мыса. Новосибирск, 1971.
3. Окладников А. П., Береговая Н. А. Указ. соч.

Долгое время этими работами исчерпывалась история археологического изучения Восточно-Сибирской Арктики, хотя из разных её областей время от времени поступали сборы, выполненные в ходе геологических и иных экспедиций⁴. В большинстве своём это были материалы, относящиеся к неолиту и более молодым отделам археологии. Археологический материал доголоценового возраста впервые был открыт Н. К. Верещагиным в 1977 г.⁵

Со времени открытия вблизи Берелёхского костяка стоянки Берелёх⁶ этот комплекс геoarхеологических объектов оставался единственным в своём роде памятником каменного века Сибирской Арктики, относящимся к концу позднего неоплейстоцена. Археологическую карту обширных арктических территорий приморской низменности Восточной Сибири дополняли немногие стоянки эпохи неолита, образующие небольшие кластеры в дельтовых областях Индигирки и Колымы⁷, и памятники более поздних отделов археологии, включая эскимосские поселения предисторического времени на мысе Большой Баранов и о. Четырёхстолбовой⁸.

В 1989 г. на о-ве Жохова, Новосибирские о-ва, под 76 с. ш., был открыт древнейший памятник каменного века высокоширотной Арктики – Жоховская стоянка⁹. В 2000 г. на севере Яно-Индигирской низменности и Новосибирских о-вах в рамках проекта «Жохов-2000» были начаты поиски памятников каменного века. В результате принятых масштабных поисков (2000–2015 гг.) были открыты Янская стоянка¹⁰ и Янское «кладбище» мамонтов¹¹, проведено изучение

4. Питулько В. В. Жоховская стоянка. СПб., 1998.

5. Верещагин Н. К. Берелёхское «кладбище» мамонтов // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 5–50.

6. Там же; Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита // Советская археология. 1972. № 3. С. 332–336.

7. Питулько В. В. Указ. соч.; Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977; Федосеева С. А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.

8. Окладников А. П., Береговая Н. А. Указ. соч.

9. Питулько В. В. Указ. соч.

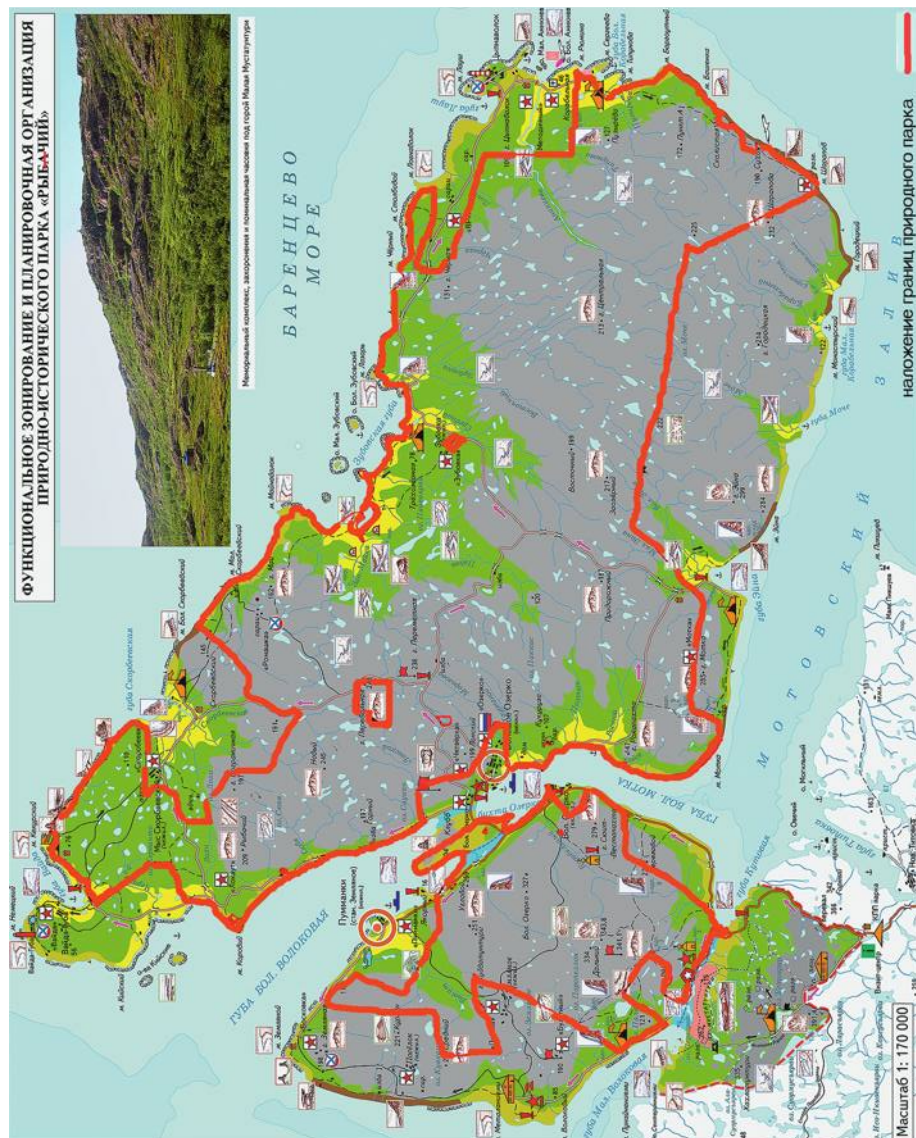
10. Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Girya E. Yu., Basilyan A. E., Tumskey V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Yu., Anisimov M. A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. 2004. Vol. 303. No. 5654. P. 52–56; Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.

11. Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. P. 2461–2474.

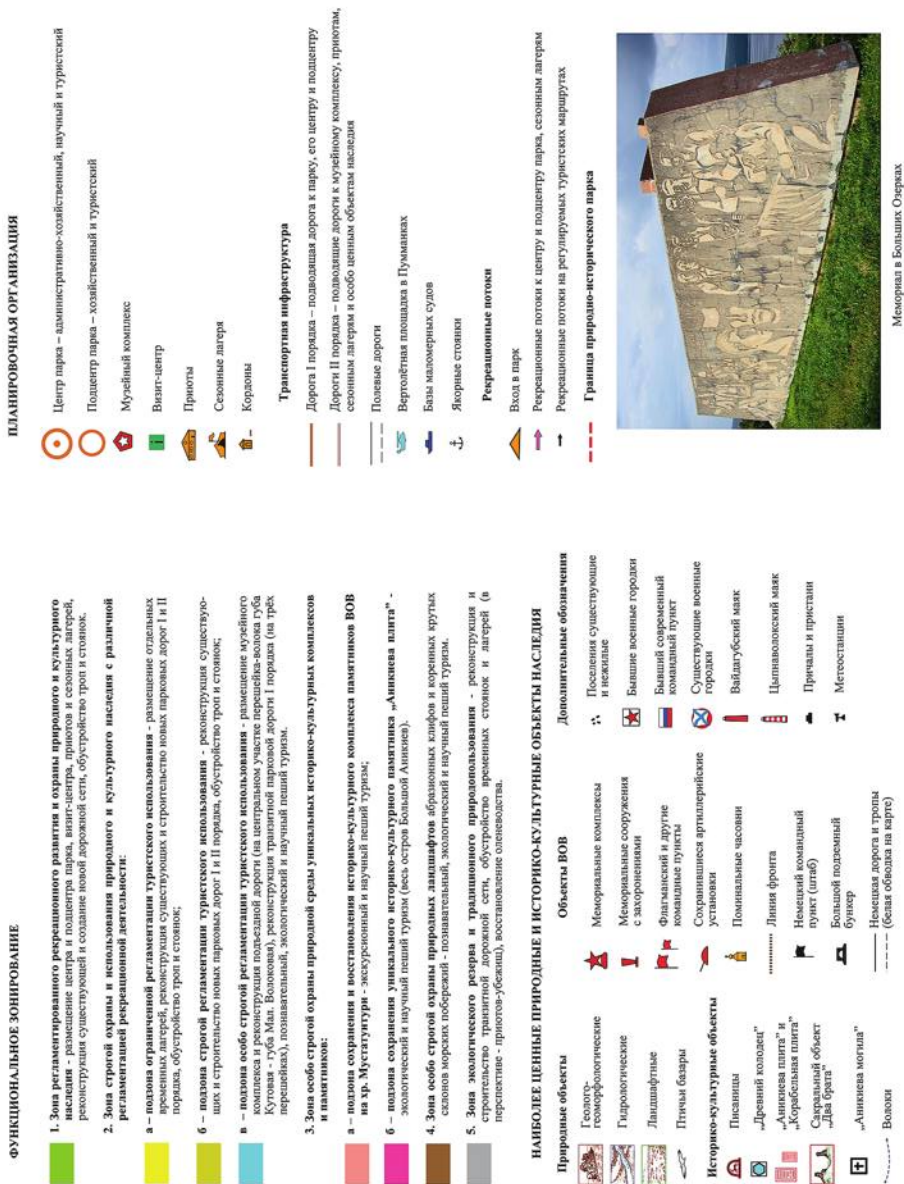
Аччагый-Аллаиховского местонахождения мамонтов¹² и Берелёхского геoarхеологического комплекса¹³, а также открыты новые местонахождения, связанные с деятельностью человека.

В общей сложности нами открыто 16 пунктов с археологическим материалом и/или следами прошлой деятельности человека, выраженными в той или иной форме. Лишь один из них, стоянка Тугуттах на о. Котельном (~6,5 тыс. лет назад), относится к эпохе голоцена. Остальные пятнадцать имеют достоверно доголоценовый возраст, при этом четыре объекта – Буор-Хая/Орто-Стан¹⁴, Озеро Никита и Урез-22 на р. Максунуоха¹⁵, а также Илин-Сылах на одноимённой реке связаны со скоплениями костных остатков мамонтов¹⁶. В Янском кластере стоянок, помимо шести ранее известных объектов¹⁷, были открыты Янское «кладбище» мамонтов¹⁸, пункты Лагерный и Диринг-Айан, а также проведено изучение пункта Верхний, где был установлен источник поступления материала, представленного ранее только сборами, и оценён его возраст, который, очевидно, превышает 35 тыс. лет¹⁹. Южнее

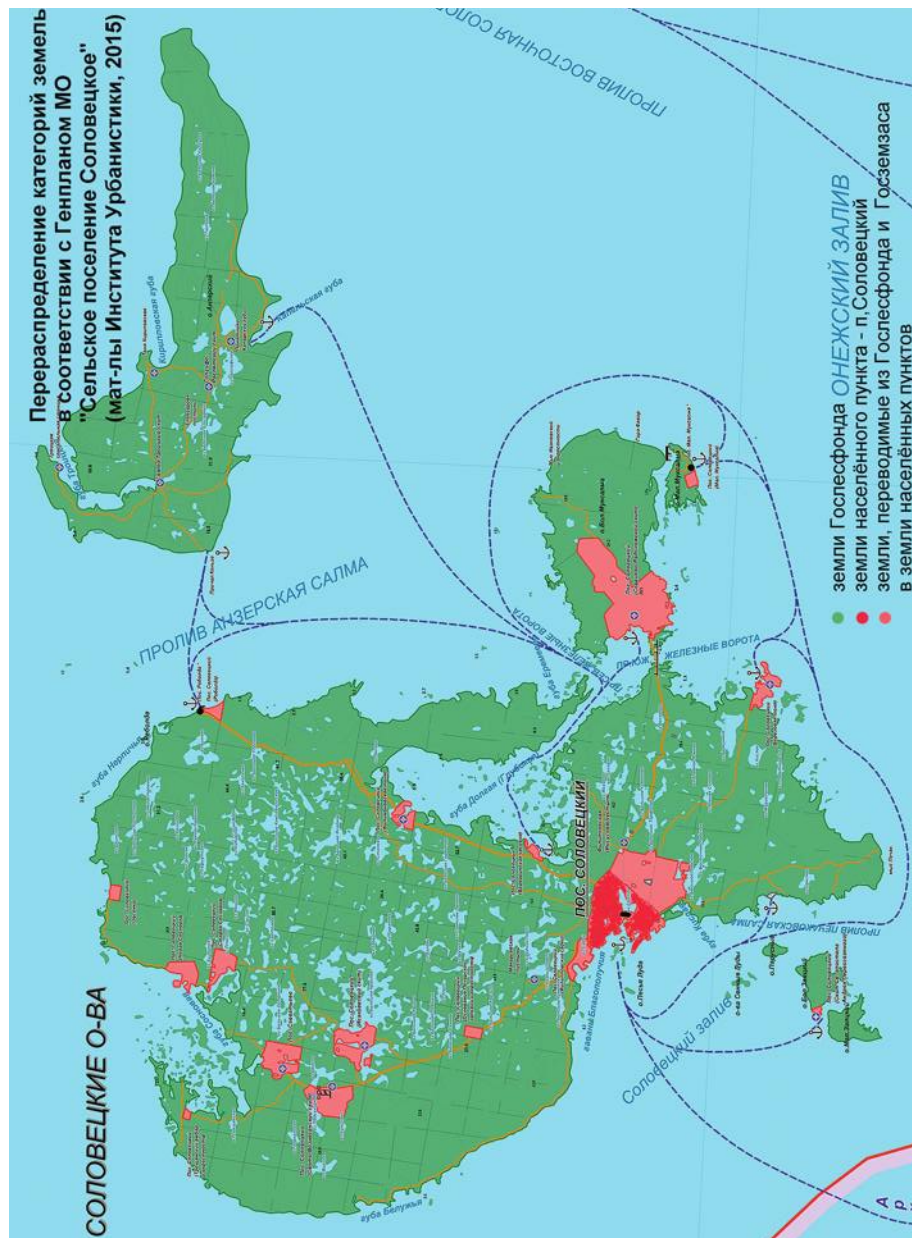
12. Nikolskiy P. A., Basilyan A. E., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V. Prelude to the Extinction: Revision of the Achchagyi-Allaikha and Berelyokh mass accumulations of mammoth // *Quaternary International*. 2010. Vol. 219. P. 16–25.
13. Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Y. The Berelkh Mammoth Graveyard: New Chronological and Stratigraphical Data from the 2009 field season // *Geoarchaeology*. 2014. Vol. 29. P. 277–299.
14. Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic / VIth International Conference on Mammoths and their Relatives, Thessaloniki, Greece, May 5th – May 12th, 2014. Abstracts. *Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki*. 2014. Vol. 102. P. 158–159.
15. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита: новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене // *Записки ИИМК РАН*. 2014. Вып. 10. С. 7–34.
16. Питулько В. В., Базилян А. Э., Павлова Е. Ю. Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сылах, север Яно-Индибирской низменности) // *Записки ИИМК РАН*. 2013. № 8. С. 34–52.
17. Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM / Graf K. E., Ketron C. V., Waters M. R. (eds). *Paleoamerican Odyssey*. College Station: Texas A&M University, 2013. P. 13–44.
18. Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth...; Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите арктической Сибири (по материалам Янской стоянки на севере Яно-Индибирской низменности) // *Stratum plus*. 2015. № 1. С. 223–284.
19. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., Базилян А. Е., Анисимов М. А., Ремизов С. О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте / Чаиркина Н. М. (отв. ред.). IV Северный археологический конгресс: доклады. Ханты-Мансийск. 19–23 октября 2015 г. Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Ханты-Мансийск, 2015. С. 152–176.

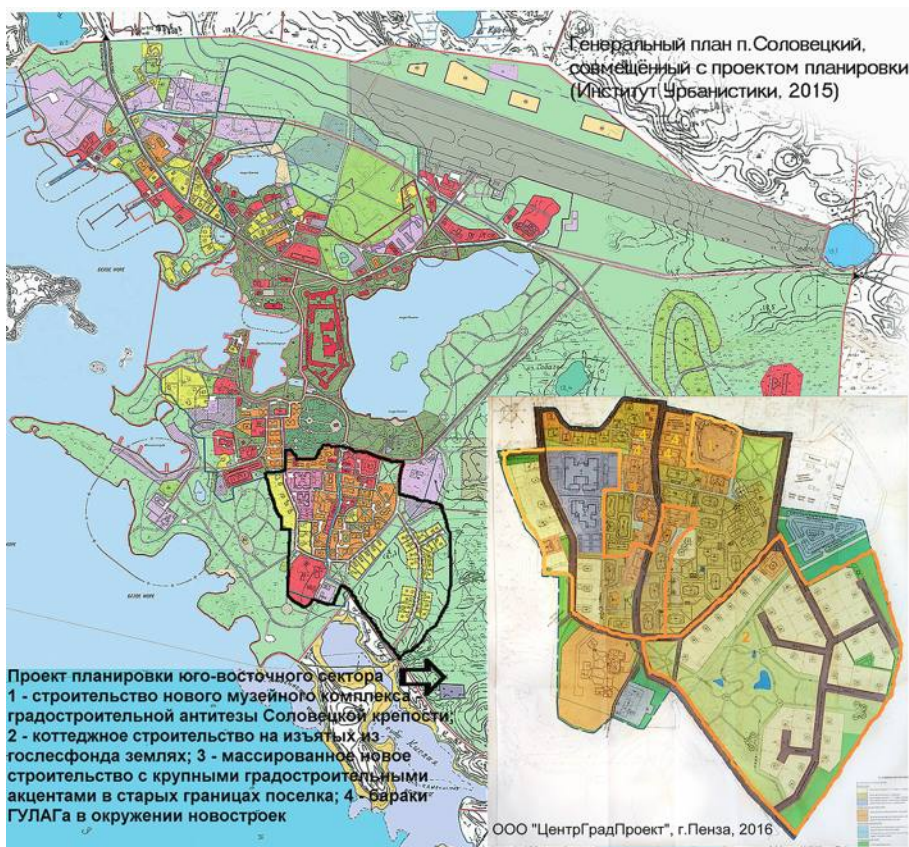
К статье: Кулешова М. Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг
 Рис. 2. Наложение границ созданного в 2014 г. природного парка «Полуостров Рыбачий» на проект природно-исторического парка, разработанный в 2012 г. Ю. С. Захаровым, А. Н. Кулиевым и П. А. Филиным в рамках сотрудничества Института наследия им. Д. С. Лихачёва с компанией RussiaDiscovery. Наглядная демонстрация множественных несовпадений типологизированных локусов природно-культурной ценности с существующими границами парка

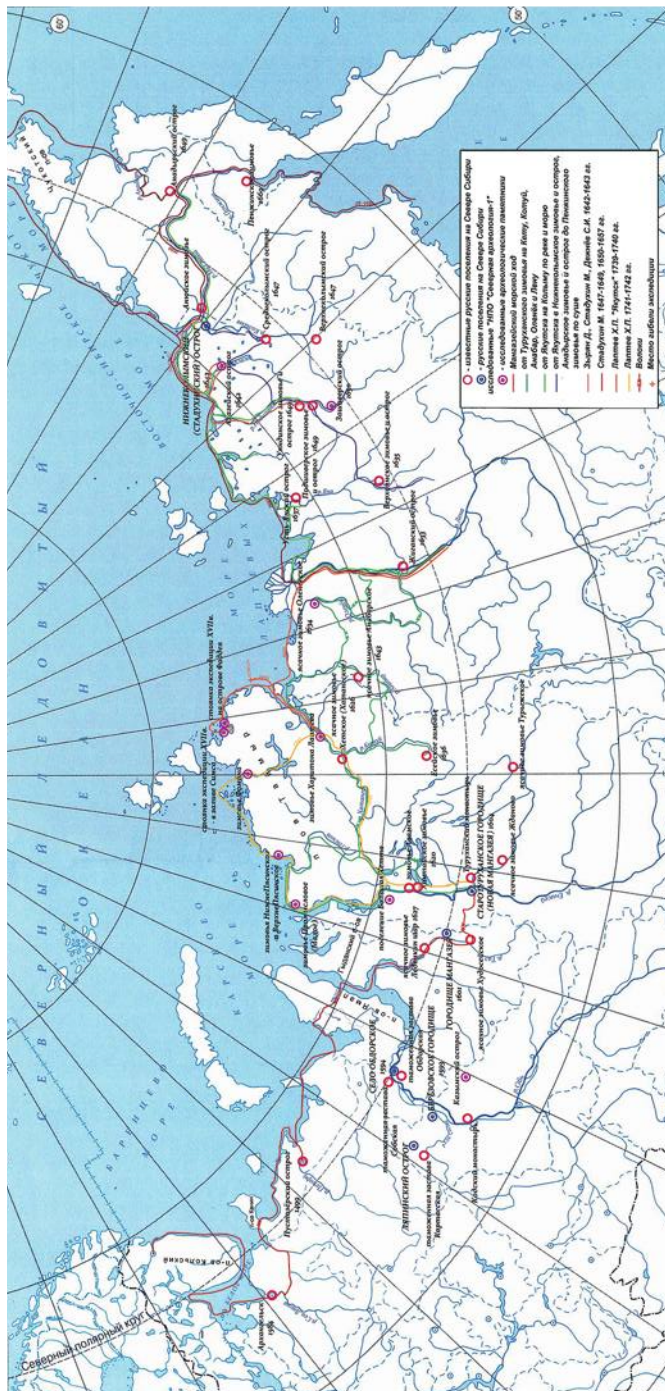
К статье: Кулешова М. Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг
 Рис. 3. Легенда к проектным предложениям по созданию природно-исторического парка «Рыбачий», демонстрирующая типологическое богатство и разнообразие природного и культурного наследия территории

К статье: Кулешова М. Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг
 Рис. 4. Соловецкий архипелаг. Передел категорий земель, инвазия земель, относимых к категории населённых пунктов, в пространство архипелага, угрожающая активным градостроительным освоением и искажением историко-культурной среды объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО

К статье: Кулешова М. Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг
 Рис. 5. Планируемое градостроительное освоение пос. Соловецкий с фрагментом планировки юго-западного сектора. Очевидны грубейшие нарушения культурного ландшафта, в частности в возведении новых архитектурно-планировочных доминант, резком увеличении плотности и площади застройки, визуальном давлении и уничтожении планировочной целостности комплекса мемориальных зданий периода ГУЛАГа

К статье: Кухтерин С. А. Памятники археологии освоения Русской Арктики. Проблемы изучения, сохранения, популяризации
Рис. 1. Карта русских поселений Сибири XVII–XVIII вв.

Ис. горняк – мультимедийный парк
«Городище Мангазея»
Музейно-этнографический комплекс
«Городище Мангазея»

Проект: С. А. Кухтерин

© 2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

2016

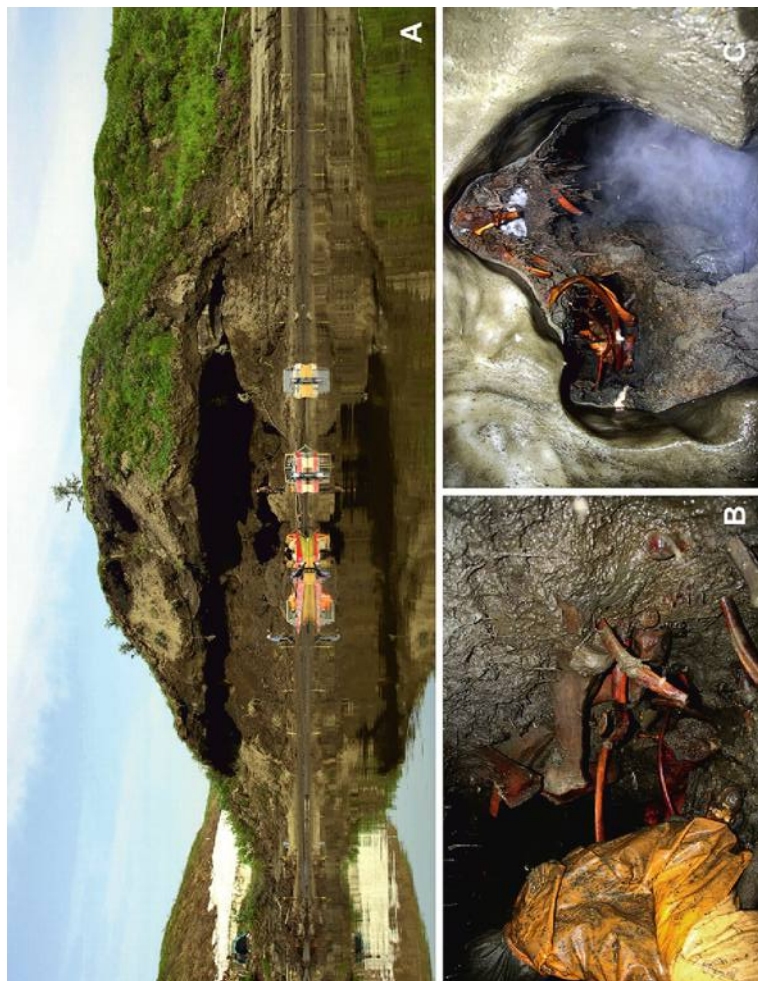
2016

2016

2016

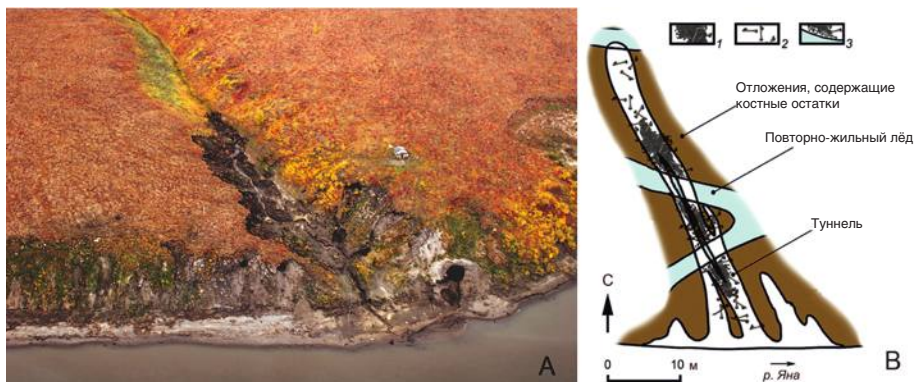
2016

К статье: Кухтерин С. А. Памятники археологии освоения Русской Арктики. Проблемы изучения, сохранения, популяризации
Рис. 2. Проект историко-культурного комплекса «Городище Мангазея»

К статье: Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики

Рис. 1. Янское «кладбище» мамонтов, 2008 г.: А – устье штольни, пробитой добытчиками бивня в левом берегу р. Яна; В и С – вид изнутри искусственно пробитого туннеля, в мёрзлых стенках которого видны кости мамонтов

К статье: Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики

Рис. 2. Янское «кладбище» мамонтов снаружи и изнутри: А – карьер в устье ручья в месте Янского «кладбища» мамонтов, вид с воздуха, 2012 г.; В – реконструкция туннеля, пробитого в многолетнемерзлых отложениях бивнеискателями в 2008 г.

1 – концентрации костей мамонта; 2 – рассеянные кости мамонта; 3 – положение костных остатков на границе с повторно-жильными льдами

К статье: Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики

Рис. 3. Карта «кладбищ» мамонтов, уничтоженных за последние 10 лет в результате бесконтрольной бивнедобычи

Янской стоянки, вверх по течению р. Яна, открыто местонахождение Бунге-Толль/1885. Это крупное местонахождение остатков мамонтовой фауны содержит свидетельства присутствия древнего человека около 47 тыс. лет назад, относящиеся к древнейшему из известных этапов расселения человека в Арктике²⁰.

Общей чертой памятников всех хронологических этапов, выявленных на севере Восточной Сибири, является широкая эксплуатация местных популяций мамонтов. Не менее половины из известных объектов²¹ связаны с массовыми скоплениями их костных остатков. По крайней мере часть костниц, к которым «приурочены» стоянки, имеет антропогенное происхождение и является результатом промысла этих животных, осуществлявшегося, в том числе, ради добычи их бивней в качестве поделочного материала (сырья), необходимого для возмещения дефицита дерева, представлявшего собой норму для открытых тундростепных ландшафтов²².

Янское и Буорхаинское «кладбища» формировались незадолго до начала последнего оледенения, в интервале 28,5–27 тыс. лет назад²³. Прочие местонахождения существенно моложе, их возраст составляет в основном 12–11 тыс. лет назад.²⁴

Обнаружение новых археологических объектов плейстоценового возраста в Восточно-Сибирской Арктике и доисследование немногих ранее известных²⁵ является несомненным успехом. Однако в ходе работ были выявлены обстоятельства, прямо влияющие на сохранность объектов и заключённой в них информации, которая во многих

-
20. Pitulko V. V., Tikhonov A. N., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Kuper K. E., Polozov R. N. Early human presence in the Arctic: evidence from 45,000-year-old mammoth remains // *Science*. 2016. Vol. 351. P. 260–263.
 21. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., Базилян А. Е., Анисимов М. А., Ремизов С. О. Расселение человека в Сибирской Арктике...
 22. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта...; Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // *World Archaeology*. 2012. Vol. 44. P. 21–42.
 23. Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth...; Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site...; Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта...
 24. Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Y. The Berelekh Mammoth Graveyard...; Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита...; Питулько В. В., Базилян А. Э., Павлова Е. Ю. Массовые скопления костных остатков...; Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., Базилян А. Е., Анисимов М. А., Ремизов С. О. Расселение человека в Сибирской Арктике...
 25. Верещагин Н. К. Берелёхское «кладбище» мамонтов...; Nikolskiy P. A., Basilyan A. E., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V. Prelude to the Extinction: Revision...; Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Y. The Berelekh Mammoth Graveyard...

случаях абсолютно уникальна. Так, например, культурный слой Янской стоянки содержит артефакты из бивня мамонта великолепной сохранности, обладающие высокой информационной и эстетической ценностью²⁶. Благодаря многолетнемёрзлым условиям и другие археологические памятники криолитозоны содержат хорошо сохранившиеся предметы из недолговечных материалов, что составляет большую редкость для древних памятников.

В то же время многолетнемёрзлые высокольдистые отложения, в которые заключены их культурные слои, подвержены активному разрушающему воздействию естественных термоэрозионных и термоденудационных процессов. В результате действия речных половодий и длительных паводков на берега реки происходит формирование глубоких эрозионных ниш. Их закладка и развитие приводят к катастрофическим блоковым обрушениям берега. Скорость отступления береговой бровки может превышать 10 м/год²⁷.

Формирующиеся в результате обрушений вертикальные мёрзлые стенки провоцируют стремительный прогресс термоэрозионных процессов, в ходе которых происходит наработка нового участка берегового склона. Таким образом, термоэрозионные процессы являются фундаментальным фактором, влияющим на судьбу объектов, находящихся в условиях многолетнемёрзлых отложений. Это их естественный, природный враг. Однако существенно больший вред этим отложениям и объектам способен причинить человек.

Колоссальной проблемой для изучения и в особенности сохранения как Янской стоянки, так и других палеолитических памятников Восточно-Сибирской Арктики является их соседство с массовыми скоплениями костных остатков мамонтов, в том числе бивней этих животных, являющихся объектом бесконтрольной хищнической добычи. В результате эта деятельность приводит к полному уничтожению подобных объектов вместе со всем, что несёт информацию о древнем прошлом насельников этих территорий.

Для науки прежде всего представляют интерес сами эти объекты – массовые скопления костных остатков мамонтов, так как в подавляющем большинстве они связаны с прошлой деятельностью человека. Объекты и материалы, которые уничтожаются таким образом, уникальны. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих данное заключение.

26. Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V. The Oldest Art of Eurasian Arctic // *Antiquity*. 2012. Vol. 86. No. 333. P. 642–659.

27. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология...

Так, например, Янское «кладбище» мамонтов является структурной частью комплекса Янской стоянки²⁸. Оно расположено в устье небольшого ручья – современного левого притока р. Яна – и изучалось на протяжении ряда лет с 2003 по 2014 гг. Данный объект является источником уникальной археологической информации, благодаря которой удалось подойти к решению фундаментальных вопросов археологии палеолита, относящихся к взаимодействию «человек – мамонт», среди них – охота древнего человека на мамонта, реконструкция стратегии и тактики охоты²⁹, её место в системе жизнеобеспечения древнего человека как способа заготовки важнейшего сырья (бивней мамонта) для создания комплекса охотничьего вооружения³⁰, реконструкция технологии обработки бивня, в частности способ производства длинных стержней, заменяющих деревянные копья³¹.

Интенсивное «промышленное» освоение Янского «кладбища» мамонтов было начато в 2008 г., когда местные жители, вооружённые мощными водяными насосами, принялись размывать отложения в устье ручья и его склонов, врезаая штольнями в глубь берега, в целях поиска бивней мамонтов (рис. 1, см. стр. 183)³². Общая длина ходов, промытых бивнейскаателями за семь лет (2008–2015 гг.), составляет, по-видимому, около 1 км. На данный момент нами реконструирована схема ходов, промытых в береговой части «кладбища» в 2008 г. (рис. 2В, см. стр. 184).

Из «кладбища» извлечено огромное число бивней и остатков мамонтов. В результате этих многолетних усилий этот уникальный георхеологический объект превращён в карьер, тянущийся на сотни метров и хорошо видный с реки и с воздуха (рис. 2А, см. стр. 184). К 2015 г. Янское «кладбище» мамонтов уничтожено полностью. Объём размывов составил около 350 000–400 000 куб. м.

Однако случай с Янским «кладбищем» мамонтов не единичен и не уникален. Намного раньше нечто подобное случилось с Берелёхским «кладбищем» мамонтов.

28. Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth...; Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia...; Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта...

29. Nikolskiy P., Pitulko V. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 4189–4197.

30. Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia...

31. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта...

32. Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V. Woolly mammoth...

Первое научное описание этого объекта сделано Н. Ф. Григорьевым в 1947 г.³³, впоследствии костище изучалось Н. К. Верещагиным³⁴, в результате были открыты, в том числе, следы деятельности древнего человека, описанные как «стоянка Берелёх»³⁵. Этот объект, возраст которого составляет около 12 тыс. лет³⁶, в течение многих лет считался древнейшим памятником Арктики. Следы стоянки сохранились до сих пор, однако костище полностью уничтожено размывом в 2004 г.

В ходе повторных исследований, проведённых нами в 2009 г.³⁷, установление положения в разрезе костеносного горизонта стало большой проблемой, а памятный знак, установленный по инициативе Н. К. Верещагина в начале 1980-х гг., стал мемориалом этого интереснейшего объекта. Археологическую стоянку спасло только то, что она оказалась несколько в стороне от костища, уничтоженного ради извлечения бивней мамонтов для последующей продажи на рынках Юго-Восточной Азии в качестве поделочного материала.

Следующий объект, пострадавший от бивнеискательской деятельности, – стоянка Урез-22, расположенная на севере Яно-Индибирской низменности. Здесь в основании склона левого берега небольшого ручья – левого притока р. Максунуохи была обнаружена серия старых техногенных размывов³⁸. В нижней части склона, вокруг размывов и в русле во множестве встречались кости мамонтов, щепки бивня, в т. ч. явно искусственные. Археологический материал встречался в шлейфах, образованных при размыве склона ручья. Встречены кости только мамонтов, не менее девяти особей.

Каменный материал со стоянки Урез-22 немногочислен и представлен мелкими отщепами и тонкими прямыми пластинками. Радиоуглеродное датирование комплекса показало возраст стоянки около 12 тыс. лет назад. Необходимо подчеркнуть, что стоянка Урез-22 – первый плейстоценовый памятник с микропластинчатой индустрией, найденный в арктической Сибири.

Следующий объект, на котором хотелось бы кратко остановиться, – стоянка Озеро Никита. Она расположена вверх по течению р. Максунуохи относительно стоянки Урез-22. Местонахождение из-

33. Григорьев Н. Ф. Находки мамонта. Обзор поступивших в редакцию материалов // Природа. 1957. № 5. С. 104–106.

34. Верещагин Н. К. Берелёхское «кладбище» мамонтов...

35. Там же; Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита...

36. Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Y. The Berelekh Mammoth Graveyard...

37. Там же.

38. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита...

вестно благодаря раскопкам Максунуохского мамонта, проведённым П. А. Лазаревым в 2001 г.³⁹, отметившим обилие остатков мамонта (не менее пяти особей) и других животных.

В 2011 г. поступили сведения о находках каменных артефактов. Тогда же удалось посетить это местонахождение в течение очень короткого времени и увидеть следы техногенных размывов. В 2013 г. мы предполагали изучить геологию памятника, отобрать материал на датирование, выявить культурный слой. На месте удалось установить, что имеется два огромных размыва, образовавшихся в результате бивнеискательской деятельности. Вложения, к которым были приурочены находки, фактически более не существуют.

На поверхности вблизи размывов были собраны многочисленные костные остатки мамонтов. Количество животных может быть определено приблизительно, как не менее 16–17 особей. Серия 14С датировок позволяет определить возраст стоянки около 11,8 тыс. лет назад⁴⁰. Археологический каменный материал очень малочислен и рассеян в толще вмещающих осадков. Хронологически и культурно стоянка Озеро Никита является полным дубликатом Берелёха, который расположен в 500 км восточнее, что говорит о достаточно широком распространении культуры этого типа на Северо-Востоке. Орудия, которые находили в Берелёхе и на озере Никита, имеют аналогию в Новом Свете, где подобные изделия известны как острия Чиндадн⁴¹.

Выше на примере нескольких из изученных нами археологических памятников криолитозоны Восточно-Сибирской Арктики мы продемонстрировали проблемы, связанные с их изучением и сохранением. Существует множество факторов, затрудняющих процесс изучения таких памятников. Они вполне традиционны – удалённость районов работ, малая населённость территорий, затратная логистика, высокая стоимость работ, короткий полевой сезон, специфика многолетнемёрзлых отложений, замедляющая раскопочный процесс и сильно затрудняющая поисковые работы, а также высокая чувствительность многолетнемёрзлых отложений к воздействию воды, инсоляции, атмосферному теплу. Техногенные риски для таких объектов по причине малонаселённости и удалённости территорий никогда

39. Лазарев П. А. Крупные млекопитающие антропогена Якутии. Новосибирск, 2008.

40. Pitulko, V. V., Pavlova, E.Y., Basilyan, A. E. Mass accumulations of mammoth (mammoth 'graveyards') with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 406. P. 202–217.

41. Там же; Pitulko V. V. The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // *Geoarchaeology*. 2011. Vol. 26. P. 5–32.

не были во главе списка, хотя и существовали как фактор, сопутствующий любой хозяйственной деятельности.

Природные факторы существовали всегда, однако их воздействие предсказуемо и отчасти преодолимо, точнее, может быть компенсировано хорошо спланированными действиями исследователей, в особенности если решены финансовые вопросы, связанные с проведением работ.

Обстоятельства, в которых были обнаружены и исследованы упомянутые памятники Яно-Индибирской низменности, говорят о том, что на новейшем этапе изучения территорий наиболее весомыми являются техногенные риски, связанные с возрастающей год от года активностью в части поиска и добычи остатков плейстоценовой фауны, прежде всего бивней мамонтов.

Помимо причинения общего экологического вреда хрупкой природе Арктики, осуществляется точечное, однако, чрезвычайно мощное воздействие на участки ограниченной площади, к которым приурочены скопления таких остатков. Эти скопления в большинстве своём имеют антропогенную природу, более того, являясь частью пространственных структур древних поселенческих комплексов, т. е. памятниками археологии – памятниками истории и культуры.

Техногенное воздействие на эти объекты резко усилилось в последние примерно 10 лет. Только на той территории, где мы проводим работы, за это время уничтожены (рис. 3, см. стр. 184):

Берелёхское «кладбище» мамонтов – 2004 г.

Аччагый-Аллаиховское костыще – 2006 г.

Янское «кладбище» мамонтов – 2008–2014 гг.

Илин-Сыалахское «кладбище» мамонтов – 2011–2013 гг.

Местонахождение Озеро Никита – 2011–2013 гг.

Местонахождение Урез-22 – 2010–2011 гг.

Стоянка Бунге-Толля/1885 – 2012–2015 гг.

Это лишь те объекты, о которых нам известно. Есть многие, о существовании которых мы ничего не знаем и не узнаем, так что этот мартиролог имеет все шансы быть продолженным. Весьма вероятный итог таких действий – полная потеря важнейшей информации, которую хранят многолетнемёрзлые отложения Восточно-Сибирской Арктики, вместе с остатками фауны плейстоцена и артефактами.

Так, например, на Аляске отсутствуют древние археологические объекты, в том числе и в тех районах, где их присутствие возможно. Безусловно, на этой территории действовали фундаментальные природные факторы, влияющие на сохранность материала. Однако глав-

ная причина отсутствия таких объектов в этом регионе состоит в том, что он является областью колоссального по объёму прошлого экологического ущерба, имевшего место в эпоху «золотой лихорадки», когда отложения, вмещающие соответствующие материалы, оказались уничтожены усилиями сотен тысяч рудокопов и золотоискателей⁴².

Об этих событиях в нашей стране судят обычно по приключенческой романтике рассказов Джека Лондона и современному познавательному телесериалу на Discovery Channel. Действительность «золотой лихорадки» была абсолютно неприглядной – лес по обеим сторонам Юкона был сведён на 10 миль, а берега – изрыты в поисках золота⁴³. Нужен ли нам этот опыт?

На данный момент, таким образом, главнейшей проблемой сохранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации в Восточно-Сибирской Арктике является неотложная необходимость сокращения существующих техногенных рисков, возникающих вследствие бесконтрольной хищнической деятельности местного и пришлого населения по добыче мамонтовой кости.

Серьёзное беспокойство вызывает стремление отдельных представителей научного сообщества реализовать планы по признанию бивней мамонтов полезным ископаемым⁴⁴. Для любого исследователя, занимающегося изучением естественной истории четвертичного периода и человека, подобная мысль должна быть сама по себе отвратительна. Бивни мамонтов, безусловно, имеют стоимость, измеряемую в рублях и долларах, однако эти палеонтологические остатки, наравне с прочими, представляют собой уникальный невозстановимый природный архив, содержащий данные об эволюции этих животных, природы и климата. Взаимосвязь массовых находок бивней и прочих костных остатков мамонтов со следами человеческой деятельности (стоянками) очевидна, и столь же очевидно, что в ходе добычных мероприятий будут уничтожены уникальные свидетельства расселения человека в Арктике, в том числе великолепные изделия и украшения, несущие информацию о сложном символическом и социальном поведении этих людей⁴⁵.

42. Russel H. H., McAbby J. C. Klondike Gold Rush. Rochester, WA, 2003.

43. Там же.

44. Смирнов А. Н., Кириллин Н. Д., Иванова Ю. В., Журилова М. А. Забытое полезное ископаемое российской Арктики – мамонтовая кость // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1. С. 66–75.

45. Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia...; Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Ivanova V. V. The Oldest Art of Eurasian Arctic...; Питилько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А. Обработка бивня мамонта...

Отсюда понятно, что необходимым шагом является совершенствование культурного, природного, недропользовательского законодательства, которое регулирует правоотношения в этой сфере, включая оборот палеонтологических остатков, и неуклонный контроль за его исполнением. Как следует из анализа состояния нормативной базы, так или иначе связанной с оборотом палеонтологических остатков (включая бивни мамонтов), их правовой статус в настоящее время до конца не определён⁴⁶.

Возможной формой такого законодательства может стать «закон о древностях», который объединял бы частные случаи, являющиеся предметом регулирования закона об историческом и культурном наследии народов Российской Федерации, Земельного кодекса, Кодекса о недрах. Крайне желательным является разработка в рамках деятельности Арктического совета всеобъемлющего международного документа, имеющего обязывающий характер, наравне с конвенцией ЮНЕСКО о культурном наследии⁴⁷.

Авторы признательны всем участникам экспедиций на север Яно-Индигирской низменности.

46. Смирнов А. Н., Кириллин Н. Д., Иванова Ю. В., Журилова М. А. Забытое полезное ископаемое Российской Арктики...

47. Pitulko V. V. Potential impacts on the polar heritage record as viewed from frozen sites of East Siberian Arctic / ICOMOS International Polar Heritage Committee Conference. The Future of Polar Heritage Environmental challenges in the face of climate change: detection and response. National Museum of Denmark, May 25–28, 2014. Copenhagen, Denmark. P. 77–79.

ПОРТНОВА Д. Д.

Роль национального парка «Онежское Поморье» в изучении и сохранении культурного и природно-культурного наследия Онежского полуострова

PORTNOVA D. D.

The role of the national Park “Onezhskoye Pomorie” in the study and preservation of cultural and natural heritage of the Onega Peninsula

Сведения об авторе:

*Портнова Дарья Дмитриевна, Национальный парк «Онежское Поморье»
tourism@onpomor.ru*

Author:

*Portnova Daria Dmitrievna, the National Park “Onezhskoye Pomorie”
tourism@onpomor.ru*

Аннотация:

В статье раскрывается вклад созданного в 2013 г. национального парка «Онежское Поморье» в изучение и сохранение культурного наследия Онежского полуострова Белого моря, в частности, в сохранение культуры поморской этнографической общности. Описаны и приведены примеры практических подходов к работе с культурным наследием на начальных стадиях формирования ООПТ. Статья может быть полезна руководителям и сотрудникам отделов по работе с культурным наследием новосозданных ООПТ.

Abstract:

The article reveals the contribution of the National Park “Onezhskoye Pomorie” (established in 2013) in the study and preservation of the cultural heritage of the Onega Peninsula of the White Sea, in particular, in the preservation of culture Pomors’ ethnographic community. The author describes and gives examples of practical approaches

applicable in the initial stages of the formation of protected areas, dealing with cultural heritage in the territory of reference and in the border areas. The article can be useful to managers and employees of departments dealing with cultural heritage of the newly created protected areas.

Ключевые слова:

Арктика, Онежский полуостров, поморы, культурное наследие, национальный парк.

Keywords:

The Arctic region, Onega Peninsula, Pomors, cultural heritage, National Park.

Территория национального парка «Онежское Поморье» полностью входит в границы Онежского полуострова, охватывая практически все прибрежные зоны (за исключением деревенских земель) и северную часть полуострова. Эта территория была заселена издавна, ещё со времён неолита. Поэтому объектов культурного наследия самых разных эпох здесь осталось достаточное количество.

Со времён неолита до нас дошли археологические стоянки Галдарея-I, II, III, IV, стоянка в устье Золотицы, в Усть-Яренье, на Красной горе и в Лопшеньге, а также мегалитический комплекс в устье Паранинского ручья.

Финно-угорские племена оставили свой самый заметный след в топонимике местности: большая часть топонимических названий имеет прибалтийско-финское происхождение, встречаются и саамские.

Существуют разные мнения о том, в каком веке на земли Онежского полуострова впервые пришли славяне, однако большинство учёных сходятся во мнении, что это произошло ещё до сложения древнерусского государства. Славян влекли сказочные богатства и необъятные просторы окраинных земель. В X–XII вв. регион становится связующим звеном между Полярным Уралом и Скандинавией. Онежское поморье последовательно заселялось тремя разными группами славян: сначала новгородско-псковскими, затем последовало небольшое количество владимирско-ростовско-суздальских переселенцев, которых, в свою очередь, сменил московский переселенческий поток. Уже в районе XII в. возник этноним «поморы».

В XIV в. начинается цепочка вооружённых конфликтов между Москвой и Новгородом, поморье (Заволочье) становится ареной кровопролитной борьбы, затянувшейся почти на два столетия.

К концу XVI в. этноним «поморы» распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения.

Особый вклад в становление культуры Онежского полуострова внесли православные подвижники. Они ставили обетные кресты, устраивали обители и монастыри, строили церкви. До наших дней на территории Онежского полуострова сохранилось несколько старинных христианских построек, среди них Никольская летняя шатровая церковь, остатки Пертоминского монастыря и некоторые другие. В советские времена во многих зданиях церквей были устроены клубы, магазины. Наилучшим образом сохранились обетные кресты – если крест ветшал, его всегда заменяли на новый.

На побережье часто можно встретить навигационные кресты – они служат ориентирами и установлены строго в соответствии со сторонами света. В древности эта функция была возложена на камни, а в более позднее и современное время – на маяки. С незапамятных времён в Поморье было развито мореходство, лоцманское дело передавалось из поколения в поколение. Древние морские связи со Скандинавией подтверждают схожие типы поморских и скандинавских судов.

В начале XX в. поморская культура приходит в упадок, поморский фенотип начинает размываться. В начале XXI в. на берегах Онежского полуострова создаётся национальный парк, одной из целей которого является сохранение культурного наследия региона, а значит, и поморской культуры в том числе.

Для того чтобы сохранять культуру вверенной парку территории, необходимо изучить все культурные слои начиная от неолита и заканчивая современностью. За время существования парка было собрано большое количество материалов по культурному наследию. К сожалению, непосредственно на территории сохранилось довольно мало информационных материалов. Большинство сведений, на которые в настоящее время опирается парк в своей работе, было получено от Краеведческого музея Архангельска, чьи архивы хранят всю историю Онежского полуострова. Цели сбора культурологической информации становятся неотъемлемой частью практически любого проекта, реализуемого на территории парка, например детской экспедиции «Дерсу Узала», Поморской краеведческой экспедиции, фотопроекта по созданию круговых панорам, детского экологического лагеря в Лопшеньге и др.

Отдельной темой культурного наследия стали поморские знахарские традиции и поморская кухня. В настоящий момент отделом

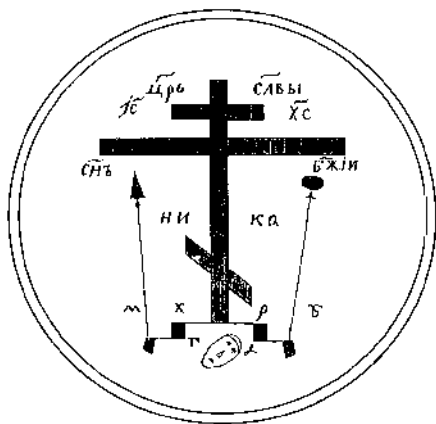

Рис. 1. Навигационный крест. Рисунок из рукописной лоции поморов «Расписание мореходства»

Рис. 2. Типы поморок. Из фондов Архангельского краеведческого музея

экологического просвещения парка разрабатывается программа очередного летнего фестиваля травниц, собираются материалы для издания книги «Поморская кухня» с местными исконно поморскими рецептами, которые помнят только старожилы.

Особого внимания заслуживает проект по съёмкам фильма «Поморские жонки». Жанр – документальный короткометражный фильм. Проект осуществляется на базе продюсерского центра «АТК» и получил поддержку Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время режиссёр фильма, Анна Каторина, осуществляет подготовку к съёмкам, изучая быт местных жителей и архивы. Тема – образ женщины Онежского Поморья (рис. 2). Особенное место в фильме займут рассказы «старожилов», тех женщин, которые ещё помнят поморскую говорю, обычаи и, может быть, песни.

Чем больше времени проходит, тем дальше в историю погружаются особенные поморские традиции. Задача режиссёра – собрать уходящую «натуру» и сохранить её для потомков на языке экрана.

Не менее важным является участие Екатерины Вахиной в международном проекте «Деревянная архитектура в культурном ландшафте – вызовы современности» европейской программы «Инвестиции в людей».

По итогам работы в проекте национальный парк «Онежское Поморье» был включён в состав экспозиции международной мобильной выставки «Деревянная архитектура в культурном ландшафте – вызовы современности», проходящей в России (Москва, Архангельск, Нижний Новгород, Калужская область, Карелия), в Словакии, Чехии, Украине с пилотными регионами (Киевская, Львовская и Закарпатская области).

Все собранные материалы используются в дальнейшем для создания информационных стендов, при проведении экскурсий по территории парка, экскурсий по визит-центру парка.

Основываясь на собранных материалах, были выявлены наиболее ярко выделяющиеся культурные срезы, а именно:

- *культурное наследие неолита*

Ещё в 60-х гг. XX в. на территории, которая впоследствии вошла в национальный парк, были обнаружены неолитические стоянки, датируемые II тысячелетием до н. э. А в 2013 г., в первый год существования парка, в устье Паранинского ручья был обнаружен мегалитический комплекс, более ранний функциональный прототип лабиринтов Соловецких островов. Материалы этих исследований используются

для создания познавательных маршрутов, один стенд уже установлен на маршруте «Берегом моря к мысу Сатанский».

- *наследие времён церковного владения землями и деревянная архитектура*

Наиболее актуальной задачей для парка на данный момент является сбор информации об этих объектах. Начальный этап, первичный сбор информации, уже завершён: все объекты неформально выявлены и зафиксированы, собран фотобанк. Второй этап, сбор исторической информации по неформально выявленным объектам, в данный момент находится в процессе: информация собирается как в архивах Архангельского краеведческого музея, непосредственно на территории (фотографии, фиксирование GPS-координат, обмеры), так и у местных жителей, которые, сами понимая, что рискуют потерять свою самобытность и корни, последние годы стали активно собирать исторические материалы о своих деревнях. Ярким примером здесь является деревня Летняя Золотица: местные жители собирают историческую информацию о своей деревне в группе социальной сети «Одноклассники». Архив старинных фотографий впечатляет (см., например, рис. 3). К сожалению, даже сами местные жители не всегда могут сказать, что именно запечатлено на фотографии.

Параллельно со сбором исторической информации об объектах ведутся переговоры с Министерством культуры Архангельской области о проведении государственной экспертизы, результатами которой стало бы выявление объектов культурного наследия и занесение их в государственный реестр.

- *традиционная поморская культура быта (XVIII–XIX вв.)*

В визит-центре национального парка в настоящее время создаётся «комната ремёсел». В ней будут находиться предметы обихода поморского быта, женских занятий и промысловые предметы. Экспонаты для комнаты ремёсел принимаются в дар у местных жителей, покупаются у сторонних организаций. Ткацкий станок и несколько домашних бытовых предметов уже собраны, информационные стенды находятся в разработке. Тема жемчужного речного промысла уже проработана и представлена в природной части экспозиции визит-центра, поскольку биологический вид жемчужницы обыкновенной в настоящее время находится под угрозой исчезновения.

- *остатки индустриального историко-культурного ландшафта*

Неспроста поморы в первую очередь всегда ассоциируются с рыбным промыслом. На побережье до сих пор сохранилось большое количество рыболовецких тоней. Они стоят на расстоянии дневного

Рис. 3. Часовня в Унской губе. Из фондов Архангельского краеведческого музея

Рис. 4.
Тоня-часовня
«Кярженца».
Древнее
становище
поморов. Впервые
упоминается
в архивных
документах по
сбору пошлин за
ловлю рыбы в
1559 г. Частично
восстановлена
жителями
деревни Летний
Наволоч в
2014 г. в честь
600-летия Летней
Золотицкой
волости.
Фото И. Бармина

перехода друг от друга, и каждая имеет своё имя. Некоторые названы по фамилии семьи, владеющей тоней (рис. 4), а некоторые имеют ещё финно-угорские названия, например Кярженца (~ фин. *karsd* – «морда, рыло», карел. *karsa*, *karza*, ливв. *karzti*, эст. *kdirss* – «рыло»). В русской топонимии аналогичная метафора – «лапа», что интуитивно подкрепляется «кошкой» – кошками в поморье называют песчаные отмели.

Большинство тоней требуют ремонта. Однако они не являются официально зарегистрированными постройками, поэтому на данный момент достаточно сложно договориться с их владельцами о ремонте на средства парка. Несмотря на это, парку удалось договориться о ремонте двух тоней в окрестностях деревни Летняя Золотица. В одной из отремонтированных тоней уже устроен научный стационар, в другой планируется создание школьной морской биостанции.

Также большой интерес представляет солеварный промысел. Беломорская соль «морянка» была известна по всей Руси. Наибольшего расцвета соляной промысел достиг в XVI–XVII вв. В это время в Беломорье вываривалось около 700 тыс. пудов соли. Крупнейшими солепромышленниками были монастыри, прежде всего Соловецкий. Его варницы простирались по всему побережью Белого моря. По некоторым данным, в каждой деревне была хотя бы одна солеварня, а чаще их строили по несколько штук. До наших времён сохранились лишь некоторые остатки Унской солеварни, чертежи, технологии и воспоминания местных жителей о том, где они раньше были установлены.

В парке ведутся работы по сбору информации о промысле солеварения. Реализация проекта по воссозданию солеварни находится под вопросом, т.к. аналогичный проект уже реализован в Нёноксе, что недалеко от национального парка. В дальнейшем при организации туризма планируется сотрудничество с экскурсионным центром в Нёноксе для ознакомления туристов с темой солеварения.

- *морская навигация, маяки*

До пришествия русского флота в Белое море в Поморье использовались в качестве навигационных ориентиров кресты и каменные кучи, «гурии». Первые маяки появились на Белом море в начале XVIII столетия. Приграничные национальному парку маяки были построены в XIX в. Это маяки Чесменский, Жижгинский и Летне-Орловский. Все они относятся к действующим маякам и находятся в ведении Министерства обороны РФ. Однако если на Чесменском и Жижгинском маяках есть штатные смотрители, то на Летне-Орловском маяке ещё с 2000 г. никто не живёт. Там установлена светосигнальная аппаратура, которая работает от аккумуляторов. Это и даёт основания при-

числять маяк к действующим объектам Минобороны. Линза с маяка Летне-Орловского была демонтирована и установлена на Чесменском маяке после хищения с последнего в 2010-х гг.

Летне-Орловский маяк вместе с комплексом ныне заброшенного маячного городка установлен на продолговатой косе мыса Летний Орлов. Он удалён от деревень (до ближайшей из них, Пушлахты, многим более 20 км) и потому находится в запустении. Состояние жилых и технических построек маячного городка плохое и стремительно ухудшается. Высота маяка – 12 м.

В 2015 г. маяк посетили члены Русского маячного общества и признали представляющим особую культурологическую ценность как один из немногих оставшихся деревянных маяков России (рис. 5).

Для проведения реставрационных работ и создания туристского объекта посещения на базе Летне-Орловского маяка необходимо передать постройки городка и самого маяка в ведение парка. Национальным парком был направлен запрос в Министерство обороны о возможности перевода маячного комплекса в ведение парка. В выполнении запроса было отказано.

Несмотря на это, парком при поддержке Министерства культуры Архангельской области предпринимаются меры по организации государственной экспертизы по выявлению культурного наследия и внесению в реестр культурного наследия комплекса Летне-Орловского маяка. Находящийся в данный момент на согласовании проект охранной зоны национального парка будет включать в себя земли комплекса Летне-Орловского маяка, что даст возможность проводить реставрационные работы и охранять объект от туристского вандализма.

Поскольку работы по официальному выявлению объектов культурного наследия требуют очень больших временных затрат, работы по регистрированию всех неформально выявленных объектов материального культурного наследия уже начали проводиться в созданной недавно ГИС базе данных парка. Объекты будут разделены по перечисленным выше «культурным срезам» на слои, а также на два класса: сохранившиеся и не сохранившиеся.

В отдельную группу нематериального наследия, подверженного угрозе исчезновения, выносятся поморские сказы, былички, песни, семейные и свадебные традиции. В целях сохранения нематериального наследия парком организуется ряд мероприятий в деревнях, составляются познавательные маршруты, проводятся экскурсии с использованием элементов нематериальной культуры.

Рис. 5. Летне-Орловский маяк с комплексом ныне заброшенного маячного городка.
Фото А. Поздняк, РМО

Подводя итоги, следует сказать, что поставленная перед национальным парком «Онежское Поморье» задача по сохранению культурного наследия региона, несмотря на ряд существующих вышеописанных проблем, выполняется планомерно и успешно. Для достижения ещё более значимых результатов планируется использовать возможности обмена опытом с другими прибрежными ООПТ Арктического региона и не только.

Литература:

1. Башмаков П. Из истории маячного дела в России // Соловецкое море. 2010 г. № 9.
2. Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова. Дис. на соискание учёной степени канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2006.
3. Материалы официального сайта национального парка «Онежское Поморье»: <http://onpomor.ru/>
4. Материалы среднесрочного плана управления национального парка «Онежское Поморье» на 2015–2019 гг.
5. Мильчик М. И. Памятники архитектуры Архангельской области. Архангельск, 1971.
6. Поздняков Д. Материалы экспедиции 2015 года Русского маячного общества.
7. Постановление от 4 декабря 1974 г. № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 “О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР”»: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=10498>.
8. Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию / Под ред. М. Е. Кулешовой. М., 2013.
9. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

РАДУШИНСКИЙ Д. А.

Возможность получения
синергетического эффекта
при реализации мероприятий
по совместному международному
продвижению проекта
Арктического кластера
и экологически ориентированного
подхода по освоению арктических
территорий

RADUSHINSKY D. A.

On the feasibility of including the Arctic cluster
project in the long-term environmentally-oriented
program of development of Arctic
territories

Сведения об авторе:

*Радушинский Дмитрий Александрович, доцент кафедры экономической теории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический универ-
ситет им. С. М. Кирова» (СПбГЛТУ), кандидат экономических наук, г. Санкт-
Петербург*

D.Radoushinsky@gmail.com

Author:

*Radushinsky Dmitry, Associate Professor, Department of Economic Theory of FGBOU VO
«Saint-Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov» (SPbSFTU),
PhD in Economic Sciences, St. Petersburg*

D.Radoushinsky@gmail.com

Аннотация:

Арктическим кластером в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе РФ можно было бы назвать комплекс производственных, научных предприятий, а также маркетинговых и обслуживающих компаний, объединённых арктической тематикой и работой над конкретными экономическими проектами в регионе. О возможности создания Арктического кластера в Санкт-Петербурге было заявлено губернатором в 2012 г. В статье рассмотрены обстоятельства, в силу которых к 2016 г. проект не получил развития, и условия, при которых возможно возобновление деятельности по созданию Арктического кластера. Сформулирован ряд ключевых характеристик перспективной деятельности Арктического кластера. Сделан вывод, что в случае ориентации на широкий круг зарубежных участников разработки проектов на российском арктическом шельфе одним из условий подготовки возможного фундамента для успешной реализации проекта Арктического кластера в долгосрочной перспективе будут являться мероприятия, связанные с информированием и вовлечением потенциальной «целевой аудитории» на мировом рынке. Информировать о возможностях и выгодах, связанных с будущей деятельностью Арктического кластера, при этом следует как лиц, принимающих решения, так и представителей «креативного класса» (технической, гуманитарной интеллигенции). В долгосрочную программу международного информирования о российских инициативах и продвижения экологически ориентированного подхода по освоению Арктики целесообразно включать концепцию создания Арктического кластера в Северо-Западном регионе России с центром в Санкт-Петербурге как потенциально международного крупнейшего экономического проекта по освоению арктического шельфа и активизации СМП (Северного морского пути).

Abstract:

Arctic cluster in St. Petersburg and North-West region of Russia could be understood as the complex of production and research enterprises, as well as marketing and service companies, united by the arctic theme and by the joint work on specific economic projects in the region. On the possibility of the creation of the Arctic cluster in St. Petersburg was declared by the governor in 2012. The article describes the circumstances which force, the project has not been developed by 2016, and the conditions under which the resumption of the activities on the creation of the Arctic cluster could be possible. The study include a number of key characteristics of the future activities of the Arctic cluster. It is concluded that in the case of targeting a broad range of foreign participants developing projects on the Russian Arctic shelf, one of the conditions for the preparation of a possible foundation for the successful implementation of the Arctic cluster project in the long term will be activities related to the awareness and involvement of the potential "target audience" in the world market. As the decision-makers as well as representatives of the "creative class" (technical,

humanitarian intelligentsia) should be informed about the possibilities and benefits related to the future activities of the Arctic cluster.

In the long-term program of international presentation of the Russian initiatives and the promotion of environmentally-oriented approach for the development of the Arctic it is appropriate to include the concept of the creation of the Arctic cluster in the North-West region of Russia with its center in St. Petersburg - as potentially international major economic project for the development of the Arctic shelf and activation of the SMP (Northern sea Route).

Ключевые слова:

арктические территории, Арктика, арктические регионы, арктический шельф, Арктический кластер, научно-техническое сотрудничество, брендинг территорий, проектирование экономического развития, Северный морской путь.

Keywords:

Arctic territories, the Arctic, the Arctic region, the Arctic shelf, the Arctic cluster, scientific and technical cooperation, area branding, projects of economic development, the Northern Sea Route.

На сегодняшний день проект Арктического кластера, о возможности создания которого в Санкт-Петербурге впервые было заявлено в 2012 г., не является приоритетным федеральным или региональным проектом, хотя в перспективе мог бы претендовать на получение данного статуса. Согласно Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 г. (Стратегия 2030), разработанной в 2013 г., под Арктическим кластером понимается «объединение ресурсов правительств, научного и делового сообщества приарктических стран на взаимовыгодных условиях в целях освоения данного региона».

Проектно-производственной базой Арктического кластера в Санкт-Петербурге могут стать компании судостроительной отрасли (40% производственных мощностей отрасли и 75% отраслевой науки России), уже входящие в «ОСК» (Объединённая судостроительная корпорация) и судостроительный кластер города, а также профильные научно-исследовательские институты и образовательные учреждения. Состав кластера может быть дополнен управляющими компаниями, судовыми агентами, брокерами, страховщиками, финансовыми инвестиционными группами. Санкт-Петербург как культурный центр Северо-Западного региона России является удобной пло-

щадкой для взаимодействия с представителями иностранного бизнеса и политики.

В 2012–2013 гг. в правительстве Санкт-Петербурга, на уровне Морского совета при губернаторе, в рамках Полярной комиссии с участием представителей городских комитетов по стратегическим инвестициям, транспорту, внешним связям и других велось обсуждение концепции Арктического кластера, и инициативными лицами был предпринят ряд активных действий по закреплению официального статуса проекта, однако ряд обстоятельств к настоящему времени (2-й квартал 2016 г.) лишил данный проект определённости. К данным обстоятельствам следует отнести:

1) принятие долгосрочной государственной программы освоения Арктики до 2020 г.¹ без бюджетных ассигнований и без исполнителей, относящихся к исполнительным органам государственной власти, что лишило представителей последних прямой заинтересованности и инициативности в продвижении проектов, подобных Арктическому кластеру;

2) падение цен на нефть и введение против российских компаний, занимающихся добычей на арктическом шельфе, санкций, которые не позволяют получать финансирование и оборудование для разведки и добычи на шельфе от западных компаний: падение цен на нефть сделало нерентабельной добычу на арктическом шельфе, что, в частности, вынудило многие западные компании свернуть свои проекты в арктических морях², а санкции технологически и финансово затруднили на неопределённый период освоение шельфа российскими компаниями, при этом перспективы сотрудничества с компаниями из Китая и других стран, не присоединившихся к санкциям, в настоящий момент являются далеко не определёнными;

3) инициативные группы, комитеты и ведомства, продвигавшие концепцию Арктического кластера в 2013 г., к настоящему времени видоизменились или не существуют: Полярная комиссия

1. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утв. Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366. Принята в рамках реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (Указ Президента РФ № 232 от 08.02.2013), утвержденной 20 февраля 2013 г.
2. Макаренко А., Ратников Г. Жизнь на дне: как западные нефтяники приспособливаются к обвалу цен: <http://www.rbc.ru/photoreport/18/01/2016/5698e27c9a7947ac8b57531d/7.shtml> (дата обращения 05.06.2016); Сарханянц К. Арктика оставила Shell без прибыли. Компания отчиталась о крупнейших за десятилетие убытках // Коммерсант-дэйли 29.10.2015: <http://kommersant.ru/doc/2842769> (дата обращения 05.06.2016).

при Морском совете при Правительстве Санкт-Петербурга продолжает существовать, однако заседания, согласно информации на сайте, не проводятся с 2013 г.³; Полярная академия, руководство которой в 2013 г. было активно в продвижении концепции кластера, присоединена в декабре 2015 г. к ФГБОУ ВО «Российский государственный гидрометеорологический университет».

Говоря о мероприятиях по продвижению концепции или проекта Арктического кластера, в настоящий момент необходимо, таким образом, иметь в виду, что возможности реализации проекта в будущем зависят от ряда обстоятельств, которые могут и не сложиться в пользу инициаторов, продвигающих проект. Так, если технологические ограничения по разработке и выпуску техники для разведки и добычи нефтегазовых ресурсов на арктическом шельфе и возможно будет преодолеть с помощью отечественных конструкторских решений и производителей, но не ранее начала 2020-х гг.⁴, то ситуации с ценами на нефтегазовые ресурсы, а также с прогнозами глобального потепления и таяния льдов, которые являются неоднозначными⁵, будут оставаться факторами риска проекта на протяжении всего периода его реализации.

Одной из мер подготовки возможного фундамента для успешной реализации проекта Арктического кластера в долгосрочной перспективе могут являться мероприятия, связанные с продвижением (PR'ом) как отдельных сторон, связанных с будущей возможной деятельностью Арктического кластера, так и в целом с брендингом территории Арктики как места международного сотрудничества с учётом актуальных сегодня «экофильных», «креативных» тенденций, тенденций взаимовыгодного сотрудничества и кооперации в бизнесе (поиск так называемых win-win solutions – организации взаимодействия таким образом, чтобы в качестве «эксплуатируемой» не оказывалась в результате ни одна из сторон).

К основным чертам или основным сторонам концепции Арктического кластера автор относит:

3. Полярная комиссия Морского совета при Правительстве Санкт-Петербурга. Раздел официального сайта городской администрации: <http://gov.spb.ru/gov/morsovets/sekcii/polar/> (дата обращения 06.06.2016).
4. Хазбиев А. Не добыть, так хоть разведать // Эксперт. 2015. 5 октября: <http://expert.ru/expert/2015/41/ne-dobyt-tak-hot-razvedat/> (дата обращения 05.06.2016).
5. Авакян С. В., Воронин Н. А., Дубаренко К. А. Проблемы Арктики и современные изменения климата // Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы защиты и безопасности» 3–6 апреля 2013 г. (ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»). СПб., 2014. Т. 4 «Военно-морской флот России». С. 68–77.

- международный характер сотрудничества;
- активное использование инструментов ГЧП;
- необходимость ассоциации с проектом через привлечение интереса так называемого креативного класса – не только в России, но и в Европе, и в других странах (Индия, Китай);
- следование вектору гуманизации ВС (вооружённых сил) и РФ на основе большей открытости и сотрудничества с организациями из бизнес-среды;
- продвижение посредством технологий маркетинга/брендинга территорий.

В 1990-е гг. практика маркетинга мест (территорий) стала общепринятой. Во многих странах стали появляться агентства по продвижению имиджа территорий. Искусство формирования выгодного образа государств, политических и военных деятелей, хозяйственных и общественно-политических структур, армий и т. п. известно с древнейших времён. Но подлинная революция произошла в XX в., когда дело формирования имиджа различных субъектов государства и общества стало одним из важнейших составляющих политической, идеологической и информационной борьбы. С 1980-х гг. новый имидж городов и целых стран (например, Испании. Испания – пример успешного национального брендинга – современная демократичная страна, с которой отныне не ассоциируются негативные коннотации прошлого (франкизм). В. Олинс, один из авторитетнейших специалистов по брендингу, предложил свои услуги испанскому правительству для создания этого нового имиджа страны. Хотя исторически бренды связаны с товарами и корпорациями, их можно применить и к государству, и к каждой области массовых коммуникаций. Национальный брендинг, по В. Олинсу, может помочь стереть неверные представления о стране и позволить ей представить себя более благоприятно в глазах мировой общественности (см.: Olins W. *Trading Identities: Why countries and companies are taking each others' roles*. London, 1999). – Прим. ред.) всё чаще стал реализовываться не только к определённому событию (чаще всего Олимпиаде), но и в рамках комплексных региональных программ по улучшению качества жизни и улучшению условий ведения бизнеса на данной территории.

На основе принципов брендинга территорий должна строиться и современная долгосрочная программа по продвижению экологически ориентированного подхода по освоению Арктики, которая может включать в себя в качестве одного из элементов концепцию создания Арктического кластера в Северо-Западном регионе России с центром в Санкт-Петербурге как важнейшего международного проекта,

предлагаемого Россией желающим сотрудничать с ней странам и крупным компаниям в вопросах освоения арктического шельфа и СМП (Северного морского пути).

Бренд территорий – это в первую очередь сильная идея, удачно подмеченная и оформленная идентичность места, основанная на ожиданиях, ощущениях, опыте. Предложение по бренду территории должно носить уникальный характер, открывая ключевую «идею» территории через её культурный код⁶.

В случае международного PR'a Арктики акцент может быть сделан как на новом этапе во взаимоотношениях с зарубежными партнёрами, так и на применении современных экологически «продвинутых» технологий, на новых формах организации бизнеса. Так, информация о широких возможностях применения «альтернативной» энергетики в рамках реализации «новой волны» освоения арктических территорий может дать дополнительный импульс для привлечения европейских инвесторов и экологически ориентированных представителей «креативного класса» для работы на конкретных проектах, включая Арктический кластер.

По нашему мнению, сочетая указанные компоненты в федеральных программах, связанных с освоением арктических территорий, и в городских программах Санкт-Петербурга, связанных с продвижением и реализацией проекта Арктического кластера, возможно добиться кумулятивного или синергетического эффекта воздействия на целевую аудиторию (людей, принимающих решения в правительствах зарубежных стран и корпорациях; представителей креативного класса). В случае, если федеральные программы, направленные на реализацию проектов, связанных с освоением Арктики, по-прежнему не будут иметь соисполнителей из состава исполнительных органов государственной власти и не будут финансироваться из бюджета, указанные элементы международного PR'a Арктики целесообразно реализовывать в PR-кампаниях крупных российских компаний, работающих в арктических условиях («Роснефть», «Газпром», «Лукойл», «Новатэк» и др.).

Отметим, что в рамках формата популяризации культурного и природно-культурного наследия Арктики высказывается ряд оригинальных предложений, отражающих подходы по продвижению отдельных услуг и мероприятий в Арктике для различных целевых групп (например, предложения Э. Л. Коршунова, а также А. В. Поте-

6. Радущинская А. И. Тренды развития медиаинфраструктуры в современном социальном пространстве // Вестник Инжэкона. Серия «Экономика». 2013. № 2. С. 29–34.

хина и Д. В. Солонникова, высказанные, в частности, 29 апреля 2016 г. на «Полярных чтениях – 2016»). Прежде всего к этим целевым группам относятся: а) туристы, уже заинтересованные и потенциальные; б) «гуманитарные» специалисты – интересующиеся историей освоения Арктики и военной историей, специалисты, занимающиеся военно-патриотическим воспитанием, этнографы; в) «технические» специалисты – геологи, физики, инженеры, экологи и другие специалисты-«полярники», деятельность которых связана или была связана с работой в арктических широтах.

По нашему мнению, однако, наибольшего резонанса может достигнуть PR-кампания, обращённая к широкой общественности – как в России, так и за рубежом, – ассоциирующая себя с понятием «креативный класс». Такая кампания может стартовать в случае, если из возможных альтернативных источников топлива, а также из современных альтернативных технологий извлечения традиционных источников топлива (сланцевая добыча), добыча нефти и газа на арктическом шельфе окажется экономически и экологически целесообразна. В этом случае, на наш взгляд, Арктика, которая исходя из сегодняшних тенденций развития международных отношений рискует стать территорией глобального соперничества, могла бы широко позиционироваться для широких слоёв «креативного класса», представляющего собой слой специалистов, потенциально вовлекаемых для технологического освоения шельфа и СМП, как территория кооперации и сотрудничества.

РОМАНЕНКО Ф. А.

Историко-культурное наследие Арктики: опыт инвентаризации

ROMANENKO F. A.

Historical and cultural heritage of the Arctic:
the experience of inventory

Сведения об авторе:

Романенко Фёдор Александрович, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)
faromanenko@mail.ru

Author:

Romanenko Fedor Alexandrovich, PhD., M. V. Lomosov Moscow State University, Geographical department, senior scientist
faromanenko@mail.ru

Аннотация:

Анализируется опыт составления карты объектов историко-культурного наследия на острова и побережья арктических морей. На электронную основу на платформе ArcGIS в результате изучения литературных источников и полевых материалов автора нанесено более 600 объектов, разделённых на несколько категорий: археологические, хозяйственные, промысловые и промышленные, военно-исторические, мемориальные и гидрографические, а также посёлки. Важнейшие типы памятников историко-культурного наследия Арктики – полярные метеорологические станции – уникальные научно-технические учреждения, функционировавшие десятилетия и ставшие инфраструктурными центрами пустынных районов, и арктический некрополь – комплексы разновременных захоронений. Показано, что включение перечисленных объектов в состав ООПТ может существенно повысить их статус, т. к. будет способствовать, при разумной организации дела, как лучшему учёту, инвентаризации и сохранности памятников, так и увеличению их познавательной и общекультурной ценности, способствуя привлечению интересующихся естествоиспытателей и туристов. Практически безбрежное историко-культурное наследие Арктики – одно из главных богатств регио-

на, может быть, даже более ценное, чем полезные ископаемые, разработка месторождений которых приводит к исчезновению не только отдельных памятников, но и целых исторических слоёв. Работа над составлением полного каталога памятников, число которых достигает нескольких тысяч, продолжается.

Abstract:

The experience in composing of the maps of the objects of historical and cultural heritage on the islands and shores of the Arctic seas is being analysed. As a result of studying of the literature resources and the author's field materials, on the ArcGIS platform there were marked more than 600 objects, divided into different categories: archeological ones, economic, hunting and industrial, militar and historical, memorial, hydrographical, and also villages. The most important kinds of the monuments of historical and cultural heritage of Arctic are: the polar and meteorological stations, which are the unique scientific and technical establishments, which were functioning during decades and became the infrastructural centers of the deserted areas; and the Arctic necropolis, the centers of the burying places of different times. It was showed that the including of the named above objects into the natural reserve can increase their status significantly, as it will help, with a rational organization, both to the better registration and preservation of the monuments and to the increase of its educational and cultural value by attracting the interested explorers and tourists. Practically an immense cultural and historical heritage of Arctic is one of the main treasures of the region, maybe even a bigger treasure than national resources, the working with some of which leads to the disappearance not only of some distinct monuments, but of the complete historical layers. The work on the composing of a full catalogue of the monuments, the number of which is up to several thousands, is in progress.

Ключевые слова:

историко-культурное наследие, Арктика, электронная карта, полярные станции, некрополь, военно-исторические памятники.

Keywords:

Historical and cultural heritage, Arctic, digital map, polar stations, necropolis, monuments of military history.

Человек живёт на арктических побережьях многие тысячи лет. За это время здесь сформировался уникальный комплекс исторических объектов и памятных мест, имеющих огромный интерес для всего человечества. Но растущая интенсивность освоения приводит к непрерывным утратам объектов историко-культурного наследия. Поэтому их инвентаризация, составление карт и каталогов исторических

памятников – важнейшая не только фундаментальная, но и прикладная задача, которая решается уже более полувека¹.

В 2015 г. нами предпринята попытка обобщения собранного материала на карте, составленной на платформе ArcGIS. Картографическая основа подготовлена WWF России и позволяет работать как в обзорном (1:1 000 000 и мельче), так в крупном (1:100 000) масштабе. Кроме литературных данных, использованы материалы многолетних собственных арктических экспедиций (1985–2015 гг.). При составлении карты мы учитывали все объекты, которые позволяет масштаб. Для нас все они – памятники, и речь может идти лишь об очерёдности постановки их на охрану и необходимости консервации.

Такой взгляд на антропогенные объекты Арктики сформировался относительно недавно. Традиционно в арктических экспедициях господствовал принцип не сохранения остатков предшествующих экспедиций, а принцип их максимально полного использования. Это и понятно, нельзя было не использовать чужие постройки и продовольственные склады, если сами путешественники остро нуждались в крове, топливе и продуктах. Поэтому крупные объекты, сейчас безусловно ставшие памятниками (например, посёлок Ф. Джексона Эльмвуд на мысе Флора о. Нортбрук в архипелаге Земли Франца-Иосифа) использовались как экспедициями У. Уэлмана в 1899 г. и А. Болдуина в 1901 г. (они перевезли на другие острова сборные десятисекционные домики-склады), так и (в качестве жилых помещений) отрядами А. Фиалы в 1904–1905 гг. и В. Альбанова в 1914 г. Экспедиция А. Фиалы переделала уютное помещение Джексона в многоместную казарму и широко пользовалась её складами. Бревенчатые избы Эльмвуда в 1914 г. разобрала на дрова экспедиция Г. Я. Седова, т. к. «Михаил Суворин» (бывший «Святой великомученик Фока») отчаянно нуждался в топливе. От посёлка осталась только «бамбуковая» хижина – приют В. Альбанова и А. Конрада. Памятник перестал существовать как цельный комплекс, но разве можно упрекнуть кого-нибудь в его разрушении?

Но когда подобные действия осуществляют участники современных, гораздо лучше оснащённых экспедиций, которые расхищают уникальный комплекс предметов начала XVII в. на Восточном Таймыре (1930–1940-е гг.), пускают на раскуривание трубок книги и газеты экс-

1. Шпаро Д. И., Шумилов А. В., Леденёв В. П., Хмелевский Ю. И. Поиски следов русских полярных экспедиций на западном побережье Таймыра (по результатам работы научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды» 1973 г.) // *Летопись Севера*. М., 1975. Т. VII. С. 194–220; Белов М. И. *По следам полярных экспедиций*. Л., 1977; *Новая Земля*. М., 2009; Вайгач. *Остров арктических богов*. М., 2011; *Земля Франца-Иосифа*. М., 2013.

педиции Фиалы на о-ве Рудольфа (1936–1938 гг.), сжигают остатки избышки Э. В. Толля на о-ве Бенетта (1980-е гг.), то квалифицировать их можно лишь как акты вандализма. К таким же актам относится совсем недавнее разрушение той самой «бамбуковой» хижины на мысе Флора, приютившей Альбанова и Конрада, при неясных обстоятельствах.

Практикующаяся сейчас установка многочисленных крестов в память тех или иных событий тоже не способствует сохранению культурного наследия. Ладно бы крест увековечивал само событие и стоял рядом с найденным телом погибшего полярника (Земля Георга), так он, как правило, главным образом увековечивает «великодушного мецената» (губернатора, архиерея и т. п.).

При таком подходе очевидно, что составление карты объектов историко-культурного наследия для всей огромной территории арктических побережий – гигантская задача. На настоящий момент она не может быть решена целиком, полностью и окончательно – любой маршрут по побережью непременно выявит ранее неизвестный объект той или иной ценности. Поэтому способ её решения состоит в постепенном насыщении пространства карты объектами. На данный момент на неё нанесено около 600 объектов (рис. 1).

В Арктике следы человека часто остаются на тысячелетия (например, стоянки древних металлургов XII–V вв. до н. э. в верхнем течении р. Пясины и на р. Хете, наскальные рисунки на п-ве Рыбачьем, лабиринты Белого моря, петроглифы Залавруги и р. Пегтымель на Чукотке и др.). Поэтому первый тип показанных на карте объектов – *археологические памятники*. Раскопки последних пятидесяти лет выявили стоянки древних людей в низовьях р. Яны (Янская стоянка, 27–28 тыс. лет назад) и о-вах Де-Лонга (Жоховская стоянка, около 8 тыс. лет назад). Это скопления мамонтовых, беломедвежьих и оленьих костей, угли костров, россыпи каменных орудий, заметно реже – фрагменты деревянных предметов. Землянки (жилищные ямы) найдены в местах проживания оседлых морских зверобоев на Чукотке, в Корякии, на Ямале.

Не являясь для своих строителей и пользователей культурно-исторической ценностью, безжалостно эксплуатируемые и легко бросаемые, по прошествии десятилетий приобретают значительную ценность *хозяйственные памятники*. Избы, зимовья, склады, вешала для сетей, пасти для ловли песцов, собачьи будки, слипы и ворота для лодок, даже уборные, оригинальными инженерными решениями подвешенные/вынесенные над береговыми уступами, придают хозяйственным комплексам «живой» облик. Сарай, гаражи, гидрологические домики или ледовые пункты, даже помойки часто содержат целые

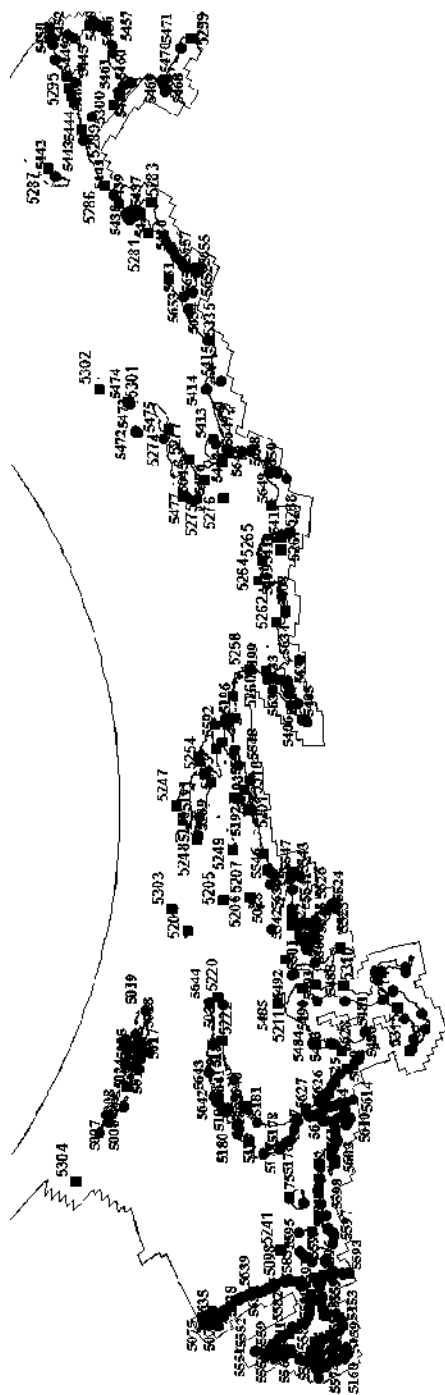

Рис. 1. Фрагмент карты расположения памятников истории и культуры в Арктике (составил Ф. А. Романенко)

клады из вышедших из употребления, но вполне музейных предметов – утюгов, керосиновых и настольных ламп, разнообразной посуды, кухонной утвари, мебели, канцелярских принадлежностей и многого, многого другого.

Так, найденная в углу бывшего самолётного ангара на полярной станции Бухта Тихая практически целая детская кроватка принадлежала, вероятно, одному из первых трёх родившихся на советской полярной станции младенцев. Северина Иосифовна Битрих родилась 27 апреля 1935 г. в семье начальника полярной станции И. Ф. Битриха и его супруги, актинометристки Е. К. Симцовой. Специальное совещание зимовщиков предложило 11 вариантов имени для девочки. Здесь и Полярина, и Базальтина, и Баренца, и Ледоксана, но большинством голосов выбрали Северину. Её брат Родварк родился через год, 5 мая 1936 г., а ещё через два месяца, 14 июля, у парторга В. Г. Абрамовича и его супруги библиотекаря Н. В. Кухтиной появилась на свет Зефрида.

Молоко им давали настоящие коровы, населявшие коровник, стоявший рядом со свинарником. Уход за животными лежал на плечах «служителя» или скотника. Сохранить свиней и коров в условиях полярной ночи на брикетах сена и мешках комбикорма при жестоких морозах и ветрах – сложнейшая задача. Животные часто обмораживались, простужались, заболели, если условия содержания их не соответствовали климату. Но, если скотник работал добросовестно, сотрудники станции всю зиму пили молоко и ели свежее мясо, что очень облегчало борьбу с цингой и повышало настроение на зимовках.

Полярные станции мы считаем важнейшим типом памятников историко-культурного наследия Арктики. Это уникальные научно-технические учреждения, функционировавшие десятилетия. Для окружающих районов они становились инфраструктурными центрами, в которых сосредоточивались связь, резервы продовольствия, иногда – врач, да и просто живые люди, с которыми охотникам-промысловикам или местным жителям, населявшим окрестности, можно было перекинуться словом или получить помощь.

В состав станций, кроме жилых помещений, всегда входили радиорубка с метеорологическим/аэрологическим/гидрологическим кабинетом, «механка» (дизельная и/или аккумуляторная) с мастерскими, куда завозили станки (например, токарный станок производства московского завода «Красный пролетарий» стоит в Бухте Тихой и сейчас), будкой ветродвигателя, мачтой самого ветродвигателя с лопастями, а также антенным полем из трёх-четырёх деревянных антенн, закреплённых анкерами.

Каждая полярная станция – памятник не только науки и техники, но и поколениям зимовщиков, труд которых сейчас позволяет учёным рассуждать об изменениях климата. Поэтому эти объекты, все без исключения (всего их около 120), включены нами в число охраняемых объектов первой очереди, независимо от их сохранности и длительности существования.

В тёмных углах построек, на потолках, стенах и притолоках, часто таятся уникальные памятные объекты и надписи. Это нацарапанные или вырезанные ножом автографы экипажей промысловых судов (д. Восточная Камбальница, п-ов Канин, 1933), зимовщиков полярных станций (гидролог «В. Н. Рюмин, 4/VIII-50 г.», бухта Тихая), надписи суриком сосланного латыша Карла Карловича Берзкала на потолочных балках развалин избы Западное Голомо («Карлова» изба) под Диксоном (1940-е), выцарапанные на камнях (содран лишайниковый покров) буквы и цифры «ЖИТК 1928» аварийного экипажа шхуны «Профессор Житков» (бухта Полярный восточнее Диксона) и т. д.

Обширная коллекция (около 150) надписей оставлена мореходами на камнях маленького острова Большой Аникиев у северо-восточной оконечности п-ва Рыбачьего. По ним можно составить представление о национальной принадлежности, именах кормщиков и сроках навигации в XVI – начале XX вв. в южной части Баренцева моря.

Другая коллекция находится внутри самой старой постройки на Земле Франца-Иосифа – «дома Эйры» на о-ве Белл. Экспедиция Б. Ли-Смита 1880 г. строила его как резервный в случае зимовки, и в нём никто не жил длительное время. Дощатые стены покрыты скромными карандашными автографами самого Б. Ли Смита, доктора У. Г. Ниля, капитана У. Лофли, натуралиста В. Гранта (1881 г.), Ф. Джексона и его товарищей (1895–1897 гг.), участников второй советской экспедиции на ледокольном пароходе «Г. Седов» (1930 г.) – Р. Л. Самойловича, капитана В. И. Воронина, журналиста Б. Громова, писателя И. С. Соколова-Микитова и др. В 1950–1960-е гг. размер автографов увеличивается, и одна из стен пересечена жирной надписью чёрной краской: «Привет всем, всем, всем Чумичкин Борис, 1955 г.». Её оставил участник одной из гидрографических экспедиций, которые в 1950-х гг. составили современные навигационные карты архипелага. Есть и более новые надписи. Данный массив необходимо изучить и издать в виде фотоальбома с комментариями, ведь к стенам прикасалась рука многих достойных героев-полярников.

Бывают и иные хранилища автографов. На задней стенке одного из жилых домов роты ПВО на Земле Александры до недавнего време-

ни сохранялись процарапанные на штукатурке десятки надписей служивших здесь в 1960–1994 гг. солдат срочной службы. Иногда это имя, фамилия и год демобилизации, те самые знаменитые «ДМБ», другие содержат название родного города. Надписи сохранялись более полувека, и сотрудники Национального парка «Русская Арктика», разрабатывая концепцию историко-экологического музея «Жизнь Советской Арктики», предлагали сохранить этот дом. Но постройки старой базы ПВО безжалостно снесены в 2014 г. в связи с новым строительством, и память о солдатах-соотечественниках, которые достойно несли тяжёлую службу на северных рубежах, навсегда утрачена.

Интересный набор автографов сохранился на фюзеляжах аварийных самолётов на о-ве Гофмана и на Земле Александры у мыса Мэри Хармсуорт. Первый включает надписи 1960-х гг., например: «Савва Ф. Н. Призывался 1957 сюда прибыл в 1958 г. служил по 1960 г. писал 7 июня 1960 г. кто прочтёт прошу вас писать дальше»². Неужели им предстоит уйти на переплавку как цветной металл?

Надписи на корпусе одного из ранних Ан-2, произведённых в Киеве в 1951 г. (первый полёт серийной «аннушки» – 1949 г.), охватывают период с 1960-х по 2000-е гг. Они оставлены преимущественно сотрудниками научного стационара Акустического института АН СССР и экипажами вертолётов.

Столь же ценные памятники – комплекс разновременных захоронений, образующих *арктический некрополь*. Эти объекты хранят память о тружениках и страдальцах, героях и романтиках, первопроходцах и «рвачах», т. е. обо всех тех, чьим трудом, потом и часто здоровьем и/или даже жизнью заселялась и осваивалась Российская Арктика.

Древнейшие памятники арктического некрополя – безымянные захоронения, число которых неизвестно. В западной, более населённой части Арктики и на побережье арктической Чукотки возраст таких захоронений, по археологическим данным, достигает нескольких тысяч лет. На кладбищах у старых поселений находятся захоронения обычно не древнее конца XIX в. Исключение – чудом сохранившаяся могила В. В. Прончищева и его жены Татьяны в селе Усть-Оленёк. Они погибли не совсем ясным образом в сентябре 1736 г. в самом начале зимовки. Захоронение было практически утрачено, найдено А. Л. Чекановским в 1875 г. В 1999 г. могилу исследовала экспедиция клуба «Приключение». Несмотря на аргументированные сомнения

2. Орфография надписи сохранена.

в аутентичности захоронения именно Прончищевых³, ценным памятником истории и культуры оно, безусловно, является.

Среди захоронений периода колонизации 1910–1930-х гг. – могилы участников экспедиций и зимовок, погибших в силу разных причин – в основном от болезней, аварий и несчастных случаев. Список захоронений данного типа огромен, и на карте пока отражена лишь небольшая их часть. Ценность и важность арктического некрополя как объекта историко-культурного наследия не является предметом дискуссии, она очевидна.

Фрагменты некрополя часто приурочены к окрестностям бывших и нынешних поселений, естественное продолжение которых – современные кладбища. Наличие кладбищ – одна из причин, почему мы включили в состав объектов наследия многие арктические *посёлки*, образовавшиеся как тысячи (Наукан, Уэлен, Чаплино, Эквен и др.), так и сотни (сёла Кузомень, Чапома, Варзуга, Унежма, Ворзогоры и др., образовавшиеся в XV–XVII вв., г. Салехард, сёла Пустозёрск, Походск, Русское Устье, Казачье и др.) и даже десятки лет назад (многочисленные горно-промышленные поселения советского периода). Из числа памятников исключены газовые и нефтяные промысловые посёлки, компрессорные станции, установки комплексной подготовки газа (УКПГ) и иные объекты нефтегазового комплекса, возникшие в 1970–2000-е гг. При этом мы допускаем, что по прошествии времени и они станут памятниками истории и культуры. Но не сейчас.

Тем не менее и здесь есть исключения. Так, в число объектов наследия мы включили посёлок Харасавэй вблизи одноимённого мыса на Западном Ямале. Он был основан в 1976–1977 гг. в результате операции «Ледовый причал», когда транспортные суда под проводкой ледоколов входили весной в припайный лёд и разгружались прямо на него. В результате на пустынном берегу Карского моря возник красивый посёлок Пионерный из двух рядов белоснежных двухэтажных домиков, ставший одной из главных баз освоения Ямала. Надпись на одном из них гласила: «Харасавэй – моя биография». В нескольких километрах от него немного позже вырос огромный пятиэтажный дом – чудовищное строение, опутанное множеством трубопроводов, абсолютно чужеродное для тундры, что тоже отражает специфику освоения.

К категории *военно-исторических памятников* мы относим:

– следы боевых действий (окопы, оружейные дворики, блиндажи

3. Чайковский Ю. В. Мысы Ледовитого напоминают. М., 2015.

и т. п.) и памятники, связанные с их увековечиванием (братские могилы, мемориальные кладбища);

– учебные или подготовленные к обороне позиции, на которых не было боевых действий;

– памятники не вернувшимся с войн землякам, установленные в местах, где боевых действий не было. Число их велико, как были велики, увы, потери;

– брошенные воинские части, установки, позиции, вышедшие из употребления, боевые поля, исполнившие свою функцию (действующие воинские части мы из рассмотрения исключаем, хотя в пределах многих из них находятся объекты некрополя или памятные знаки).

Наверно, не все перечисленные объекты можно и нужно рассматривать как памятники. Но большая часть, на наш взгляд, имеет значительную ценность, т. к. тоже хранит память о людях, а данный критерий для нас решающий.

Множество памятников на местах боёв располагается в бывшем Северном оборонительном районе на п-вах Рыбачий, Средний, Немецкий, где прекрасно сохранились (с учётом действующих 70 лет природных процессов) окопы, блиндажи, землянки, орудийные дворики. Боевые действия продолжались здесь с лета 1941 г. до осени 1944 г. Позиции Красной Армии и Красного Флота на низменной равнине перешейка, отделяющего п-ов Средний от материка, находились в чрезвычайно невыгодных для обороны условиях, насквозь простреливаясь с высот нависающего над перешейком хребта Муста-Тунтури высотой до 262 м. Километры окопов были выстроены под огнём противника в аргиллитах, песчаниках, алевролитах, существенно менее устойчивых, чем граниты, не только к выветриванию, но и к артиллерийскому огню (п-ов Средний). Холодной осенью в окопах стояла вода, а затяжными вёснами верхний слой грунта оттаивал и приходил в движение, деформируя брустверы. Но оборонительный рубеж устоял, став памятником героизму его защитников. Он отмечен несколькими памятниками на братских могилах.

Сложенные из окатанных валунов береговых валов окопы, орудийные и пулемётные дворики обнаружены нами не только в районах Териберки и Дальних Зеленцов на Мурманском берегу Баренцева моря, но и в полуразрушенном виде восточнее Кандалакши на южном берегу Белого моря.

Список военно-исторических объектов в Арктике включает также памятник на месте отражения английского десанта 1854 г.

в поморской деревне Лямца – крест на постаменте из английских ядер. На сопке Южной в посёлке Диксон-материк и на центральной площади островного Диксона стоят памятники обороне в августе 1942 г. от немецко-фашистского «карманного» линкора «Адмирал Шеер». В бою погибли семь моряков со стоявшего в порту ледокольного парохода «Дежнёв». На сопке Южной похоронен и командир батареи, давшей отпор «Шееру», старший лейтенант Н. М. Корняков.

На мысе Желания – северной оконечности Новой Земли, сохраняется несколько орудийных дворики установленной здесь в 1943 г. батареи. От аналогичной батареи на о-ве Русском (архипелаг Норденшельда) остались только фрагменты снарядов, а на о. Нансена – разрушенные временем боевые позиции. Артиллерийская батарея из четырёх орудий охраняет вход в губу Териберка на Мурманском берегу, а в районе Певека на Западной Чукотке сохранилось бетонное укрепление на спланированной бульдозером сопке. Учебные окопы 1950-х гг. на побережье Анадырского лимана, укрепленные брёвнами, существенно изменены солифлюкцией и термоденудацией.

Практически разрушена и разграблена немецко-фашистская база «Кладоискатель» на берегу бухты Северной на Земле Александры (Земля Франца-Иосифа). Её обнаружили только в 1947 г. с борта самолёта ледовой разведки, и первые зимовщики основанной в 1951 г. полярной станции Нагурская ещё жили в доме этой базы. В настоящее время на её месте сохранились только остатки консервов, утвари, обрывки одежды и обуви.

Наиболее сложная для инвентаризации группа объектов – брошенные военные поселения. Таковы, например, посёлки Мыс Скорбевский, Большое Озерко, Западный и Восточный Кильдин, Порчниха на Мурмане – десятки одно – пятиэтажных домов со всей инфраструктурой; брошенные бетонные ВПП, множество капониров и укрытий для самолётов в районе посёлка Октябрьского в центре Кольского полуострова; металлические ВПП трассы «Аляска – Сибирь» в Уэлькале, Сеймчане, Киренске; аэродромные посёлки 1950-х – 1990-х гг. на о-вах Гофмана и Грэм-Белл; тундровый аэродром «Крутая Дресва» в низовьях Колымы; многочисленные роты ПВО 1960-х гг., разбросанные по всем самым дальним островам и побережьям. Как правило, после оставления в 1994–1997 гг. построенные не самым лучшим образом здания казарм, ДОСов (дома офицерского состава) и рабочие помещения за несколько лет превратились в груды развалин, в которых трудно увидеть памятники. Но развалины и сохранившаяся матчасть (антенны, радиоаппаратура, автотракторная техника) хранят память

о наших соотечественниках, достойно несших службу в суровых условиях Крайнего Севера.

Ценными объектами остаются станции радиорелейной связи (ТРРЛ «Север»), созданной в конце 1960–1970-х гг. в самых пустынных уголках страны в сложнейших климатических условиях. Например, станция «Гранат» линии Воркута – Анадырь построена на одной из вершин Шелагского хребта на Западной Чукотке на высоте 910 м в безжизненной каменистой горной арктической пустыне: полная безводность, штормовые ветры и морозы под 50° зимой, частые туманы летом за счёт преобладания низкой облачности, изоляция от остального человечества.

Станции ТРРЛ числом 46, скомпонованные в семь линий, работали более 30 лет и закрылись к началу нового века с появлением новых технологий. Часть оборудования до сих пор украшает вершины сопок от Кольского полуострова («Канва», Оленегорск) до Чукотки («Орёл», Сиреники).

Группа многочисленных *промысловых и промышленных* памятников отражает историю колонизации арктического побережья. Они объединены нами в одну категорию, т. к., несмотря на кажущуюся разницу в характере и объёме основной деятельности, совпадает их главная цель – использование природных ресурсов для извлечения прибыли.

Колонизация началась в западной Арктике в XI–XII в., когда первые промышленники достигли побережий Белого моря. В поисках новых угодий охотники и рыболовы постепенно проникали далее на восток, пока в начале XVII в. не достигли низовьев Енисея и Западного Таймыра. Самый доступный участок – побережье от нынешнего посёлка Диксон до устья р. Пясины, которая уже тогда славилась небывалыми рыбными ресурсами, покрылось сетью зимовок, располагавшихся на расстоянии 12–40 км друг от друга. Отдельные промышленники достигли и более северных районов, самое северное зимовье в середине XVIII в. располагалось в устье р. Нижней Таймыры. Избы и становища отделялись друг от друга расстояниями, необходимыми для поддержания промысла на должном уровне. В конце века количество промышленников резко сократилось, и к началу XIX в. побережье Таймыра практически обезлюдело.

На Ямале наличие многочисленных местных жителей не способствовало организации крупного промыслового «колониального» хозяйства, поэтому размеры колонизации полуострова были значительно меньшими, чем на Таймыре, где имелись громадные пространства «ничьих» охотничьих угодий. Первые промысловые «точки» были

организованы на самом севере – на о. Шокальского, в заливе Гыдаям, на северо-восточном Гыдане, где численность местных жителей была существенно меньше. Южнее для обмена продукции промысла местного населения на нужные ему товары строились фактории.

Наступление XX в. ознаменовалось интенсивным ростом населения Севера. Сильно увеличился объём рыболовства в Енисейском заливе, достигнув в 1913 г. 2500 т. Енисейские рыбопромышленники интенсивно развивали крупнотоварное рыболовство, каждый год весной завозя артели рыбаков на «пески» (рыболовные угодья, тони), а осенью забирая их вместе с уловом. Постепенно промышленники из Южной Сибири и Центральной России поднимались на север, строя новые и новые промысловые избы и становища. Часто они ставились рядом с развалинами брошенных зимовий XVIII в. Схема расселения осталась прежней – зимовки располагались на определённом расстоянии друг от друга, не изменились и объекты промысла – песок и рыба.

Процесс колонизации Таймыра усилился после победы Советской власти в Сибири. Основанный в 1918 г. правительством Колчака Комитет северного морского пути («Комсеверпуть») фактически продолжил работу и после смены власти. Каждый год Карские экспедиции вывозили из Сибири сырьё, в том числе лес и продукцию зверобойных промыслов, снабжая сибиряков машинами и орудиями. Построенная в 1915 г. и начавшая регулярную работу в 1916 г. полярная станция на о. Диксон стала центром освоения Таймыра, а затем – столицей Советской Арктики. Наличие радиосвязи, фельдшера, регулярный заход судов и снабжение продовольствием и предметами первой необходимости обусловили быстрый рост промысла на побережье от Сопочной Карги до устья р. Пясины, а позже и до мыса Челюскин и Восточного Таймыра, где промысловая артель С. П. Журавлёва появилась в бухте Прончищевой в 1933 г. и за несколько дней истребила лежбище моржей.

В 1928 г. «Комсеверпуть» преобразовали в торгово-промышленно-транспортный комбинат⁴, перед которым поставили задачу организации крупнотоварного рыбного и зверобойного промысла на севере Сибири. Началось строительство крупного рыбоконсервного завода в Усть-Енисейском порту, научно-промысловые экспедиции на севере

4. Постановлением Совета Труда и Оборона от 15 июня 1928 г. «Комсеверпуть» был реорганизован в торгово-промышленно-транспортный комбинат под названием Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта «Комсеверпуть» в ведении Наркомата внешней и внутренней торговли СССР.

Ямала, Гыдана и Западном Таймыре разведывали новые богатые рыболовные угодья, где сразу появлялись избушки. Многие из них действовали до самого конца XX в., когда большая часть промысловых изб и рыботочек была брошена и сейчас разрушается.

Мощный подъём промыслового хозяйства в Арктике связан с организацией в декабре 1932 г. Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), которое было призвано обеспечить всестороннее развитие северных окраин СССР. За несколько лет численность населения Арктики увеличилась в несколько раз, возникло множество поселений – порты, аэродромы, геологические базы, полярные станции, фактории, крупные промысловые посёлки (ПОСы – промыслово-охотничьи станции), ставшие центрами целой сети более мелких зимовок.

Разделить действительно ценные объекты, например, построенные в первой трети XX в., избы плотника С. Лемберова или ещё более древнюю Чай-поварню около Святого Носа от охотничьих балков 1970–1980-х гг. не всегда возможно без натурного обследования. Поэтому на карту попали лишь хорошо известные автору по непосредственным впечатлениям либо по литературным данным объекты, единичные промысловые избы и/или становища, оставившие след в освоении Арктики.

Ещё более сложная проблема – с промышленными объектами. На Севере горные разработки начались в средневековье. Первый горный район, т. е. район массовых проходческих и добычных работ, – это северо-западное Беломорье, где в XV–XVI вв. появился Чупинский слюдяной промысел на Карельском берегу. Экспортная светлая слюда, названная мусковитом по месту добычи (в Московии), успешно конкурировала со стеклом. Добыча велась в штольнях вдоль жил и в шахтах, самая глубокая из которых – Дедовская шахта, разрабатывавшаяся более 100 лет, достигла глубины 50 м. До нашего времени сохранились и сама шахта, и отвальные поля.

В середине XVIII в. архангелогородец Фёдор Прядунов организовал шахтные горные работы на о-ве Медвежьем в Кандалакшском заливе, где добывал серебро, и первую добычу нефти в районе Ухты. На Медвежьем до сих пор сохранились залитые водой стволы девяти шахт глубиной до 65 м со многими горизонтальными штреками и отвальные поля площадью сотни квадратных метров. Первые самородки были найдены на острове в 1669 г., промышленная добыча шла недолго, но удалось найти крупные самородки, а окончательно рудник был заброшен в 1883 г. В Ухте Прядунов добыл 220 т нефти – примерно треть всей русской нефти XVIII в., но следов от его построек

не осталось. Добыча нефти разорила его, и умер основатель отечественной нефтяной промышленности в долговой яме.

В конце XVIII в. на Новосибирских о-вах началась добыча мамонтовой кости. Она продолжается до сих пор, охватывая в разные периоды разные площади в зависимости от уровня социально-экономического развития села Казачьего на Яне, нижнеленского Булуна, Тикси и Чокурдаха.

К концу 1920-х гг. за Полярным кругом появилась мощная горно-рудная промышленность, следы которой, несмотря на последующую ликвидацию, сохраняются до сих пор – на о-ве Вайгач (1929–1936 гг.), в районе Амдермы (1936–1955 гг.), на Нордвике (1933–1960 гг.), во многих районах Северной Якутии и Чукотки (1930–1990-е гг.), которые включены в список ценных объектов наследия.

Необходимо упомянуть также ещё две категории памятников, ценность которых несомненна, почему они включены в каталог по умолчанию:

- мемориальные (полевые лагеря, суда, склады, зимовья и иные следы арктических экспедиций, лагеря ГУЛАГа, памятники, установленные в честь тех или иных людей и событий позже, чем они произошли);
- гидрографические (в первую очередь маяки и навигационные знаки). Многие маяки, даже давно выведенные из эксплуатации, – ценнейшие объекты, имеющие ещё и важную инфраструктурную роль как ориентиры.

Работа над составлением полного каталога памятников, число которых, по нашим оценкам, достигает несколько тысяч, продолжается.

Включение перечисленных объектов в состав ООПТ может существенно повысить их статус, т. к. будет способствовать, при разумной организации дела, как лучшему учёту, инвентаризации и сохранности памятников, так и увеличению их познавательной и общекультурной ценности, способствуя привлечению интересующихся естествоиспытателей и туристов.

Историко-культурное наследие Арктики практически безбрежно, это одно из главных богатств региона, может быть, даже более ценное, чем полезные ископаемые, разработка месторождений которых приводит к исчезновению не только отдельных памятников, но и целых исторических слоёв.

Работы поддерживались Всемирным фондом дикой природы (WWF России), НП «Русская Арктика», Госзаданием Лаборатории геоэкологии Севера МГУ по теме «Геоэкологический анализ и прогноз динамики криолитозоны Российской Арктики».

СИЛИН В. И.

Две похожие непохожие судьбы.
О сохранении деяний писателя
К. Д. Носилова и художника-
писателя А. А. Борисова¹

SILIN V. I.

Two similar and dissimilar fate. About the heritage
of the writer K. D. Nosilov and the artist-writer
A. A. Borisov

Сведения об авторе:

Силин Владимир Иванович, доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Author:

Silin Vladimir Ivanovich, doctor of Geographical Sciences, chief scientific researcher of Sector of Ethnography of the Institute of Language, Literature and History, Komi SC URD RAS, Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Аннотация:

В статье рассматриваются проблемы сохранения деяний писателя К. Д. Носилова и художника-писателя А. А. Борисова, посвятивших своё творчество и свои жизни освоению Русского Севера. Подчёркивается общность основных моментов их судеб, направленных на развитие и изучение северных территорий. Определяются возможные пути сохранения памяти о жизни и творчестве патриотов Арктики.

Abstract:

The article deals with problems of preservation of the acts of the writer K. D. Nosilov and artist-writer A. A. Borisov who devoted their creative work and their lives to

1. Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» грант 14/2015-Р «Комплексная Печорская экспедиция».

mastering of the Russian North. The author emphasizes the common moments of their lives, their ideas of developing and exploring the Northern territories. Also he describes all possible ways of preserving of the memory about the patriots of the Arctic.

Ключевые слова:

Арктика, полярная культура, Новая Земля, живопись Арктики, писатели Севера.

Keywords:

Arctic, Arctic culture, Novaya Zemlya, paintings of the Arctic, the writers of the North.

XIX век – подготовка к великим географическим исследованиям полярных областей, начало XX в. – «золотое» время для исследователей Крайнего Севера и Юга. В это время было создано очень большое количество описаний путешествий на Новую Землю, в Арктику и Субарктику. Многие описания путешествий сейчас принято называть беллетристической. Литераторами часто они воспринимаются как «второстепенная» литература, не включающая в себя взгляд писателя на процессы и сюжет произведения.

В статье рассматривается деятельность двух писателей, описания путешествий которых вошли золотыми монетами в копилку арктических произведений. Такие исследования и биографии исследователей совершенно необходимо рассматривать как культурное наследие прошлого времени, стремиться к популяризации героических судеб людей, которые принесли нашей стране славу и перспективу. На примере жизни и творчества Константина Дмитриевича Носилова (29.10.1858–03.02.1923) и Александра Алексеевича Борисова (14.11.1866–17.08.1934) автор статьи хотел бы обратить внимание на проблему сохранения их творчества. К. Д. Носилов один из первых писателей, посвятивших своё обширное творчество описанию жизни народов Севера: самоёдов, зырян, остяков, хантов. Его творчество основано на прекрасном знании реального образа жизни аборигенов Севера. Сейчас многие его произведения, помимо их литературных достоинств, могут рассматриваться и как научный исторический и этнографический материал. А. А. Борисов – один из первых в мире арктических пейзажистов, первый из художников поехал на зимовку в Арктику не только для научных исследований, но в первую очередь для того, чтобы людям показать прелесть снежных просторов, вечных гор, бескрайних льдов. Пребывание каждого из наших героев на зимовках на Новой Земле обогатило культуру Севера, науку своими произведениями, в топоним-

мическом поле остались десятки названий в честь художников, историков, деятелей культуры.

Могут ли быть похожи судьбы людей, живших в разное время, в разных местах, занимающихся различными делами? Сразу хочется ответить: «Нет». Но чем больше я знакомился с биографиями и творчеством этих двух людей, тем сильнее у меня было ощущение их ближайшего сходства. Со временем меня стала не оставлять мысль, что на примере этих двух творческих личностей я вижу целый пласт русского талантливейшего люда, вышедшего из простого народа благодаря своему таланту, деловым и творческим способностям и, к сожалению, потерпевшего крушение...

В 1858 г. в с. Маслянское Шадринского уезда в семье священника родился Костя Носилов². В 10-летнем возрасте был отдан на учёбу в Далматов монастырь. Приблизительно в это время (2 ноября (ст. стиля) 1868 г.) в д. Глубокий Ручей Вологодской губернии Сольвычегодского уезда на берегу Северной Двины родился Александр Борисов. В 15-летнем возрасте А. Борисов оказался в Соловецком монастыре. В 1877 г., не окончив курса, К. Носилов вышел из Пермской духовной семинарии. Затем служба на Богословских заводах, первые попытки проведения естественнонаучных опытов, первые пробы пера на журналистском поприще.

Прямой путь в искусство был у А. Борисова – после Соловецкого монастыря послушничество в Александро-Невской лавре и учёба в школе Общества поощрения художеств³. В 1895 г. А. Борисов сдаёт экзамен по научным предметам и поступает в ученики Академии художеств, в 1897 г. заканчивает Академию и предпринимает ряд интересных путешествий на Север. Начинается самостоятельная жизнь, полная приключений, подъёмов, неудач, славы и долгой памяти благодаря оставленным трудам.

Первая поездка на Северный Урал К. Носиловым была осуществлена в 1879 г. «Целью этой поездки было произвести наблюдения этнографические, геологические, географические, исследовать вопрос о возможности судоходства по данным рекам (Сосьве, Лозьве, Ляле. – А. О.), что я считал единственным толчком для развития упадающей горной промышленности Севера, собрать ботанические и зоологические коллекции», – писал К. Д. Носилов⁴. Зимой 1882 г. он представляет в Русское географическое общество (РГО) проект путешествия на Северный

2. Омельчук А. К. Носилов. Свердловск, 1989.

3. Мунин А. Александр Борисов (К 100-летию со дня рождения). Вологда, 1967.

4. Омельчук А. Указ. соч. С. 28. В скобках - уточнение А. Омельчука.

Урал и получает поддержку. Его разнообразные занятия на Северном Урале и написанные по материалам экспедиции многочисленные очерки и статьи быстро делают его популярным исследователем и путешественником. Он проводит опыты, выявляя возможность разводить овощи на Севере (впервые для этого края), исследует возможности устройства транспортных путей через Урал, в частности, помогает А. М. Сибирякову в устройстве Сибиряковского пути, соединившего на некоторое время бассейны рек Оби и Печоры.

Во время этих путешествий К. Д. Носилов становится знатоком не только географии Северного Урала, но и знатоком жизни, быта, промыслов местного населения, и здесь начинается его серьёзная литературная деятельность – в 1884 г. в типографии А. С. Суворина выходит его труд «С Оби на Печору». У К. Д. Носилова возникает непреодолимое желание поделиться с другими людьми своими впечатлениями, привлечь внимание к инородцам Севера, попытаться раскрыть их своеобразный и непонятный для многих европейцев внутренний мир.

В 1885 г. К. Д. Носилов делает в РГО доклад о проекте рельсового пути через Северный Урал, а в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии докладывает об этнографических особенностях вогулов (манси), на заседании Вольного экономического общества он рассказывает об опытах посева хлеба и овощей на Северном Урале.

Первое крупное путешествие на Север А. А. Борисов осуществил в 1894 г. на Мурманское побережье. Здесь он познакомился с некоторыми чиновниками, оказавшими впоследствии ему материальную помощь в учёбе и снаряжении последующих экспедиций, здесь он впервые попробовал силу своей кисти, и здесь начался его успех как живописца Севера.

Объединяющим в творчестве К. Носилова и А. Борисова, наверно, надо считать их деятельность на Новой Земле. В июне 1887 г. К. Д. Носилов отправляется на пароходе «Великий князь Владимир» из Архангельска на Новую Землю, где проводит несколько зимовок. В журнале «Вокруг света» в 1889 г. было опубликовано сообщение об открытии К. Носиловым трёх островов, доселе неизвестных. Но гораздо ценнее, чем его научные заслуги на Новой Земле, его творческие успехи. Основу его литературных произведений составили наблюдения за образом жизни местного населения – самоедов Новой Земли. В 1895 г. в журнале «Русская мысль» выходит его интереснейшее произведение – «История одного самоеда». В небольшом рассказе ему удалось на примере самоеда Фомы Вылки рассказать о жизни этого, тогда очень загадочного, племени. Ему удалось показать необыкновенной силы переживания, испыты-

ваемые северными жителями в обыденной, очень трудной жизни. Поражает любовь К. Носилова к героям своих рассказов и книг, полнейшее его понимание людей, проповедующих совершенно другой образ жизни и мыслей, а также громадная любовь автора к северной природе.

До К. Д. Носилова Крайний Север, каковым является Новая Земля, не знал таких красивых, поэтических изображений в русской литературе: «Каким мертвым показался Фоме этот остров! Чёрные скалы, изрезанный, высокий, каменистый берег, где ещё лежат подбитые океанскою волной лёд и снег, серая, волнистая тундра, с однообразным мохом, и ни одного звука в воздухе, ни одного движения на равнине. Фома попал в пустынную бухту... Сколько чудес насмотрелся Фома в короткое, светлое полярное лето! Он видел, как светлы, как роскошны там летние зори, как солнце в полночь спускается к горизонту моря огромным красным огненным шаром, как тихо оно плывёт над ним в розовом тумане, освещая и горы, и острова, и плавучие льдины, и чёрные, бесприветные скалы берегов розовым светом, чтобы снова затем подняться выше, даже не коснувшись горизонта моря. А как тихо, как спокойно в такие летние ночи!»⁵ Как надо любить Север, чтобы так писать!

Первое путешествие на Новую Землю А. А. Борисов осуществил в 1896 г. Это путешествие глубоко запало в душу художника, ему захотелось поближе узнать этот край, провести некоторые географические наблюдения, что впоследствии и было сделано. «Но главная задача моя была художественная: мне хотелось написать целую серию картин и показать всему свету те необычайные красоты загадочного полярного мира. Мне хотелось похитить его молчаливую тайну и поделиться ею с другими широкими кругами. До сих пор созерцали этот таинственный волшебный мир только одни путешественники, которые нередко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно!.. Но можно передать пером эту дивную сказку заснувшей или, быть может, навеки умершей природы. Можно плакать, молиться, стоять на коленях перед этим дивным творением Бога, но написать невозможно!»⁶

Безграничная любовь к Северу делает творчество А. А. Борисова и К. Д. Носилова очень похожим, только первый выражает свои чувства на холсте, а второй – пером на бумаге. Сила их произведений может оцениваться по-разному, но, мне кажется, они поняли некоторую философскую основу существования народов Севера, возможно,

5. Носилов К. Д. История одного самоеда (Из путевых впечатлений) // Русская мысль. 1895. Кн. 4. С. 61.

6. Борисов А. А. У Самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб., 1905. С. 6.

которая заключается в равном принятии добрых и злых красок жизни, живого и мёртвого начала, смиренного и пассивного отношения к природе и жизни.

Неслучайно архимандрит Вениамин – миссионер, крестивший самоедов Большеземельской тундры в 1825–1830 гг., перечисляя нравственные начала языческой самоедской веры, отмечал в первую очередь два правила, которых придерживались язычники: «1. Веруй в Вышнего бога и почитай его; 2. Веруй в дьявола и умилостивляй его, чтобы не приключилось от него какой-нибудь беды...»⁷ Интересен следующий отрезок из работы К. Д. Носилова: «Уйдёт семейство, и с ним, кажется, скроется всё, о нём никто не заботится, никто не знает, где оно бродит, и пропади оно, только, может быть, через год о нём станут поговаривать другие самоеды: “Что это не видать таких-то, должно, померли от цынги” – и только. Таковы самоеды; их не удивит исчезновение и целой семьи, они знают, что и им, может быть, предстоит такая же участь, что и их также никто не будет разыскивать по острову, как какую-нибудь блюдающую собаку»⁸.

И если проанализировать и картины и письменное творчество А. А. Борисова, там тоже видно совместное существование двух вечных стихий – жизни и смерти: «Погода – туман непроглядный. Ох, уж эти полярные туманы! Они наполняют душу путешественника какой-то тоской, каким-то отчаянием. Они покрывают все своей таинственной пеленой, как бы желая скрыть далёкие неведомые края от пытливых взоров человека. Тебя как будто живым положили в могилу, из которой веет сыростью и холодом. И, как ни старайся раздвинуть эти гробовые стены, усилия твои напрасны. Беги вправо, влево, дальше, всё тот же туман, та же непроницаемая могильная стена и смерть. Ни одного звука во время этого убийственного тумана. Как будто бы смерть спустилась на эту забытую Богом область и внезапно осенила её своим страшным покровом»⁹. И всё же земля Севера магнитом притягивала и сто лет назад, и сейчас сильных и романтических людей.

В 1897 г. А. А. Борисов путешествует по Большеземельской тундре, посещая с. Усть-Цильму, Пустозёрск, о-в Вайгач. Создает большое количество эскизов, тренирует себя для длительной зимовки на Новой Земле. В 1899–1900 гг. он с помощниками проводит зимовку на Новой Земле, пишет множество картин, проводит с риском для жизни раз-

7. Архимандрит Вениамин. Самоеды Мезенские // Вестник ИРГО. 1855. Т. 14. Кн. 3. С. 77–140.

8. Носилов К. Д. Указ. соч. С. 57.

9. Борисов А. А. Указ. соч. С. 85.

личные географические наблюдения, с тех пор многие географические объекты носят на Новой Земле имена учителей и друзей А. А. Борисова: мыс Репина, Шишкина, Куинджи, река Суворина, ледник Третьякова. На карту был А. А. Борисовым нанесён и ручей Носилова, что говорит о большом уважении, которое питал к этому путешественнику художник. Впоследствии на Новой Земле появились горы Носилова, полуостров Борисова. Так этим путешественникам была выражена признательность потомков за их нелёгкий благородный труд.

Интересным и важным является то, что поездки А. Борисова и К. Носилова на Новую Землю были совершены в разное время, но практически в одном возрасте – около 30 лет – возрасте становления и самоутверждения личности, оценки своих возможностей и своего места в жизни.

Уже первые шаги обоих исследователей на поприще изучения Севера привели и того и другого к практической стороне реализации своих планов. Видя огромный экономический потенциал Севера, исследователи не могли не предпринять практических шагов по реализации этих возможностей, а самым важным условием развития этого Богом забытого края было и остаётся установление надёжных транспортных путей, по которым можно было бы вывозить материалы промыслов, осуществлять торговые операции и т. д.

Первые попытки улучшить транспортное сообщение на Северном Урале предпринимает К. Носилов во время своей поездки на Северный Урал, где помогает А. М. Сибирякову по устройству санного пути с Оби на Печору, правда, здесь его деятельность рассматривается неоднозначно. И. С. Левитов, описывая постройку этого пути и экспедицию А. М. Сибирякова с Печоры на Обь, пишет: «В 1884 г. при переходе через Волок из Оранца в Ляпино ему (Сибирякову. – В. С.) предлагал услуги г. Носилов, который, не зная дороги, сбил проводников и его самого, и они спутались. Во время путешествий из Оранца Носилов завёл в такое болото, что олени не держались. В 1885 г. Носилов опять сопровождает Сибирякова уже новым путём по волоку, от Щугора к Ляпину, и точно также сбился. Г. Носилов оказался много говорящим, но мало знающим. Путь, наконец, от Щугора до Ляпина оказался самым удобным для провоза западно-сибирских товаров на Европу»¹⁰. Кто работал когда-нибудь в горах Урала, понимают, как трудно здесь провести караван, особенно в зимнее время. В 1885 г.

10. Левитов И. С. Сибиряковский тракт на Север // Неделя. 1887. Вып. 28–30 (доклад, читанный на общем собрании Уральского общества любителей естествознания 12 июня 1887 г.). С. 231.

К. Д. Носилов докладывает на заседании РГО о проекте рельсового пути через Северный Урал, впоследствии этот проект получил широкую поддержку и рассматривался как серьёзный транспортный путь в начале века. О. В. Маркграф писал в 1900 г.: «Я исследовал направление от Архангельска к Берёзову, через Щугорский волок Урала, которым пересекается река Ляпин у Сибиряковской пристани, считая эту линию, длиной около 1250 вёрст, наиболее соответствующей интересам Государства»¹¹. В 1908 г. на Щугорский волок для изучения возможности устроить здесь путь из Сибири в Европу совершил поездку Вологодский губернатор А. Н. Хвостов с чиновниками¹².

А. Борисов необходимость устройства транспортных путей на Севере осознал во время поездки в низовья реки Печоры. Рассуждая о неразумно организованном в тундре хозяйстве, он пишет: «Стоит только провести железную дорогу от р. Оби к Медынскому завороту, и тогда вся Азиатская тундра придвинется к Европе, а богатство тундры – олени – будут в высокой степени полезными европейцу»¹³.

Есть ещё объединяющее начало у наших двух героев – они оба были противниками Северного морского пути и предлагали каждый свой путь решения транспортной проблемы. Необходимо отметить, что в начале века А. Борисов становится очень популярным художником, его выставки проходят в Вене, Мюнхене, Праге, Париже, Нью-Йорке и т. д. Значительными тиражами выходят и книги К. Д. Носилова. Материальное положение наших героев достаточно устойчивое. И всё же проблема транспортного устройства наших российских окраин становится главной задачей и смыслом жизни А. Борисова и К. Носилова.

Д. М. Пинхенсон писал, что «считая Карское море неудобным для регулярного мореплавания, К. Носилов предложил оборудовать обходной сплошной речной путь от мыса Каменного в Обской губе к мысу Марре-Сале на западном побережье п-ва Ямал». Около последнего пункта намечалось построить морской порт. Речной путь общей протяжённостью около 200 верст, по которому в старину русские мореходы плавали в Мангазею, предполагалось проложить через реку Юрибей и ряд озёр. Возможность использования такого пути была подтверждена экспедицией Русского географического общества под руководством Б. М. Житкова в 1908 г. Это начинание в 1914 г. получи-

11. Письмо действ. чл. об-ва О. В. Маркграфа в Совет РГО // Известия ИРГО. 1900. С. 560.

12. Бессонов Б. В. Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб., 1909.

13. Борисов А. А. Указ. соч. С. 26.

ло поддержку правительства. Для устройства и эксплуатации речного пути через Ямал (с окончанием оборудования его в 1918–1920 гг.) было организовано специальное товарищество, которое рассматривалось как совместное англо-франко-русское предприятие. Помимо транспортных целей (вывоз сибирского сырья), товарищество имело в виду эксплуатацию природных богатств Севера. Носилов и его компаньоны настойчиво пропагандировали идею учреждения срочного пароходства «Тюмень – Лондон». В 1916 г. ими была предпринята экспедиция на Ямал под руководством Эльпорта для подробного исследования будущей трассы, но попытка «выключить» большую часть Карского моря из морского пути в Сибирь, встретившая кое-где сочувствие, ни к чему не привела¹⁴.

Не менее активную деятельность по устройству путей на Севере предпринимал и А. А. Борисов. В начале века А. А. Борисов, не поддерживающий Карский морской путь, отстаивает вариант водного пути из Сибири по направлению через Северную Сосьву – Илыч на Печору – Вычегду – Сев. Двину и Архангельск. «Позднее художник А. А. Борисов выдвинул идею соединения Обского бассейна не с Архангельском, а с Мурманском в направлении Обь – Котлас – Сорока. Расходы на изыскательские работы по намечавшейся Борисовым трассе принял на себя норвежский финансист Э. Ганновек, намеревавшийся извлечь из этого предприятия большие выгоды. Как указанные, так и многие другие проекты оказались неосуществлёнными»¹⁵. Первая мировая война и революция 1917 г. отодвинули планы наших героев. Эти годы принесли кардинальные изменения в жизнь К. Д. Носилова: он покидает свой дом близ Шадринска и уезжает сначала к родственникам в Усть-Каменогорск, затем переезжает в Гагрский район, село Пиленково, где в 1923 г. заканчивается его сложная, противоречивая и интереснейшая жизнь. М. И. Белов пишет: «Ещё летом 1918 г. со стороны уполномоченных норвежского банка братьев Ганновек, художника А. А. Борисова и профессора В. М. Воблого поступило предложение соорудить на концессионных началах северную железную дорогу по линии: река Обь – Котлас – Сорока – Мурманск, проект которого получил название “Великого северного пути”. Концессионеры просили предоставить им исключительное право на эксплуатацию лесных массивов в бассейнах рек Оби и Печоры площадью до 8 миллионов десятин. Проект “Великого северного пути” обсуждался в высших инстанциях,

14. Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма // История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1962. Т. 2. С. 403–404.

15. Там же. С. 373.

в частности, в подкомиссиях и комиссиях ВСНХ». В результате всех обсуждений и обещаний проект не сдвинулся с места. В 1928 г. Борисов с компаньонами снова поднимает вопрос о Великом Северном железнодорожном пути и в 1931 г. терпит окончательное фиаско, правительство отдаёт предпочтение варианту Северного морского пути¹⁶.

Последняя художественная выставка А. А. Борисова состоялась в Москве в 1930 г. и была достаточно тепло принята зрителями и художниками. В 1934 г. Александр Алексеевич скончался от паралича сердца. Как пишет А. Мунин, «архивы Борисова с личными бумагами и перепиской, к сожалению, большей частью погибли. Бесследно исчезла и библиотека... Вместе с архивом погибли и многие альбомы с рисунками художника»¹⁷.

Мне кажется, что деятельность Константина Дмитриевича – талантливый и самобытный писателя и Александра Алексеевича – художника, воспевавших красоты и своеобразие природы и людей Крайнего Севера, всё же не получили должной оценки. Их деятельность оценивается как очень значительная, только когда начинаешь рассматривать их поступки и дела с позиций развития всего нашего Севера. Именно благодаря людям с такой энергией, энтузиазмом, талантом мы двигаемся небольшими шагами по пути развития цивилизации на Севере. Сейчас не многие читали книги наших героев, но их деятельность необходимо сохранить и популяризовать. Первое, что предложил бы автор, как можно в большем объёме разместить в Интернете их богатое наследие. Большинство работ авторов размещается в очень редких сейчас журналах, как научных, так и популярных. Много картин и этюдов А. А. Борисова утрачено, многие сохранились в различных музеях и хранилищах, их тоже необходимо разместить на сайте с его литературными произведениями. Сейчас в образовании происходит разлад – декларируется одно, на факте производится другое. Практически исчезли курсы краеведения (североведения, родиноведения и т. д.), как в школах, так и в вузах, уменьшается количество часов по географии и др. Не преподаётся курс по региональной литературе. Возрождение регионоведения, обращение к творческому наследию К. Д. Носилова и А. А. Борисова может привлечь внимание молодого поколения к проблемам Севера. Это важно для молодёжи, проживающей и в городах Арктического региона, и в центральных районах страны.

16. См.: Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. // История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1959. Т. 3.

17. Мунин А. Указ. соч. С. 87.

ТОТОНОВА Е. Е.

Влияние развития туризма
на сохранение природного и
культурного наследия Арктики
(на примере Усть-Ленского
государственного природного
заповедника)

TOTONOVA E. E.

The impact of tourism development
in the preservation of natural and cultural heritage
of the Arctic (by the example of Ust-Lensky
Nature Reserve)

Сведения об авторе:

Тотонова Елена Егоровна, кандидат географических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета (Якутск)
elena.totonova@mail.ru

Author:

Totonova Elena Egorovna, associate professor of North-Eastern Federal University, Yakutsk
elena.totonova@mail.ru

Аннотация:

Северные регионы России предлагают эксклюзивные туристские маршруты, которые даже при дороговизне своей стоимости стали привлекательными в сложившихся условиях развития глобального туристского рынка. Особый интерес представляют для туристов культура, быт коренных народов и природный потенциал Арктики. В арктических районах Республики Саха (Якутия) созданы и действуют охраняемые территории трёх уровней. Выявлено, что для развития туризма Усть-Ленского государственного природного заповедника нужно

планирование, мониторинг и развитие научно обоснованного подхода для развития туризма.

Abstract:

The northern regions of Russia offer exclusive tourist routes, which even with the high cost of its value became attractive in the current conditions of the global tourist market. Of particular interest is the tour culture, way of life of indigenous peoples and the natural potential of the Arctic. In the Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) created and protected areas are the three levels. It was revealed that the development of tourism Ust-Lensky Nature Reserve should be planning, monitoring and development of the evidence-based approach for the development of tourism.

Ключевые слова:

туризм, Арктика, Якутия, культурные, природные ресурсы, охраняемые территории.

Keywords:

tourism, Arctic Yakutia, cultural and natural resources, protected areas.

В последние десятилетия большую привлекательность для туризма приобретают северные регионы, отличающиеся живописностью ландшафтов, уникальностью природных ресурсов и явлений. На туристских рынках развитых стран изменилась модель потребительского поведения, с преобладанием активного времяпрепровождения на отдыхе. При этом возрастает доля активного туризма и популярными становятся экстремальные туры, экзотические туры в дальние, не изведенные туристами районы.

В России наблюдается рост внутреннего туризма, связанный с геополитическими изменениями, ростом курса иностранных валют по отношению к российскому рублю и другими причинами. Сложившаяся ситуация в мировой экономике подтолкнула к повышению спроса россиян на отдых в ранее не известных отдалённых районах страны. Как правило, это северные регионы России, которые начали предлагать эксклюзивные туристские маршруты, даже при высокой стоимости ставшие привлекательными в сложившихся условиях развития глобального туристского рынка.

Северные и арктические районы Республики Саха (Якутия) начали уделять внимание развитию туризма. Разновидностей приключенческого, экстремального туризма, пользующихся спросом на российском туристском рынке в Республике Саха (Якутия), достаточно

много. В связи с этим появляется потребность детального изучения специфического туристского рынка и его возможностей развития для уменьшения негативных последствий, возникающих больших расходов для нового освоения территорий.

Огромные территории Республики Саха (Якутия) с экологически чистой природой способствовали созданию в 1994 г. системы особо охраняемых природных территорий (Ытык Кэрэ сирдэр). Система особо охраняемых природных территорий республики включает в себя два государственных природных заповедника федерального значения, 125 особо охраняемых природных территорий республиканского значения и 95 местного муниципального значения. Арктическое побережье республики охвачено сетью ООПТ¹.

Арктическо-тундровый район с равнинными территориями, состоящий из горных областей в юго-восточной части, занимает широкой полосой прибрежную часть севера республики и включает территории Анабарского, Булунского районов. Вся островная и северная части побережий района заняты арктическими пустынями (мало освоенные территории с суровым резкоконтинентальным климатом и сплошным распространением вечной мерзлоты). Здесь отчётливо выражены географические зоны арктических пустынь, тундра и северная тайга. Равнинная часть представлена озёрно-аллювиальными равнинами с северо-таёжными ландшафтами, преобладанием озёр, заболоченной местности².

Булунский район является арктическими «воротами» Республики Саха (речной, морской порт, аэропорт). За год в среднем данную туристскую зону посещают 257 туристов, но, кроме этого, существует достаточно большой поток неучтённых туристов, которым не сложно добраться до пос. Тикси авиарейсом по маршруту Москва – Тикси – Москва (рейс выполняется с мая по сентябрь, два раза в месяц по мере наполняемости). Цены на туры колеблются от 40 000 до 120 000 руб.³

Булунский район предлагает туристам наблюдение за птицами в дельте реки Лена (89 видов птиц), индивидуальные туры с вертолётной заброской, сплавленную рыбалку на реках, индивидуальные

1. www.nature.ykt.ru

2. Тотонова Е. Е. Использование опыта развития национальных парков северных территорий Канады в Республике Саха (Якутия): qje.su/regionalnayaekonomikairazvitie/ispolzovanieopytarazvitiyanatsionalnyhparkovsevernyhterritorijkanadyvrespublikesahayakutiya

3. sakha.gov.ru; goyakutia.com

охотничьи туры, круизы, этнографические туры. Спортивно-охотничий и рыболовный туризм предлагают Национальная туристическая компания «Якутия», турфирмы «Арктик-Трэвел», «Сатал». Не меньшим спросом пользуется и возможность посмотреть на северное сияние.

Перспективным видом туризма являются круизные туры, осуществляемые ЗАО «Гостиницы АЛРОСА». В рамках программы круиза на теплоходе «Михаил Светлов» по маршруту Якутск – Тикси – Якутск (14 дней/13 ночей) предусмотрено посещение с. Кюсюр, пос. Тикси (Неелово). Путёвка на данный круизный тур в среднем стоит 80 000 руб., пакет услуг включает экскурсионное обслуживание по всем пунктам маршрута. По оценкам ЗАО «Гостиницы АЛРОСА», в случае принятия мер по созданию инфраструктуры туризма и благоустройству пос. Тикси ежегодный туристский поток может достигнуть объёма до 500 человек за навигационный сезон круизов⁴.

Особый интерес также представляют культура, жизнь и быт коренных народов, способствующие развитию этнографического туризма. Культурный туризм включает в себя все виды туризма, направленные на познавательные и ознакомительные цели, программы такого туризма основаны на знакомстве и изучении культурного и природного наследия человечества во всём разнообразии. Развитие туризма способствует сохранению местной самобытной культуры коренных жителей и традиционного образа жизни. Туристские продукты этнографических туров ориентированы на знакомство с традиционным бытом, народными промыслами, этнической кухней, традициями природопользования⁵. Для увеличения посещаемости используется сочетание разных видов туризма (культурный, экологический) с насыщенной программой и низкобюджетного размещения. Кроме того, такой отдых популярен и среди внутренних туристов.

В своей работе «Espaces touristiques en pays froid» Луи-Эдмон Амлен⁶ отмечает, что культура и быт коренных жителей Севера привлекает и интересуется туристов. Местная культура может предложить туристу не просто смену обстановки, но и другие способы взгля-

4. sakha.gov.ru; goyakutia.com

5. Тотонова Е. Е., Слепцов С. Ю. Современные особенности пространственного развития арктических районов Республики Саха (Якутия) // Экономика и управление. 2014. № 2. С. 19–23.

6. Hamelin Louis-Edmond. Espaces touristiques en pays froid // Teoros. Université du Québec à Montréal. Montréal (Québec). 1999. № 3.

дов на окружающий мир. Дрейфующие льды также являются привлекательным элементом зимнего туризма. Но в большинстве стран с холодным климатом северная туристская индустрия недостаточно развита, и наиболее интересные холодные места мало определены, посещаются крайне редко⁷.

В Арктической зоне Республики Саха (Якутия) созданы и действуют особо охраняемые природные территории всех уровней: от местного до федерального, которые обеспечивают охрану уникальных ландшафтов, растительных сообществ, редких и исчезающих видов растений, животных с учётом традиционного природопользования. Площадь особо охраняемых природных территорий в низовьях Лены (73 650 кв. км) составляет 33% от территории Булунского улуса, или 2,4% от территории Республики Саха (Якутия).

Крупнейший государственный природный заповедник «Усть-Ленский» (расположен в Булунском улусе) создан в 1986 г. в целях сохранения и изучения природных комплексов дельты реки Лена (площадь 1433 тыс. га), одной из крупнейших рек мира. Территория природного заповедника «Усть-Ленский» разделена на два участка: «Дельтовый» (дельта реки Лена, часть бассейна моря Лаптевых) и «Сокол» (северная часть Верхоянской горной системы и реки Лена). Здесь под особой охраной находятся популяции дикого северного оленя, моржа лаптевского, снежного барана, нарвала, нерестилища сиговых рыб, места массового гнездования водоплавающих перелётных птиц. Для изучения и проведения мониторинга биологических ресурсов дельты реки Лена в 1995 г. была создана Международная биологическая станция «Лена-Норденшельд», входящая в число мировых биосферных заповедников (89 видов птиц)⁸. Особенностью Булунского района, где расположен природный парк, является этнография, исторический, культурный потенциал северных народов Якутии.

Для знакомства с природой Арктики в заповеднике предлагают несколько специализированных туристских маршрутов – водно-спортивные на надувных плотках, пешие и лыжные маршруты. Основной мерой туризма в охраняемых территориях является учёт количества посетителей (организованные и неорганизованные), но такие данные государственный природный заповедник «Усть-Ленский» предоставляет только по форме своего отчёта «О результатах деятельности федерального государственного бюджетного учреждения, находящегося

7. Тотонова Е. Е. Опыт развития туризма на Севере Канады. Якутск, 2009.

8. [Http://ustlensky.ru](http://ustlensky.ru)

в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации». В результате органами статистики Республики Саха (Якутия) не учитываются туристы, посещающие Усть-Ленский государственный природный заповедник (табл. 1)⁹.

По данным, предоставленным научным отделом Усть-Ленского государственного природного заповедника¹⁰, до 2014 г. было зарегистрировано 24 экологические тропы. За 2009–2012 гг. Усть-Ленский государственный природный заповедник посетили 590 туристов, из которых 172 – иностранные туристы (табл. 1). Сведения о посещаемости заповедника могут свидетельствовать о приблизительной величине посещений неорганизованных туристов, так как нет систематического учёта данных по прибытиям туристов и экскурсантов. Эти данные содержат мало информации о качестве предоставленных заповедником услуг.

Однако нельзя не согласиться с А. Ю. Александровой¹¹, что многие программы посещения национальных парков и заповедников, планируемые как эколого-туристские, имеют изъяны и промахи. В этих программах не предусмотрено активное вовлечение их участников в природоохранную деятельность. Учитывая канадский опыт организации туристской деятельности в национальных парках северных террито-

Таблица 1. Количество туристов, посетивших государственный природный заповедник «Усть-Ленский»

Годы	Общее количество туристов, чел.	Из них иностранных туристов, чел.
2009	230	60
2010	230	60
2011	95	40
2012	37	12

Ист.: Отчёт о результатах деятельности федерального государственного бюджетного учреждения, находящегося в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Государственный природный заповедник «Усть-Ленский». П. Тикси, Булунский район, Республика Саха (Якутия). 2014 г.

9. Тогонова Е. Е. Использование опыта развития национальных парков северных территорий Канады в Республике Саха (Якутия): qje.su/regionalnayaekonomikairazvitie/ispolzovanieopytarazvitiyanatsionalnyhparkovsevernyhterritorijkanadyvrespublikesahayakutiya
10. Отчёт о результатах деятельности федерального государственного бюджетного учреждения, находящегося в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Государственный природный заповедник «Усть-Ленский». П. Тикси, Булунский район, Республика Саха (Якутия). 2014 г.
11. География туризма / Под ред. А. Ю. Александровой. М., 2010. 3-е изд., испр. С. 538.

рий, необходима разработка исследовательских программ, позволяющих получить систематическую информацию не только о количестве посещающих туристов, но и о качестве предоставляемых услуг¹². При этом рекреационные возможности должны сочетаться с охраной ресурсов заповедника. Возникает вопрос о разработке методов исследования для получения регулярной информации о посетителях заповедника для планирования не только туристкой, но и охранной деятельности (пропускная способность).

К сожалению, в Усть-Ленском государственном природном заповеднике туристская деятельность находится в зачаточном состоянии. Руководство и сотрудники природного заповедника осознают, что экотуризм – это развивающееся направление в туризме Республики Саха (Якутия) и заповедник представляет большой интерес для туристов как природная территория Арктики, имеющая огромные ресурсы биологического и ландшафтного разнообразия. Среди работников заповедника наблюдаются разногласия между сторонниками развития экологического туризма и защитниками заповедника, рассматривающими экотуризм как оказывающий негативное влияние на охранную деятельность. При этом развитие природного заповедника не рассматривается в региональном контексте, который мог бы достичь согласия и учесть интересы сторон: заповедника, местного населения, местной администрации и республики. Каждая сторона живёт и действует в параллельном направлении, и, как правило, оказываются не затронутыми интересы местного населения, заинтересованного в сохранении своих исконных мест обитания¹³.

Видами экологического туризма, наиболее подходящими природоохранной деятельности заповедника «Усть-Ленский», являются: экскурсии для туристов круизных судов по специально оборудованным экологическим тропам, наблюдение за животными и научный туризм. Поэтому в целях информирования посетителей проводится установление аншлагов, системы указателей по всей протяжённой границе заповедника, планируется организация мест стоянок.

Труднодоступность территории, слабо развитая дорожная инфраструктура и материально-техническая база парка, а также небольшой

12. Тотонова Е. Е. Опыт развития туризма северных территорий Канады и возможности его использования в России // Экономика и управление. 2015. № 9. С. 21–25.

13. Тотонова Е. Е. Использование опыта развития национальных парков северных территорий Канады в Республике Саха (Якутия) // qje.su/regionalnayaekonomikairazvitie/ispolzovanieopytarazvitiyanatsionalnyhparkovsevernyhterritorijkanadyvrespublikesahayakutiya

штат сотрудников научного отдела мешают в настоящий момент реализовать действенные научные рекомендации по развитию туризма на территории, а также развивать эколого-познавательный туризм. Слабая техническая оснащённость по сезонам года службы инспекции и кордонов, отсутствие вездеходных транспортов в межсезонье также препятствуют развитию туризма.

В связи с этим основной проблемой развития государственного природного заповедника «Усть-Ленский» является укрепление материально-технической базы, например строительство и обновление кордонов, обновление техники и др. Для реализации плана развития необходим комплекс мер по структурному изменению материально-технической базы природного заповедника, улучшению туристкой инфраструктуры, а также плана управления, способного дать новый импульс развитию экологического туризма на территории Булунского района¹⁴.

Развитие туризма в природном заповеднике встречается со следующими проблемами:

1. Дорогие транспортные услуги, неразвитость инфраструктуры.
2. Нехватка квалифицированных специалистов в области экологического туризма.
3. Проведение научно-исследовательских работ и эффективного мониторинга в деятельности заповедника.
4. Разобщённость заинтересованных сторон и участников.

Развитие неорганизованного отдыха в отличие от организованного не требует изъятия территорий для нового строительства гостиниц. Размещение и обслуживание отдыхающих осуществляется в пределах населённых мест (арендованный жилой фонд, ведомственные и частные гостиницы, кафе, столовые и др.). Размещение самостоятельно отдыхающих возможно и вне территории населённых мест, особенно в летний сезон, в специально оборудованных местах. Это сопровождается действием значительных локальных сезонных рекреационных нагрузок на прилегающие к местам проживания отдыхающих природные комплексы и водоёмы, а также трудно контролируемым изъятием природных ресурсов¹⁵.

Природный заповедник имеет возможность разработать экологические туристские продукты и предлагать свои услуги. При этом

14. Тотонова Е. Е. Использование опыта развития национальных парков северных территорий Канады в Республике Саха (Якутия) // qje.su/regionalnayaekonomikairazvitie/ispolzovanieopyutarazvitiyanatsionalnyhparkovsevernyhterritorijkanadyvrespublikesahayakutiya.

15. Шимова О. С. Основы устойчивого туризма. Минск–М., 2013.

туризм следует развивать таким образом, чтобы сохранять лучшее, что есть у местных жителей, и выявлять то, что требует улучшения. Например, государство и местные власти заинтересованы в социальном развитии, привлечении инвестиций в развитие инфраструктуры, а парк – в улучшении и обновлении качества услуг. На территории природного заповедника развитие туризма должно сопровождаться жёстким контролем экологов, с учётом пропускной способности территории. Основными задачами будущего развития парка являются:

- обеспечение механизмов взимания платы за посещение природного заповедника;
- развитие государственно-частного партнёрства для создания альтернативных источников доходов для местного населения, способствующее организации новых рабочих мест;
- планирование, мониторинг и развитие научно обоснованного подхода для развития экологического туризма.

Таким образом, развитие туризма в природном заповеднике зависит от комплексного подхода к планированию и управлению его развитием. В плане должно быть отражено ожидаемое состояние природного заповедника в будущем и наиболее эффективные и реальные способы его достижения. В определённом смысле план развития туризма в заповеднике нужен для максимизации выгод при минимизации издержек.

ТЕРЕЩЕНКО Е. Ю., ФЁДОРОВ П. В.

Культурное наследие Арктики в новом интернет-ресурсе¹

TERESCHENKO E. YU., FEDOROV P. V.

The cultural heritage of the Arctic
in a new online resource

Сведения об авторах:

Терещенко Елена Юрьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики Мурманского арктического государственного университета (Мурманск)
ter_elena@inbox.ru

Фёдоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Международного банковского института (Санкт-Петербург)
sever-nordica@yandex.ru

Authors:

Tereshchenko Elena Yurevna, PhD in Cultural Science, Assistant Professor of cultural science and intercultural communications, language and journalism theories Murmansk Arctic State University (Murmansk)
ter_elena@inbox.ru

Fedorov Pavel Viktorovich, Dr. (History), Professor, Chief Research Officer Boris Yeltsin Presidential Library, Head of the Laboratory of geo-cultural researches and projects of the International Banking Institute (St. Petersburg)
sever-nordica@yandex.ru

Аннотация:

В статье освещается опыт реализации двухлетнего проекта «Электронная информационная система и база источников “Культурная память современной

1. Статья написана при поддержке РГНФ (проект № 16-01-00026)

России: Евро-Арктический Север» (2014–2015 гг.). В результате работы над проектом создан новый интернет-ресурс (cultmemory.ru) и сформированы семь коллекций источников: «Культурная память Колы», «Культурная память Териберки», «Дети и молодёжь военного Мурманска 1941–1945 гг.», «Культурная память поморской семьи», «Культурная память городского населения Евро-Арктического Севера», «Культурная память российских арктических моряков», «Некрополи Евро-Арктического Севера». Представленные на сайте материалы (аудиозаписи, мемуары, фотографии) являются источником изучения культурного наследия Арктики.

Abstract:

The article highlights the experience of implementing a two-year project «Electronic Information System and database sources “Cultural memory of modern Russia : the Euro-Arctic North”» (2014–2015 gg.). As a result of the project created a new online resource (cultmemory.ru) and 7 collections of sources are formed: «Cultural memory Cola», «Cultural memory Teriberki», «Children and young people of military Murmansk 1941–1945 gg», «Cultural memory Pomor family», «Cultural memory Euro-Arctic North of the urban population», «Cultural memory Russian Arctic sailors», «Euro-Arctic North Necropolis». The presented materials on the site (record, memoirs, photographs) are the source of the study of the cultural heritage of the Arctic.

Ключевые слова:

культурное наследие, электронная база источников, культура память, Евро-Арктический Север.

Keywords:

cultural heritage, culture memory, electronic base of sources, Euro-Arctic North.

Культурное наследие неразрывно связано с культурной памятью. Ю. М. Лотман в статье «Память в культурологическом освещении» определяет пространство культуры как пространство общей памяти, в пределах которого тексты могут сохраняться и быть актуализированы. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычёркивается из памяти коллектива и „как бы перестает существовать”. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти – забвения»².

2. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

В настоящее время многочисленные научные разработки в области изучения культурного наследия Арктики и культурной памяти жителей арктических регионов не достигают своего потребителя ввиду малотиражности и разбросанности изданий. Данная сфера сильно проигрывает и в связи с трудностями передачи аудио-, видео- и иллюстративных источников, являющихся важнейшими средами историко-культурных исследований. С 2014 г. началась реализация проекта «Электронная информационная система и база источников «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север»», поддержанного РНГФ (проект № 14-01-12003). Проект нацелен на создание электронной информационной системы и базы источников с функциями виртуального научного ресурсного центра и свободным доступом через Интернет, что даёт возможность рассматривать феномен культурной памяти с точки зрения текста первоисточника, историографического текста и гипертекста (научный форум). В результате работы над проектом создан новый интернет-ресурс (cultmemory.ru) и сформированы семь коллекций источников: «Культурная память Колы», «Культурная память Териберки», «Дети и молодёжь военного Мурманска 1941–1945 гг.», «Культурная память поморской семьи», «Культурная память городского населения Евро-Арктического Севера», «Культурная память российских арктических моряков», «Некрополи Евро-Арктического Севера».

Коллекции «Культурная память Колы» и «Культурная память Териберки» были сформированы по итогам экспедиций, организованных Мурманским государственным гуманитарным университетом в 2012–2013 гг. В коллекции вошли фономатериалы по устной истории, фольклорные произведения, мемуарные записи и фотографии, отражающие культурную память современного старожильческого населения старинного русского города Кола и села Териберка, расположенного на берегу Баренцева моря. Дифференцированный опрос старожилов, имеющих разную глубину корней на Кольском полуострове и проживающих на территориях, различающихся в культурно-типологическом смысле, – исторического города и посёлка, – показал устойчивость культурной памяти старожилов к воздействию социальных трансформаций³. В культурной памяти старожилов (людей, проживших в данном месте более 50 лет) сохраняются истории, в ко-

3. Человек – место – память: Мемориальная культура старожильческого населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций: материалы научных исследований / Под. ред. П. В. Фёдорова, А. А. Малашенкова. Мурманск, 2013.

торых переданы обстоятельства попадания семьи в Колу и Териберку, знание старого культурного ландшафта, ориентирование в местной лексике и микропонимике, знание местного фольклора и быта. По результатам научной фиксации и анализа ментальных и материальных репрезентаций мемориальной культуры на сайте представлены более ста источников по данной теме.

В коллекцию «Дети и молодёжь военного Мурманска 1941–1945 гг.» вошли фономатериалы по устной истории, страницы дневника, фотографии и письма, характеризующие культурную память последних очевидцев героической обороны Мурманска в годы Великой Отечественной войны из числа детей и молодых жителей прифронтового города 1914–1936 гг. рождения. В подборе информантов привлекались общественные организации «Дети военного Мурманска» и «Дети прифронтового Мурманска». В разработанную коллекцию вошли аудиозаписи, которые показывают, как запомнили очевидцы годы войны и эвакуацию. Память о войне бережно сохраняется в семьях жителей Мурманска вместе с документами, фотографиями и фронтовыми письмами от близких. В коллекцию вошли 49 источников.

Коллекция «Культурная память поморской семьи», разработанная профессором И. А. Разумовой, знакомит с историко-культурным наследием русской семьи на примере потомков старинного поморского рода Жидких из села Кандалакша Мурманской области. Она включает историю рода и материалы семейного архива: фотографии, документы, описания детских игр послевоенных лет, тексты песен, исполнявшихся в кругу семьи. Все тексты сопровождаются историко-этнографическими и фольклористическими комментариями. История поморской семьи позволяет через отдельные судьбы людей проследить глобальные социально-экономические процессы в стране на протяжении XX в., а также глубокие сдвиги, касающиеся локальных культур России.

В коллекцию «Культурная память городского населения Евро-Арктического Севера» вошли устные тексты и фотографии, отражающие историю северных городов, расцвет которых пришёлся на советский период (Апатиты, Североморск, Полярный, Полярные Зори, Кировск, Ковдор, Мончегорск, Оленегорск, Кандалакша). Коллекция разработана профессором И. А. Разумовой. Запись интервью и фотографии были сделаны сотрудниками Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН (И. А. Разумовой, О. В. Змеевой и И. А. Травиным) и студентами-практикантами в 2003–2015 гг. в рамках научно-исследовательской работы Сектора исторической и социальной антропологии.

Материалы коллекции демонстрируют, что в результате ускоренной индустриализации в малых индустриальных городах Евро-Арктического Севера сформирован особый тип городской культуры, факторами формирования которого являются социально-исторический тип поселенческой общности («социалистический город»), экстремальные природные условия, демографический состав, монопрофильность города и зависимость от градообразующих предприятий. В коллекцию включены 42 устно-исторических текста и 75 фотографий.

В коллекцию «Культурная память российских арктических моряков» вошли аудиозаписи и фотографии, характеризующие культурную память моряков российского ледокольного флота. Все интервью были записаны на борту атомного ледокола «Ленин» в Мурманске в мае – июне 2015 г. Коллекция разработана доцентом Мурманского арктического государственного университета Е. Ю. Терещенко. Запись и расшифровка интервью сделаны сотрудниками Арктического выставочного центра «Атомный ледокол “Ленин”» ФГУП «Атомфлот» В. И. Соловьёвой, К. В. Демаковым и Е. Ю. Терещенко. Представленные в коллекции материалы участников арктических экспедиций на атомных ледоколах «Ленин», «Таймыр», «Советский Союз», «Ямал», «50 лет Победы» и ледоколе «Киев» свидетельствуют об огромном вкладе России в освоение и изучение Арктики. В коллекции представлены рассказы о природном и животном мире Арктики, воспоминания о работе советских и российских полярных станций, о жителях городов и посёлков по трассе Северного морского пути, о встрече ледоколов в Мурманске, размышления об экологических проблемах в Арктике, о настоящем и будущем атомного ледокольного флота. В коллекцию включены 43 аудиозаписи и их расшифровки и 76 фотографий из личных архивов.

В коллекции «Некрополи Евро-Арктического Севера» систематизированы результаты комплексного исторического исследования погребально-мемориальной культуры северян. Некрополь рассматривается как одна из форм функционирования культурной памяти и значимый источник историко-культурной информации. В коллекцию вошли фотографии памятников некрополей города Колы, посёлка Мурмаши и села Териберка. Коллекция состоит из четырёх разделов: «Кольское городское кладбище на Каменном острове» (60 фотографий), «Кладбище авиаторов» (17 фотографий), «Кладбище посёлка Мурмаши» (12 фотографий), «Кладбище Териберки» (10 фотографий). Каждый раздел открывается обзорной статьёй с гиперссылками на источники.

Новый интернет-ресурс «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север» (cultmemory.ru) имеет простой и удобный интерфейс. Общая информация о ресурсе размещена на его главной странице, а также в дополнительных разделах – «О проекте», «Об авторах», «Контакты». Источники распределяются по группам – «Устная история», «Мемуаристика», «Фотографии», «Карты», «Письма», «Фольклор», «Прочие материалы». Каждый источник сопровождается подробной этикеткой. Рассказы по устной истории представлены в виде аутентичных расшифровок речи информанта с подстрочными комментариями специалиста. Общий состав коллекций, размещённых на сайте: 176 устно-исторических текстов (в т. ч. 97 аудиозаписей), 27 мемуарных записей, 366 фотографий, 22 фольклорных произведения, 4 карты. Все коллекции, представленные на сайте, объединены общей идеей – показать уникальные способы освоения Евро-Арктического Севера различными социальными, этническими, профессиональными группами (городским и старожильческим населением, поморами, моряками и т. д.) и сохранить культурное наследие Арктики.

ФЕДОТОВСКИХ А. В.

Меры социально-экономической поддержки для сохранения традиционного хозяйствования и уклада жизни коренных народов Севера

FEDOTOVSKIKH A. V.

Methods of social and economic support for preserving of traditional managing and life of indigenous people of the North

Сведения об авторе:

*Федотовских Александр Валентинович, член Президиума Координационного совета Российского союза промышленников и предпринимателей по развитию Северных территорий и Арктики, член рабочей группы «Социально-экономическое развитие» Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, к. э. н., профессор РАЕ, г. Мурманск – Калининград – Норильск
chief@nrd.ru*

Author:

*Fedotovskich Alexander Valentinovich, member of the Presidium of the coordination Council of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs for the development of the Northern territories and the Arctic, member of the working group "Socio-economic development" of the State Commission on development of the Arctic, Ph. D., Professor of RAE, Murmansk – Kaliningrad – Norilsk
chief@nrd.ru*

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности Арктической зоны Российской Федерации, которые требуют особого регулирования на всех уровнях и должны учитываться федеральными координационными органами. Обозначены предложения по изменению законодательных актов, касающиеся народов циркумполярной

цивилизации, что позволит сохранить и преумножить и организацию их жизнедеятельности. Указано, что уже в 2016 г. ряд дополнений будет рассмотрен в повестке работы Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, Совета Федерации ФС РФ и Координационного совета РСПП по развитию Северных территорий и Арктики. Процесс сохранения культуры и традиционного хозяйствования коренных народов возможен только при участии государства.

Abstract:

The article discusses the features of the Arctic zone of the Russian Federation, which require special regulation at all levels and should be considered Federal coordinating organizations. The author tells about proposals to change legislation relating to the peoples of the circumpolar civilization – it will be able to save and organize their activity. It is provided that in 2016 the number of additions will be reviewed at the meetings of the State Commission on development of the Arctic, the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation and the coordinating Council of RSPP on development of the Northern territories and the Arctic. The process of preservation of culture and traditional economy of indigenous peoples is only possible with the participation of the state.

Ключевые слова:

Арктическая зона, шельф, традиционная культура, коренные народы, государственная политика, стратегии развития.

Keywords:

Arctic zone, shelf, traditional culture, indigenous peoples, state policy, strategies of development.

По предварительным оценкам ряда российских экспертов, прямой экономический эффект от освоения Арктического шельфа составит к 2030 г. от 8 до 12 трлн руб. по ценам 2015 г. Косвенный социально-экономический эффект – более 1 трлн руб.

Но повышенное внимание к Арктической зоне РФ (далее АЗРФ, рис. 1) связано прежде всего с экономическими и геополитическими факторами. Социальные и культурные аспекты развития Арктики отошли на второй план. На первом месте стоит экономика, а не человек, что порождает большое количество вопросов. Основной вопрос: ради кого планируется новый виток освоения природных богатств материковой части Арктики и шельфа? Прямую выгоду получают только добывающие компании, проекты вложения средств в инфраструктуру и развитие территорий в настоящее время не оговариваются.

Арктическая зона Российской Федерации

Рис. 1. Карта Арктической зоны РФ и прилегающих регионов

Рис. 2. Первое заседание Координационного совета РСПП по развитию Северных территорий и Арктики

Стратегической задачей государственной социально-экономической политики в АЗРФ является постоянная положительная динамика развития производства и промышленности с позиции долгосрочных геополитических и экономических интересов страны и в первую очередь создание комфортных условий жизнедеятельности для человека и повышение уровня жизни населения. Сохранение, развитие и преумножение культурной среды и наследия циркумполярной цивилизации должно стать одним из приоритетов стратегического развития АЗРФ. В первую очередь важен приоритет человека над технологиями и ресурсами.

В ноябре 2015 г. в Мурманске состоялось первое заседание Координационного совета РСПП по развитию Северных территорий и Арктики (рис. 2), в ходе которого участники, представлявшие регионы АЗРФ, обозначили актуальные проблемы развития Крайнего Севера и представили свои предложения для их устранения в план работы на 2016 г., в том числе и по мерам поддержки народов циркумполярной цивилизации, как малочисленных, так и представляющих основное народонаселение.

Среди актуальных проблем, связанных с сохранением традиционной культуры, хозяйствования и уклада жизни коренных народов Севера отмечены следующие:

– Практически все товары и услуги, производимые малыми и средними предприятиями, в т. ч. кооперативами и общинами, неконкурентоспособны в связи с высокой себестоимостью, а дотирование такого рода деятельности практически отсутствует. Это ограничивает развитие традиционных промыслов, препятствует развитию предпринимательской активности в сфере этнотуризма, производству и сбыту сувенирной продукции и продуктов питания в массовом сегменте.

– Происходит активное возрастание контраста между социально-экономическим развитием динамичного западного (СЗФО и УрФО) и депрессивного восточного секторов (СФО и ДФО) АЗРФ.

– Арктика создаёт до 15% ВВП, обеспечивает 25% национального экспорта, а производимая продукция обеспечивает до 13% национального дохода РФ. В то же время меры поддержки постоянно населения и коренных народов представляются недостаточными. В первую очередь это касается уровня заработных плат, образования, культуры и здравоохранения.

– Принятые документы федерального уровня (концепции, стратегии, программы) носят в большей степени декларативный характер

и не подкреплены реальным финансовым обеспечением, в т. ч. для реализации инфраструктурных проектов и проектов поддержки культурного слоя циркумполярной цивилизации и памятников арктической природы.

– Отсутствие единого центра управления Арктикой и реализации единой государственной политики в отношении коренных народов Севера.

Решения обозначенных проблем лежат в различных плоскостях, но в целом должны представлять собой системный подход. Среди основных мероприятий на 2016–2017 гг. выделим следующие:

1. Законотворческая деятельность и реформа законодательства.

– Кодификация и систематизация всего спектра нормативно-правовой базы арктического законодательства: федерального и регионального.

– Существенные изменения в федеральное законодательство (бюджетное, налоговое, земельное, водное, о недрах, социальное, о коренных народах Севера, экологическое и т. д.).

– Формирование единого информационного поля законодательных актов федерального уровня, связанных с развитием территорий АЗРФ.

– Разработка и внедрение «Кодекса Арктических экономических законов». В РФ все субъекты Федерации действуют на основании унифицированного общероссийского законодательства. Развитие отдельных макрорегионов находится в неравных условиях по сравнению с другими. Формальное равенство создаёт неравенство, в т. ч. по отношению к Арктике. Необходимо принятие свода актов ограниченного территориального действия применительно только к территориям Арктической зоны РФ.

– Создание единой открытой информационной базы данных по существующим федеральным законодательным и подзаконным актам, законопроектам, концепциям, стратегиям и т. д., касающимся только территорий АЗРФ.

– Выведение в федеральное законодательство экономического и регионального направлений в отдельные главы вопросов стимулирования предпринимательства коренных народов Севера и мер поддержания традиционного хозяйствования, культуры и природопользования.

– Направление предложений в органы государственной власти РФ федерального уровня об увеличении максимальной суммы микрокредитования в связи с привязкой к районному коэффициенту в рамках системы государственной поддержки МСП. Предприниматели,

ведущие хозяйственную деятельность, в т. ч. представители общин и кооперативов коренных народов, в АЗРФ должны получать микрокредиты от 4,2 до 5,4 млн в зависимости от районных коэффициентов. В настоящее время принимается решение о максимальной сумме микрокредита в размере 3 млн руб. для всех регионов РФ.

– Решение вопросов реформирования системы гарантий для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, совместно с Минтрудом РФ и органами государственной власти. Требуется обновление существующих правовых конструкций для закрепления дополнительных стимулов проживающим и работающим в Арктике, а также для привлечения специалистов для проживания в АЗРФ.

2. Финансовые и экономические инструменты.

– Введение новых финансово-экономических норм, связанных с распределением полномочий, налогов, регулированием трудовых отношений и экологией, требующих в ряде случаев правки соответствующих базовых ФЗ и кодексов. Создание для значительной части хозяйственных субъектов из числа общин коренных народов Севера льготного режима развития и налогообложения, что также позволит создать приток частных инвестиций в развитие малого и среднего бизнеса традиционных промыслов.

– Разрешение на использование механизированного транспорта, нарушающего почвенно-растительный покров, для передвижения по тундре и лесотундре за пределами дорог и иных трасс, специально отведённых в установленном порядке для обеспечения коренных народов Севера топливом, продовольствием и другой продукцией, необходимой для традиционного хозяйствования (в настоящее время рассматриваются вопросы запрета использования такого транспорта в АЗРФ для экологического благополучия).

– Создание «Фонда развития Арктики» из имеющихся финансовых ресурсов регионов АЗРФ. Часть доходов будет аккумулироваться для развития Арктики и социальной защиты оседлого населения.

– Развитие социального предпринимательства как основы ориентированной на потребности человека альтернативной (несырьевой) экономики территорий АЗРФ. В настоящее время системные проекты по участию коренных народов в развитии социального предпринимательства осуществляются на Таймыре, Ямале, в Мурманской области. Формирование фондов развития происходит на основе грантовых и благотворительных программ, в т. ч. крупных системообразующих компаний (рис. 3). В приоритете – реализация совместных программ с организациями,

Рис. 3. Проект «Возрождение летнего промысла», получивший поддержку ГКМ «Норильский никель» в рамках программы «Мир новых возможностей» на Таймыре

Этнографическая зона «В гости к народам Севера»

На базе существующих поселений малых народов Севера (поселки, чумы и т.п.) создается программа погружения туристов в повседневную жизнь местных жителей с:

- проживанием вместе с ними (гостевые дома, юрты, чумы, иглу и т.п.);
- участием в повседневных хозяйственных работах и уходом за домашними животными;
- питанием на основе местных блюд и продуктов.

Особо привлекательны развлечения, популярные в подобных зонах скандинавских стран:

- прогулки и гонки на оленьих упряжках (нескольких часов);
- прогулки и гонки на собачьих упряжках. Такие прогулки могут длиться от нескольких часов до нескольких дней, в этом случае проживание организуется в стационарных пунктах или в разборных передвижных жилищах. Интересен опыт проведения подобных путешествий в Норвегии и Финляндии;
- одно- и многодневные туры сопровождения миграции оленей с проживанием в разборных передвижных жилищах, по образцу норвежских оленеводов;
- участие в озерной, речной или морской рыбалке летом и подледной рыбалке зимой, ловле королевских крабов и т.п.

INNOVATION RUSSIA
Национальная Ассоциация по Развитию Туризма
www.innovation-russia.ru

Рис. 4. Этнографическая зона «В гости к народам Севера» Русского арктического туристического парка

предоставляющими государственную финансовую поддержку малым предпринимателям из числа коренного населения АЗРФ на льготных условиях на реализацию проектов, в т. ч. по поддержанию этнотуризма. Вовлечение ОМСУ АЗРФ в совместную реализацию проектов в сфере социального предпринимательства для формирования базового заказа от ОМСУ для предоставления необходимых товаров и услуг на конкретной территории, в т. ч. от родовых общин и кооперативов.

– Развитие предпринимательства у коренных народов Севера в области туризма, а также производства сувениров и переработки продуктов морзверобойного промысла и пушно-мехового сырья, малого бизнеса в традиционных промыслах Севера, что непосредственно окажет влияние на улучшение предпринимательского микроклимата на локальных территориях Арктики.

– Освобождение от уплаты налогов предприятий, созданных представителями коренных народов, со специализацией на традиционные промыслы. Компенсация авиаперелётов (льготные тарифы) на внутренних региональных рейсах для оленеводов, представителей других профессий из числа коренных народов.

3. Государственное регулирование и реализация инфраструктурных проектов.

– Расширение приоритетов в деятельности Государственной комиссии по вопросам развития Арктики – включение новых направлений в планы рабочих групп: культура, туризм, экология. Создание секций по поддержанию и развитию культурных материальных и нематериальных источников в региональных Полярных комиссиях.

– Расширение количества территорий традиционного природопользования в соответствии с законом № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» в регионах АЗРФ как зон с особыми условиями использования территории.

– Образование Комитетов (Комиссий) по делам Севера/Арктики в общественных и политических объединениях федерального и межрегионального уровня. Создание полноценных структур по вопросам развития АЗРФ становится особенно актуальным после принятия ряда важнейших решений по социально-экономическому развитию Арктики на федеральном уровне. В частности, создано и функционирует Минвостокразвития РФ, ряд профильных министерств по делам Севера в региональных правительствах. Начата работа госкомиссии по развитию Арктики, работают Полярные комиссии трёх регионов. В состав Комитетов по делам Севера пригласить представителей

компаний, политиков и общественных деятелей территорий АЗРФ для выработки единой позиции в области социальной, образовательной, культурной и экономической политики.

– Разработка и реализация в регионах АЗРФ «Стратегии развития Арктического туризма до 2030 г.». Национальная ассоциация по развитию туризма INNOVATION RUSSIA предлагает выделить арктический туризм в особый туристический продукт как въездного, так и внутреннего туризма и создать Русский арктический туристический парк в регионах АЗРФ (рис. 4). В основные направления практической реализации мероприятий включить: развитие народных промыслов коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока; расширение спектра сувенирной продукции и традиционных промыслов коренных народов; поддержку органов государственной власти и МСУ АЗРФ (управления и министерства культуры, государственный заказ PR-агентствам и предприятиям малого бизнеса для формирования сувенирных брендов). Основные направления: проработка локальных мифов по сказкам, песням и пересказам коренных народов; формирование и продвижение территориальных мифов для создания образов персонажей, в т. ч. как литературного и туристического продукта. Создание и развитие этнопоселений. Формирование занятости, сохранение быта, уклада и культуры народов Севера для удовлетворения историко-культурной любознательности туристов. По туристическим маршрутам группы могут водить проводники из числа представителей коренных общин. Для любителей экзотики разрабатывать маршруты, включающие временное проживание в семьях, знакомство с их бытом, приготовление национальных блюд, участие в установке чумов, совершении обрядов и т. д. Религиозный туризм – обряды, камлание шаманов, посещение Мест Силы. Экологическое просвещение комплексно со знакомством с историческим прошлым коренных народов, их традиционным образом жизни, ремёслами, фольклором.

– Внедрение единой телекоммуникационной системы связи «Электронная Арктика». Осуществление скорейшей информатизации АЗРФ для вовлечения всего населения в информационное взаимодействие, что компенсирует сложность пространственного взаимодействия и дороговизну наземных, воздушных и любых других коммуникаций. Также это обеспечит меры по вовлечению коренных народов Севера в общественно-социальные мероприятия регионов, включая экспертизу проектов освоения недр путём развития связи с поселениями коренных народов Севера. Таким образом, произойдет внедрение бес-

проводных спутниковых технологий связи в отдалённых малонаселённых арктических поселениях. Для решения проблем коренных народов в области медицинского обеспечения рассмотреть внедрение программ развития телемедицины для проведения онлайн-консультаций и лечения жителей в отдалённых и труднодоступных территориях АЗРФ.

Арктическая зона РФ имеет массу особенностей, требующих столь же особого регулирования на всех уровнях, и эти особенности должны учитываться федеральными координационными органами. Реализация предложенных изменений в законодательство, касающихся народов циркумполярной цивилизации, позволит сохранить и преумножить и без того хрупкую организацию их жизнедеятельности. В 2016 г. ряд дополнений будет рассмотрен в повестке работы Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, Совета Федерации ФС РФ и Координационного совета РСПП по развитию Северных территорий и Арктики. Процесс сохранения культуры и традиционного хозяйствования коренных народов возможен только при участии государства, и экономические меры их поддержки станут опорой для сохранения образа жизни, быта, культуры и традиций народов, численность которых уменьшается, несмотря на принимаемые меры.

ФИЛИН П. А.

Об основных задачах и подходах к разработке Концепции сохранения культурного наследия Арктической зоны Российской Федерации

ФИЛИН П. А.

On The Fundamental Problems and Approaches to the Development of the Concept of Preservation of the Cultural Heritage of the Russian Arctic

Сведения об авторе:

*Филин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, ответственный секретарь Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербург
science@krassin.ru*

Author:

*Filin Pavel Anatolyevich, Ph.D (History), Executive Secretary of the Interdepartmental Commission on Maritime Heritage of the Marine Board at the Government of Russian Federation, St. Petersburg
science@krassin.ru*

Аннотация:

Статья посвящена выявлению основных проблем и постановке задач в сфере государственной охраны, сохранения, изучения, использования и популяризации культурного наследия Арктической зоны Российской Федерации. Цель работы – постановка проблем для разработки государственной Стратегии сохранения культурного наследия Арктики. Среди основных проблем следует выделить: практически полное отсутствие объектов культурного наследия, поставленных на государственный учёт в высокоширотной Арктике, и незначительное число

в континентальных районах Арктики, отсутствие комплекса мер по сохранению объектов, недостаточная активность по выявлению и изучению объектов, риски негативного воздействия в связи с климатическими изменениями и растущей антропогенной нагрузкой, неразработанность юридических механизмов и отсутствие методик и др.

Abstract:

The article is devoted to the identification of key issues and setting objectives in the field of public safety, preservation, study, use and popularization of the cultural heritage of the Russian Arctic. The main objective is to state the goals for the State Strategy for the preservation of cultural heritage of the Arctic. The main problems are the almost complete absence of cultural heritage, set at the state records in the high Arctic and a small number in the continental regions of the Arctic, the absence of the complex measures for the preservation and conservation of objects, the lack of activity on the identification and study of objects, the negative impact of the climate change and increasing anthropogenic pressure, undeveloped legal mechanisms and the lack of methods and others.

Ключевые слова:

Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, культурное наследие, материальное и нематериальное наследие, управление культурным наследием.

Keywords:

Arctic, Arctic Zone of the Russian Federation, cultural heritage, tangible and intangible heritage, management of the cultural heritage.

Необходимость разработки Концепции сохранения культурного наследия Арктической зоны Российской Федерации впервые была озвучена на заседании Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации (МВК) в сентябре 2012 г. в Архангельске. В дальнейшем рекомендации были уточнены и повторены в резолюции заседания МВК 24 октября 2014 г. в Архангельске (приложение 1). Поручение по подготовке Концепции сохранения культурного наследия Арктической зоны Российской Федерации (далее – Концепция) было адресовано Северному (Арктическому) федеральному университету (САФУ). Выполняя данное поручение, в САФУ (Архангельск) провели семинар по сохранению культурного наследия Арктики, а 28–29 апреля 2016 г. в филиале Музея Мирового океана – «Ледокол Красин» (Санкт-Петербург) в рамках «Полярных чтений» состоялась конференция

«Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации».

Подходы к разработке Концепции определяются необходимостью более эффективного выявления и охраны объектов культурного наследия (ОКН) Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). При этом следует учитывать труднодоступность регионов, высокие расходы на транспортно-логистические услуги, сложные природно-климатические условия (короткий полевой сезон), ограничения пограничного режима. Особенно тяжёлое положение сложилось в высокоширотной (преимущественно островной) Арктике, где наблюдается практически полное отсутствие ОКН в Едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации (ЕГР). Это не означает, что подобных объектов на этой территории нет. Благодаря многолетней работе ряда экспедиций, в частности Морской арктической комплексной экспедиции Института наследия под руководством П. В. Боярского, выявлены сотни ОКН, составлены карты культурного и природного наследия Новой Земли, Вайгача, Земли Франца-Иосифа. Описаны многочисленные археологические стоянки, святилища, поморские становища, лагеря полярных экспедиций. Весь этот огромный материал – только первый этап работы, и пока ОКН не поставлены на учёт в ЕГР, они остаются незащищёнными.

По рекомендации МВК Национальный парк (НП) «Русская Арктика» в сотрудничестве с Министерством культуры (МК) Архангельской области начал работу по постановке ряда объектов на государственный учёт. Были выбраны восемь ОКН на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, проведена их государственная историко-культурная экспертиза (ГИКЭ), документы направлены в МК РФ (приложение 2). Крайне важно данную работу сделать систематической, а также рекламировать и тиражировать с учётом наличия сети Особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в Арктике.

Активно, целенаправленно и результативно работают в Арктической зоне Восточно-Якутская (Яно-Индибирская) экспедиция Института истории материальной культуры РАН (В. В. Питулько), Берингийская археологическая экспедиция Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (С. В. Гусев), Кольская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН (В. Я. Шумкин), экспедиции сектора археологии Научного центра изучения Арктики (Н. Фёдорова), экспедиции НПО «Северная археология-1» (Г. П. Виз-

галов) и ряд других. Идут планомерные поиски и документирование новых ОКН. Важная задача состоит в установлении более тесных контактов и взаимопонимания с местными органами, отвечающими за охрану памятников.

Проблемы сохранения ОКН в Арктике и подходы к их решению

Бурное развитие различного вида хозяйственной деятельности в АЗРФ (нефтегазоразведка, добыча иных природных ресурсов, строительство трубопроводов и сопутствующей инфраструктуры, реконструкция и возведение новых портов, работы по экологической очистке Арктики, подводные работы на шельфе, развёртывание объектов военной инфраструктуры и др.) может привести к безвозвратному уничтожению части историко-культурного наследия (ИКН). Утрата может быть как намеренной (связанной с отказом от проведения археологических работ, требующих больших материальных и дополнительных временных затрат), что, соответственно, является нарушением законодательства, так и непреднамеренной (в силу отсутствия информации или понимания значимости тех или иных объектов). Ярким примером проблемы второго типа является очистка Арктики. Единственным критерием в программах по очистке Арктики от «накопленного экологического ущерба» является вес (или объём) вывозимого мусора (преимущественно металла). К сожалению, опыт этих работ показал, что многие уникальные образцы техники народного хозяйства были классифицированы как металлолом, утилизированы и безвозвратно утрачены. Специалистам НП «Русская Арктика» удалось «отстоять» лишь некоторые уникальные объекты. Организации, которые занимаются очисткой Арктики, попросту не заинтересованы в сохранении потенциальных ОКН. По нашему мнению, нельзя превратить очистку Арктики в «зачистку» территории.

Отсутствие комплекса мер по сохранению (более широко – по менеджменту) ОКН. Здесь имеется целый ряд причин: отсутствие объектов в госреестре и значительная территориальная удалённость, сезонность и просто отсутствие собственника и тем самым хозяина территории. Опыт Национального парка «Русская Арктика» показал, что с появлением заинтересованного хозяйствующего субъекта, вопрос сохранения ОКН начинает решаться. Крайне важно транслировать этот опыт на другие организации, которые способны взять на себя ответственность и обязанность заботиться об объектах культурного наследия.

Неработанность системы мониторинга ОКН в Арктике. Проблема может быть частично решена принятием соответствующих методических документов и налаживанием взаимодействия между государственными органами охраны и хозяйствующими субъектами. Потенциально хозяйствующие субъекты могут взять на себя некоторые задачи мониторинга ОКН.

С каждым годом ускоряющиеся глобальные климатические процессы, которые приводят к эрозии берегов, «съедающих» ценные ОКН. Способом спасти объекты ИКН (или заложенную в них информацию) является зонирование и определение территорий, наиболее подверженных губительным воздействиям, соотнесение их с наиболее перспективными для обнаружения ОКН местами, организация и отправка туда научно-исследовательских экспедиций.

Развитие туристской деятельности в Арктике, связанное с посещением наиболее интересных и ценных ОКН. Учитывая, что не разработаны режим охраны и должный менеджмент, влияние туризма, помимо явно положительных моментов (распространение знаний о наследии, привлечение финансовой поддержки регионам и научным исследованиям), может негативно сказаться и на ОКН (нарушение культурного слоя, поломка объектов, «сувениры» и пр.).

Намеренное браконьерство. С появлением масштабного рынка сбыта мамонтовой кости охотники за бивнями размывают кладбища мамонтов, залегание которых в основном связано с уникальными стоянками древнего человека в Арктике. Кроме этого, ежегодно проводятся десятки незарегистрированных частных экспедиций, которые в т. ч. занимаются сбором древних «экспонатов». В большинстве случаев эти находки пропадают бесследно, а те, которые иногда «оседают» в музейных коллекциях, очень часто оказываются без должного описания, вырванными из контекста лишь «подъёмными» артефактами. Ещё сложнее ситуация со злостным браконьерством в виде целенаправленного незаконного поиска и выкапывания экспонатов для дальнейшей продажи на «чёрном» рынке.

Полное отсутствие методик выявления, описания, сохранения потенциальных объектов советского периода. Правомерно ли, например, объекты ядерного полигона (отдельные строения, изделия, инфраструктуру) относить к ИКН? Каковы критерии? Данные вопросы должны быть проработаны в виде опубликованного справочника-методики, тем более что серьёзный задел уже создан работой МАКЭ под руководством П. В. Боярского на объектах подобного рода.

Практически абсолютной terra incognita остаётся морское дно в Арктике с точки зрения выявления и сохранения ОКН. Здесь покоятся многочисленные затопленные в годы Великой Отечественной войны корабли «Полярных конвоев», всемирно известный пароход «Челюскин», множество судов различных экспедиций в Арктику, остатки поморских судов, в том числе и кочи, облик которых до сих пор является загадкой для историков судостроения, и многое другое. Абсолютное большинство из них даже не выявлено. В последние годы технологии поиска и обнаружения затопленных объектов с появлением многолучевых эхолотов, профилографов и космической навигации совершили революционный прорыв; обнаружить и поднять объект стало несравненно проще, чем 20–30 лет назад. Данный фактор повышает интерес частных компаний к поискам ОКН. Ярким примером является «Карская экспедиция» компании «Фертоинг» совместно с администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа в целях поиска затопленных в годы Великой Отечественной войны ледокольного парохода «Сибиряков» и парохода «Марина Раскова». Оба парохода и суда конвоя БД-5 были обнаружены в 2014 г. При осуществлении в следующем году подводных работ с судов были сняты колокола, машинный телеграф, пулемёт и ряд других предметов, которые экспонируются на временных выставках в различных музеях. Данный пример является положительным опытом взаимодействия частной компании и государства. Тем не менее, учитывая, по большому счёту, временную бесхозность объектов, появляется большой риск их разграбления.

Проблемой являются серьёзные юридические «тормоза» (правовая неопределённость), делающие процесс постановки на государственный учёт ОКН, находящихся под водой, практически невозможным. Связано это с тем, что территориальные воды не входят в компетенцию Субъектов РФ; соответственно, местные органы охраны ОКН формально не могут заниматься этими объектами. А Министерство культуры (МК) РФ постановкой на государственный учёт напрямую не занимается, делегировав полномочия Субъектам РФ. Получается замкнутый круг. Кроме того, существуют серьёзные проблемы с определением собственника объекта, находящегося под водой, и постановкой объекта на кадастровый учёт, без чего ОКН не может быть включён в ЕГР. В итоге, как пример, администрация Ямало-Ненецкого автономного округа не стала ставить на государственный учёт пароходы «Сибиряков» и «Марина Раскова» как ОКН. Следуя данной логике, не может быть официально объявлен объектом наследия и пароход «Челюскин». Всё это создаёт правовой вакуум, который может

привести к существенным утратам культурного наследия. Ещё одна проблема – это правовая незащищённость ОКН на континентальном шельфе. Нынешняя редакция Федеральных законов «О континентальном шельфе Российской Федерации», «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» не обозначает юрисдикции РФ в области культурного наследия, и потенциально работу с ОКН там могут проводить другие государства!

Промышленное освоение, новые технологии и глобальные климатические процессы являются серьёзными вызовами нематериальному культурному наследию, которое представляет собой традиции природопользования, жизнеобеспечения и духовную культуру коренного населения Арктики. В 2003 г. ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране нематериального культурного наследия. Россия обозначила движение в направлении её ратификации. МК РФ, разработав Программу сохранения нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг., начало создавать реестр «объектов нематериального наследия». Совершенно необходимо продолжить данную работу, разработать Программу сохранения нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на следующем этапе, включив в неё блок вопросов, связанных с нематериальным культурным наследием Арктики. Крайне важно подписать Конвенцию об охране нематериального культурного наследия и включить в неё традиции арктической кочевой культуры, традиции природопользования (домашнее оленеводство, морской зверобойный промысел, традиции рыболовства и охоты), организации жизнедеятельности (строительство жилища, средства передвижения), фольклор. Отдельным направлением работы с нематериальным наследием может стать разработка «кодексов взаимодействия с коренными народами» для различных крупных хозяйствующих субъектов в Арктике в целях выстраивания уважительных и взаимовыгодных отношений.

Слабая вовлечённость России в международные процессы по сохранению культурного наследия. Так, ещё в 2010 г. рабочей группой по устойчивому развитию (Sustainable Development Working Group – SDWG) Арктического совета дан старт Проекту по объектам культурного наследия международного статуса в Арктике. Результатом проекта должен был стать список из 20–30 объектов культурного наследия РФ в Арктике, обладающих общепризнанной международной значимостью (Список Арктического совета). К сожалению, Россия практически не приняла участия в проекте, хотя были разработаны прин-

ципы и предложены лучшие практики работы с ОКН в Арктике (приложение 3).

Отсутствие скоординированной работы различных научных центров и специалистов по изучению истории освоения Арктики, которая до сих пор имеет значительные лакуны; все обобщающие работы по истории Арктики были написаны в годы советской власти. В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» среди задач отмечено «проведение исследований в области истории, культуры и экономики региона, а также правового регулирования хозяйственной и иной деятельности в Арктике, в том числе в целях документального подтверждения наличия у Российской Федерации исторических прав на отдельные акватории арктических морей». На новом витке освоения Арктики и в иных геополитических условиях совершенно необходимо системное осмысление исторических процессов в Арктике. Учитывая огромные, ранее недоступные источники информации (в отечественных и зарубежных архивах), успехи в данном направлении, при приложении определённых усилий, несомненны.

Практически отсутствует популяризация реального культурного наследия Арктики. К сожалению, довлеющий приоритет рынка на первый план выносит «жареные» факты, эзотерические мифы и домыслы. В этой же плоскости лежит проблема распространения ненаучных квазимистических «теорий», особенно «Арктической прародины», «Гипербореи». Данным позорным явлениям должны быть противопоставлены достойная политика СМИ, публикация и распространение качественной научно-популярной литературы (как в печатной, так и в электронной формах), рассчитанной прежде всего на молодёжь.

Слабость системной увязки между развитием туризма и сохранением ОКН. Разработки методики составления туристских ресурсов и самих маршрутов должны происходить на основе знаний об историческом прошлом региона, что позволит «социализировать» ОКН, вовлекать их в повседневную реальность, не влияя пагубным способом на сохранность.

Недостаточная развитость сети музеев арктической тематики, крайне слабое взаимодействие между ними. В музейных собраниях редко присутствуют образцы (а тем более в виде коллекций) техники (в силу габаритов, а также сложности их сохранения и обслуживания), работавшей в Арктике, а именно такие экспонаты являются

наиболее яркими и запоминающимися свидетельствами интенсивности изучения и освоения этой территории.

Отсутствие в морской столице России, Санкт-Петербурге, Арктического музейно-выставочного центра международного уровня, с современной структурой для выставок, конференций, приёма делегаций, форумов. Уникальная экспозиция Российского государственного музея Арктики и Антарктики (РГМАА) и его более 70 000 единиц хранения уже сами стали объектами ИКН, так как формировались в годы самой активной работы Главсевморпути. К сожалению, РГМАА размещается в здании единовременной церкви, не имеет площадей для создания современных постоянных и временных выставок, конференц-зала, площадей для показа крупных экспонатов и соответствующих условий их хранения.

Представленный перечень проблем и задач не является исчерпывающим и обозначает лишь самые важные направления по изучению, охране, сохранению, использованию и популяризации культурного наследия Арктики. Несомненно, разработка Концепции сохранения культурного наследия АЗРФ и её утверждение Государственной комиссией по развитию Арктики способны существенно улучшить состояние дел в части сохранения и популяризации культурного наследия нашей Арктики.

Приложение 1. Выписка из Протокола заседания Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации. Г. Архангельск. № 3 (12) от 24 октября 2014 г.

I. О разработке концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктической зоне Российской Федерации
(Зайков)

Заслушав сообщение директора Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) Федерального университета им. М. В. Ломоносова (далее – САФУ) К. С. Зайкова о разработке проекта концепции, направленной на закрепление принципов и государственной деятельности по сохранению и использованию культурного наследия в Арктической зоне Российской Федерации, Комиссия решила:

1. Рекомендовать САФУ (по согласованию) во взаимодействии с Ассоциацией «Морское наследие», заинтересованными органами власти, организациями, учреждениями, отдельными специалистами разработать и представить для рассмотрения на предстоящем заседа-

нии Комиссии проект Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктике.

Срок – октябрь 2015 г.

2. Просить Минкультуры России провести обсуждение Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктике на заседании коллегии Министерства.

II. О проблемах сохранения морского историко-культурного наследия на арктических особо охраняемых территориях

(Гаврило, Пирумов)

Заслушав сообщение заместителя директора по науке федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный парк «Русская Арктика» М. В. Гаврило, Комиссия решила:

1. Просить Минприроды России ускорить реализацию положений Плана мероприятий по реализации «Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 г.», утверждённого п. 1 распоряжения Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 2322-р (далее – План), по разделу XI Плана «Сохранение объектов культурного наследия на особо охраняемых природных территориях федерального значения».

2. Рекомендовать Минприроды России при разработке методических рекомендаций по вопросам сохранения культурных ландшафтов, реставрации, восстановления и использования памятников истории и культуры на территориях национальных парков (разработка рекомендаций предусмотрена п. 51 Плана), а также при планировании мероприятий по инвентаризации, мониторингу и картированию объектов историко-культурного наследия (п. 52 Плана) обратить особое внимание на необходимость учёта специфики условий хозяйственной, культурной и иной социально-экономической деятельности в Арктике.

3. Признать необходимым распространить положения п.п. 51 и 52 Плана, наряду с территориями национальных парков, на все остальные федеральные особо охраняемые природные территории. Просить Минприроды России проработать данный вопрос с учётом:

необходимости внесения редакционных изменений в раздел XI Плана (дополнив наименования мероприятий в п.п. 51 и 52 словами «и других особо охраняемых природных территориях»);

изыскания дополнительных ресурсов на инвентаризацию, обследование, картирование, паспортизацию и оценку состояния памятников истории и культуры на особо охраняемых природных территориях,

сверх запланированных в федеральном бюджете для таких мероприятий, проводимых на территориях национальных парков.

III. О выявлении и постановке на государственный учёт объектов культурного наследия высокоширотной Арктики

(Слабуха)

Рассмотрев и обсудив материалы по проблемам государственной охраны и сохранению объектов культурного наследия в Арктике, представленные государственным экспертом, заведующим кафедрой «Архитектурное проектирование» Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета А. В. Слабухой, и опираясь на правовые основы, закреплённые Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Комиссия решила:

1. Рекомендовать Минкультуры России совместно с органами исполнительной власти заинтересованных субъектов Российской Федерации, находящихся в Арктической зоне, разработать и согласовать общую методику сохранения и государственной охраны объектов культурного наследия в Арктике, уделяя при этом особое внимание решению вопросов экспертизы объектов в целях их включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и определения предмета их охраны.

Приложение 2. Список объектов, прошедших государственную историко-культурную экспертизу на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа

Новая Земля, остров Северный:

- Комплекс объектов полярной гидрометеорологической станции в бухте Русская Гавань (проектируемая буферная зона парка);
- Комплекс оборонительных сооружений времён Великой Отечественной войны на мысе Желания;

– Маяк на мысе Желания;

Земля Франца-Иосифа:

- Лагерь экспедиции Уолтера Уэлмана (1898–1899 гг.), мыс Тегетхоф, остров Галя;
- Комплекс объектов на мысе Флора, остров Нортбрука;
- Комплекс объектов полярной гидрометеорологической станции в бухте Тихая, остров Гукера;

– Крест экспедиции Г. Я. Седова в период зимовки 1913–1914 гг., бухта Тихая, остров Гукера;

– Комплекс захоронений в бухте Тихая: могила механика судна «Святой Фока» экспедиции Г. Я. Седова – И. А. Зандера (1914 г.); могила полярного летчика Н. И. Йеске (1937 г.); могила специалиста по ионосфере П. И. Фотиева (1948 г.), остров Гукера.

Приложение 3. Проект Арктического совета по объектам культурного наследия международного значения

Проект предложен рабочей группой по устойчивому развитию (Sustainable Development Working Group – SDWG) Арктического совета в 2010 г. (Руководитель проекта Susan Barr).

Результатом проекта должен стать список из 20–30 объектов культурного наследия в Арктике, обладающих общепризнанной международной значимостью (Список Арктического совета). Каждая из арктических стран занимается описанием, сохранением и оценкой объектов арктического наследия, находящихся на её территории. Для составления Списка предлагается набор критериев определения уровня международной значимости для объектов культурного наследия. Кроме того, разработаны лучшие международные практики по защите и сохранению культурного наследия, в соответствии с которыми будет осуществляться управление выявленными объектами. В Список могут вноситься памятники, ландшафты, культурные ландшафты, поселения, исторические пути, серийные объекты и проч.

В соответствии с критериями определения уровня международной значимости объектов арктического культурного наследия объект, включаемый в Список, должен отвечать по крайней мере одному из следующих критериев:

1) Ярко иллюстрирует приспособление человека к окружающей среде или взаимодействие со средой.

2) Непосредственно связан с ключевыми личностями или событиями истории освоения Арктики.

3) Предоставляет существенные возможности для реконструкции социальной структуры и духовной культуры арктических народов.

4) С особой яркостью отражает технические, культурные и исторические особенности в материале, дизайне или способе постройки/изготовления.

5) Имеет выдающееся международное символическое или памятное значение.

6) Ярко иллюстрирует культурные традиции и историю на протяжении длительного периода времени.

Объекты, которые перестают соответствовать этим критериям, могут быть изъяты из Списка.

Лучшие практики управления объектами культурного наследия:

- 1) Наличие официального статуса охраны и управления объектом.
- 2) Наличие документации по объекту, описание его значимости.
- 3) Цикл планирования, действий, мониторинга, оценки управления объектом, составленный с учётом ценностей объекта.
- 4) Вовлечение заинтересованных лиц и местного сообщества в принятие решений относительно объекта наследия.
- 5) Распространение информации об объекте наследия.
- 6) Управление доступом на объект и использованием объекта.
- 7) Выделение достаточных для управления объектом финансовых и человеческих ресурсов.
- 8) Прозрачное, чёткое описание управления объектом.

Арктический совет поощряет следование этим практикам управления объектами культурного наследия. Объекты, управляемые не в соответствии с этими практиками, тоже могут быть внесены в Список, однако если состояние объекта ухудшается в связи с плохим управлением, Арктический совет может исключить объект из Списка.

ШУМКИН В. Я.

Проблемы сохранения археологического наследия Северо- Запада Российской Арктики¹

SHUMKIN V.YA.

Problems of preservation of the archaeological
heritage North-West of the Russian Arctic

Сведения об авторе:

Шумкин Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, руководитель неолитической группы Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
shumkinv@yandex.ru

Author:

Shumkin Vladimir Y., Ph.D., Head of the Neolithic group, Department of Palaeolithic IHMC RAS, Saint-Petersburg
shumkinv@yandex.ru

Аннотация:

Отечественное археологическое исследование Кольского полуострова началось с раскопок уникального могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря в 1928 г. До сих пор данный некрополь остаётся единственным крупным погребальным памятником этого времени с хорошо сохранившимися антропологическими останками на всём пространстве Евразийской Арктики. Археолог А. В. Шмидт великолепно выполнил полевую и кабинетную работу по Кольскому Оленеостровскому могильнику и дал вектор направления на комплексные исследования древностей Мурмана.

1. Работа выполнена в рамках и при поддержке ПФИ Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». Проект «Своеобразие становления и развития регионально-локальной идентичности аборигенного населения Русской Лапландии».

Эти традиции достойно продолжили геоморфологи-археологи Б. Ф. Земляков, Г. И. Горецкий, Б. И. Кошечкин, В. Я. Евзеров, а сейчас продолжает и развивает Кольская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН. Результаты работ значительны. Среди них единственные в Российской Арктике (полуостров Рыбачий) рисованные наскальные изображения, петроглифы (Поной и Канозеро), сотни (около 600) других археологических памятников от мезолита (10 тыс. лет назад) до саамского средневековья (XVII в. н. э.) с многочисленными (более 1000) жилищами, культовые объекты. Научной работе мешают различные эзотерические группировки разной направленности – от оккультизма до демагогических псевдоисторических идей северных «прародин». Противостоять лженауке помогают труды замечательных местных истинных краеведов, среди которых особое место занимают И. Ф. Ушаков и А. А. Киселёв.

Abstract:

Home national archaeological research of the Kola Peninsula began with the excavation of a unique repository of early metal era on Big Deer Island in the Kola Bay of the Barents Sea in 1928. Still this remains the only major necropolis burial monument of this time with well-preserved of the anthropological remains to the whole space of the Eurasian Arctic. Archaeologist A. V. Schmidt superbly executed field work on the Kola Oleny Ostrov burial ground, published and gave a direction vector on the complex study of antiquities Murman. These traditions are worthy of continued geomorphologists – archaeologists B. F. Zemlyakov, G. I. Goretzki, B. I. Koshechkin, V. Y. Evzerov, and now continues and develops the Kola archaeological expedition of the Institute of History of Material Culture (IHMC) of RAS.

Results are significant. Among them are a unique in the Russian Arctic painted rock paintings (Fisher Peninsula), petroglyphs (Ponoy and Kanozero), hundreds (about 600) of other archaeological sites from the Mesolithic (10 000 years ago) to the Middle Ages Sami (17th century A. D.) with numerous (more than 1000) dwellings, cult objects. Scientific work interfere with various esoteric groups from different directions to the demagogic pseudo-occult ideas northern “ancestral home”. Confront pseudoscience works great help local real local historians, among which a special place is occupied by I. F. Ushakov and A. A. Kiselyov.

Ключевые слова:

археология, геоморфология, Кольская археологическая экспедиция, могильник, наскальные изображения, краеведение, лженаука.

Keywords:

archeology, geomorphology, Kola archaeological expedition, burial, rock art, local history, pseudoscience.

*Россия есть здание, фасад которого
обращён к Ледовитому океану.
Адмирал С. О. Макаров*

Полностью соглашаясь с заключением нашего великого флотоводца, добавлю, что и фасад, и всё, что за ним располагается, следует содержать в историко-культурной «чистоте», а это уже наша обязанность и дело чести. И вот здесь ныне, к сожалению, далеко не всё благополучно². Чтобы понять, почему так произошло, придётся совершить небольшой краткий экскурс в историю археологии Русской Лапландии (Кольский полуостров, Мурманская область РФ).

Россия обладает гигантским археологическим историко-культурным наследием (ИКН) в Арктике, и современная национальная политика должна его учитывать, но не поддаваться на лженаучные эзотерические, оккультистские, апокрифические измышления альтернативных «историков», тем более поддерживать их «деятельность», которая одурманивает наше население, опрометчиво помогая прокладывать «денежную» дорожку националистам разного толка и просто откровенным шулерам. Реальное изучение археологического наследия и освоения Арктики должно базироваться на строго научном, междисциплинарном, современном основании.

История исследования древностей Кольского Заполярья сравнительно молода. Археология как одно из подразделений исторической науки, изучающая в основном древнейшие дописьменные этапы развития человечества, обогащённая современными данными естественнонаучных дисциплин, приобретает приоритетное значение на Мурманской земле. Только она, совместно с зависящими от неё (по специфике «добычи» необходимых источников) этнографией и палеоантропологией, подводит нас к пониманию реально сложившегося этносоциального положения аборигенного населения. Достижения в этой области знания существенны, пополняются постоянно, практически ежегодно. Пытаясь показать достоверные результаты, необходимо помнить тех подвижников, с усилий которых начиналось изучение Мурманских древностей.

2. Сразу отмечу, что у наших скандинавских соседей на их северных территориях ситуация с охраной и уважительным отношением к историко-культурному (в том числе и археологическому) наследию, несомненно, значительно лучше. Чтобы документально осветить данную тему, необходимы раскрытие истоков такого «сбережения» и существенно больший объём, чем размер данной статьи.

Интерес к первобытной истории Русского Севера был стимулирован в середине 30–40 гг. XIX в. великолепными статьями К. М. Бэра (рис. 1) о каменных лабиринтах³. Другие сообщения об обнаружении «местных древностей» были результатом лишь случайных сборов, дарений и предназначались для выставок Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Первые сведения о каменных орудиях, найденных на Кольском полуострове, относятся лишь к 1866 г.⁴

В самом начале XX в. сотрудник Архангельского статистического комитета К. П. Рева в окрестностях села Поной провёл раскопки трёх жилищ, шести ям разной формы (пять из них, возможно, также являлись жилищами) и одного из пяти лабиринтов. Про находки в его отчёте⁵ ничего не говорится, видимо, их и не было, по крайней мере впечатляющих, что охладило пыл «раскопщика». Эти разрушительные работы, к счастью, не были продолжены.

Последующее двадцатилетие (1908–1927 гг.) можно условно называть «скандинавским этапом» изучения древностей Русской Лапландии, и связан он с именами А. Хакмана⁶, Г. Хальштрёма, Т. Итконена, М. Кампмана, А. Нуммедаля, Г. Йессинга, В. Таннера, С. Пяльси⁷. Эти исследователи много сделали для прояснения истории своих стран, но на Мурманской территории их изыскания, хотя и были плодотворны, имели, как правило, нерегулярный, эпизодичный характер.

В этой сравнительно «разреженной» археологической атмосфере появилась вдруг фигура, сыгравшая значительную роль в изучении первобытной истории края. Энциклопедически образованный, уже успевший проявить себя как опытный археолог, известный востоковед и финно-угровед Алексей Викторович Шмидт (рис. 2) в 1928 г. возглавил Антрополого-этнографический отряд Кольской экспедиции АН СССР, созданный для полевых исследований недавно обнаруженного могильника. Выбор руководителя работ и объекта исследования, безусловно, превзошёл все ожидания. Небольшой отряд провёл

3. Бэр К. М. Донесения академика Бэра об экспедиции в Новую Землю и Лапландию // Пер. с нем. «С.-Петербург. ведомости», № 182, 221, 232. СПб. 1837.

4. Протоколы заседаний отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года) // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. 1876. Т. 20. Труды Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1.

5. Рева К. П. Отчёт о раскопках: Архив Лен. отд. Ин-та археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН). 1900. № 162.

6. Hackman A., Forvarv till Statens Historiska Museum er 1910. Den forhistoriska avdelningen // Finskt Museum, 18. Helsingfors, 1911. P. 41–72.

7. Seitsonen. Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Palsi in 1929 // People, material culture and environment Oulu. 2004. P. 226–237.

Рис. 1. Академик Карл Эрнст фон Бэр
(1792–1876)

Рис. 2. Шмидт Алексей
Викторович (1894–1935?)

Рис. 3. Земляков Борис
Фёдорович (1898–1945?)

раскопки на самом современном научном уровне. Через год методично, комплексно, с привлечением антрополога, палеоботаника, палеозоолога были обработаны и опубликованы все материалы⁸.

Алексей Викторович Шмидт заслуженно, по своему вкладу, признаётся основоположником Кольской археологии по целому ряду оснований:

1) Впервые раскопки были проведены отечественным профессиональным археологом.

2) Кольский Оленеостровский могильник (КОМ) на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря до сих пор единственный крупный некрополь II тыс. до н. э. в Евразийской Арктической зоне.

3) По достоверному материалу представлен широкий обзор природных условий, состояния растительного и животного мира, многих сторон культуры населения того времени и его антропологический облик.

4) Привлечён интерес отечественных и зарубежных исследователей к древней истории самой северо-западной заполярной территории России.

5) Дан образец и вектор полевых исследований, комплексной обработки полученных материалов, по которому Кольская археологическая экспедиция (КолАЭ) следует и поныне, вот уже 87 лет.

Последующие довоенные годы можно условно назвать «геологическим этапом» в изучении Русской Лапландии, поскольку они связаны с исследованиями геологов Г. И. Горецкого⁹ и Б. Ф. Землякова (рис. 3), получивших, помимо геологического и исторического образования, основательную полевую археологическую подготовку. Вооружённые этими знаниями, они оставили существенный след в изучении кольской доистории, установив факт заселения региона уже в раннем голоцене.¹⁰

После окончания ВОВ начинает работать Кольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной. Была поставлена задача сплошного обследования полуострова (в первую очередь его побережья) на предмет выявления памятников всех периодов каменного века и эпохи раннего металла. В 1946 г. проведе-

8. Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Л. 1930. С. 119–169.

9. Горецкий Г. И. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Л.–М. 1937. Вып. 3. С. 107–118.

10. Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. Вып. 5. М.–Л., 1940. С. 107–143.

ны разведки на Кандалакшском берегу, где было обнаружено 14 стоянок эпохи раннего металла и один лабиринт. В 1947–1948 гг. разведки были сосредоточены на Мурманском побережье. Всего здесь было обнаружено 35 стоянок, из которых большая часть относится к эпохе раннего металла. Кроме того, были продолжены раскопки КОМ, исследованы расположенные на соседнем острове Екатерининские стоянки и лабиринты на Терском побережье Белого моря¹¹.

Основные результаты работы экспедиции тех лет¹²:

1. Доказана довольно густая заселённость этой территории в древности.
2. Выявлены особенности местной материальной культуры.
3. Намечена периодизация древних памятников.
4. Поставлены вопросы о преемственности культуры мезолита и неолита.

Возобновлённые в 1969 г. исследования КолАЭ ЛОИА АН СССР с тех пор не прерывались. Их целью являлось планомерное археологическое исследование полуострова¹³, включая ширококомасштабные разведки и раскопки ключевых памятников. Были открыты (Шумкин, 1973 г.) в центральной части полуострова первые на Кольской земле петроглифы Чальмн-Варрэ (рис. 4) на р. Поной¹⁴. Важным событием стало исследование средневековых памятников, в том числе поселений, грунтовых могильников, культовых мест саамов.

Итогом этих многолетних работ (рис. 5) стала концептуальная реконструкция развития материальной и духовной культуры, а также систем хозяйствования древнего населения Кольского полуострова¹⁵.

-
11. Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. М.–Л., 1948. Вып. 10. С. 125–142; Она же. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // Советская археология. М.–Л., 1950. Вып. 12. С. 105–127.
 12. Гурина Н. Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1951. № 20 С. 143–167; Она же. Гурина Н. Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1953. № 39. С. 407–420.
 13. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
 14. Шумкин В. Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 34–43; Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland // *Fennoscandia archaeologica*. 2000. Vol. 7. P. 53–67.
 15. Шумкин В. Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. М. 1988. Вып. 193. С. 9–14; Он же. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. М., 1986. № 2. С. 15–33; Он же. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991. С. 129–149.

Рис. 4. Первые петроглифы на Кольском полуострове, р. Поной. Чальмн-Варрэ (Камень № 1). Фото 1973 г. Съёмка В. Я. Шумкина

Рис. 5. Нина Николаевна Гурина и Владимир Яковлевич Шумкин в экспедиции на Кольском полуострове. Фото 1977 г.

В начале 1980-х гг. руководство Кольской археологической экспедицией переходит к В. Я. Шумкину. Результаты исследований последующих лет существенным образом расширили наши знания о древностях Мурмана. В 1985–1986 и 1998 гг. были открыты новые памятники наскального искусства: писаницы (рисованные изображения) на полуострове Рыбачий и петроглифы на Канозере¹⁶.

Большое значение имеет исследование в 1990–2000-х гг. в нескольких районах Мурманского побережья поселений с многочисленными остатками углублённых жилищ, датируемых от мезолита до средневековья. Одно из них было раскопано в конце XX в. сотрудниками КолАЭ ИИМК РАН совместно с группой норвежских и финских археологов в Нокуевском заливе Баренцева моря. Ещё одна группа жилищ была исследована в ходе спасательных раскопок в Териберском заливе. По характеру расположения и элементам конструкции наши жилища ничем не отличаются от известных в Северной Норвегии (тип грессбаккен), что позволяет использовать накопленный зарубежными коллегами опыт при описании и классификации построек. Для Лапландии, где часто культурный слой памятников содержит находки совместно от каменного века до эпохи раннего железного века, даже средневековья, жилища играют роль «закрытых» комплексов, что важно для разработки вопросов хронологии и периодизации древностей. Помимо этого, исследование жилищ позволяет решать вопросы о формах хозяйствования, реконструкции социальной структуры первобытных обществ и многие другие¹⁷.

В 2001–2005 гг. КолАЭ ИИМК РАН совместно с МАЭ РАН было возобновлено исследование уникального Кольского Оленеостровского могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Раскопки принесли качественно новые данные о погребальных традициях древнего населения, расширили фактическую базу для решения антропологических вопросов,

16. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера / *Rock Carvings of Kanozero*. СПб., 2012; Шумкин В. Я. Наскальные изображения р. Умбы: Новый уникальный комплекс Северной Европы // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. С. 88–107; Он же. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 1990. С. 34–43; Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland // *Fennoscandia archaeologica*. 2000. Vol. 7. P. 53–67.
17. Шумкин В. Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии*. М., 1988. Вып. 193. С. 9–14; Он же. Этногенез саамов (археологический аспект) // *Происхождение саамов*. М., 1991. С. 129–149.

прежде всего проблемы происхождения саамов¹⁸. Значительное увеличение палеоантропологических материалов, современное изучение всей краниологической серии¹⁹, применение новых методов анализа (в том числе сравнение палеодНК) свидетельствуют о крайней специфичности древних «оленеостровцев»²⁰. Со времён А. В. Шмидта кольская археология получила надёжный вектор развития, при котором приветствуются, применяются, тщательно изучаются и проверяются самые современные методы и новые данные смежных дисциплин²¹. Сейчас в стадии подготовки коллективная монография по этому уникальному некрополю, в которую войдут все материалы, полученные за 90 лет со дня его открытия.

Но как и когда произошло инициальное заселение этих арктических территорий, каков был исторический путь развития первопродходцев и их потомков? Рассмотрим, правда, в самом сжатом, эскизном виде процессы, используя только проверенные, достоверные источники, без отвлечения на лживые, псевдонаучные измышления эзотериков.

Первые поселенцы проникают на полуостров Сконе южной Швеции в самом конце плейстоцена/раннем голоцене (не позднее 12 тыс. лет назад) с территории северогерманской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полоски норвежского побережья, способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием благодатного Гольфстрима и использование водного транспорта, что косвенно подтверждается очень ранним заселением удалённых островов в неза-

-
18. Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И. Новые археологические и антропологические данные исследования могильника на Большом Оленьем острове Кольского залива Баренцева моря // *Человек в культурной и природной среде*. М., 2007. С. 130–139; Хартанович В. И., Моисеев В. Г. Антропологический состав древнего населения Кольского полуострова (по краниологическим материалам могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // *Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие*. СПб., 2012. С. 153–159; Der Sarkissian C., Balanovsky O., Brandt G., Khartanovich V., Buzhilova A., Koshel S., Zaporozhchenko V., Gronenborn G., Moiseyev V., Kolpakov E., Shumkin V., Alt K. W., Balanovska E., Cooper A., Haak W. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // *PLoS*. 2013, *Genet* 9 (2). С. 344.
 19. Хартанович В. И., Моисеев В. Г. Антропологический состав древнего населения Кольского полуострова...
 20. Der Sarkissian C., Balanovsky O., Brandt G., Khartanovich V., Buzhilova A., Koshel S., Zaporozhchenko V., Gronenborn G., Moiseyev V., Kolpakov E., Shumkin V., Alt K.W., Balanovska E., Cooper A., Haak W. Ancient DNA Reveals... С. 34.
 21. Шумкин В. Я., Сапелко Т. В., Лудикова А.В., Мурашкин А. И. Комплексное исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря // *Квартер. Сыктывкар*, 2005. С. 470–471.

мерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей. Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы (культура комса) уже 10 тыс. лет назад достигли арктического побережья Лапландии. Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже некоторой деградацией материальной культуры, но тем не менее сохранили свои древние мировоззренческие традиции, о чём свидетельствуют крупномасштабные петроглифы этого времени и несколько более поздние писаницы²².

Определённое поступательное развитие начинается с благоприятными изменениями климатических условий, позволившими к началу неолита (6,5 тыс. лет назад) заселить практически все регионы Лапландии. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Более существенными становятся признаки активной приморской адаптации (морской зверобойный промысел). Все эти изменения оказывали наряду с природными и социальными факторами значительное стабилизирующее воздействие.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. лет назад), чрезвычайно важный, интересный и во многом определивший последующее развитие период истории населения Северной Фенноскандии. Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными крупными углублёнными жилищами. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных

22. Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // Советская археология. М.–Л., 1940. Вып. 5. С. 107–143; Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia archaeologica. 2000. Vol. 7. P. 53–67.

устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных углублённых жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки подтверждается присутствием лодок-кережек, в качестве гробовиц, в погребальной практике Кольского Оленеостровского могильника²³.

Всё это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (поворотный гарпун) обеспечивало постоянный достаток, даже изобилие продуктов жизнеобеспечения прибрежным жителям – охотникам на морского зверя Северной Фенноскандии. Некоторые различия приморского и континентального населения, проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне. Это позволяет считать обитателей разных экологических ниш носителями единой Лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно-культурными типами.

Успешное эволюционное развитие и достигнутое благополучие высокоспециализированных морских охотников были внезапно, около 2 тыс. лет назад, прерваны новым изменением климатических условий, выразившимся в похолодании и увеличении влажности. Для многих коллективов данные процессы обернулись трагедией. Уцелевшие остатки некогда крупных сплочённых приморских и континентальных сообществ, разделившись на мелкие группы, переходят к бродячей охоте в горных и лесных районах. Вскоре они оказываются втянутыми в сферу меновой торговли с южным населением, осваивающим производящую экономику. Основным эквивалентом «импорту» могли быть шкуры пушных животных. Подобная деятельность требовала постоянных перемещений и выбора нетрадиционных мест обитания. Данные процессы привели к модификации культуры, утрате определённой части её собственных черт. Явный упадок традиционной жизнедеятельности местного населения не был столь однозначен для общества в целом. Усвоение не позднее середины I тыс. навыков и развитие особого («экологически малозатратного») типа оленеводства возымели далеко идущие последствия в будущем.

Раннее средневековье характеризуется наступлением даннических отношений. Одновременно формируется система циклических перекочёвок, начинается этническая и социальная консолидация на базе зимних погостов – сийтов. Саамское население, осознав практически

23. Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартанович В. И. Новые археологические и антропологические данные исследования могильника на Большом Оленьем острове... С. 130–139.

суперспециализацию, в данных природных условиях чреватую губительными последствиями, встало на путь выработки новой стратегии, приведшей к комплексному типу хозяйства (сочетание рыболовства, оленеводства, морской и сухопутной охоты) и образа жизни, определяемого циклическими переключёвками, позволяющими рационально, планомерно и результативно, без особого давления эксплуатировать несколько экологических ниш (лесные, горные районы, тундровое пространство, побережье). Отказ от магистрального «производительного» пути развития сопровождался снижением жизненного уровня, сокращением до минимума потребностей и прибавочного продукта, вёл к зависимому положению от вождистских сообществ.

К настоящему времени общее количество зафиксированных на Кольском полуострове памятников достигло шестисот. Признавая историческую ценность всех археологических объектов, можно выделить имеющие всемирно-историческое значение, волею судеб сохранившиеся на Мурманской земле, и обозначить наиболее выдающиеся открытия и достижения кольской археологии:

1. Единственные в Российской Арктике писаницы (рисованные изображения) на полуострове Рыбачий (8 тыс. лет назад).

2. Уникальный для Евразийского Заполярья могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (3,5 тыс. лет назад) с превосходным по сохранности антропологическим материалом и богатейшим погребальным инвентарём.

3. Петроглифы (выбитые изображения) на р. Поной (Чальмн-Варрэ) и на Канозере (6 тыс. лет назад), по уникальности фигур, разнообразию сюжетов и свидетельствам взаимодействия древних культур заметно выделяющиеся даже на фоне всемирно известных аналогичных памятников Скандинавии и Карелии.

4. Поселения и жилища (8–3 тыс. лет назад) с хорошо сохранившейся органикой и конструктивными элементами, чрезвычайно редкими составляющими археологических памятников Европейского Севера.

5. Лабиринты – каменные спиралеобразные наземные сооружения на морских побережьях.

6. Саамские и поморские культовые и хозяйственные объекты, свидетельствующие о системе мировоззрения и способах адаптации местного населения.

7. Самые масштабные (4000 кв. м, 26 жилищ, более 150 000 артефактов) в Российской Арктике планомерные раскопки древнего догосударственного поселения, проведённые в 2010 г. в районе посёлка Териберка (Кольский район).

8. Организация и установка защитного прозрачного сооружения («Купол») над самым крупным (около 600 изображений) собранием петроглифов Канозера (группа Каменный 7).

Эти краткие экскурсии представлены для понимания вектора развития кольской археологии и объёма достижений по изучению древней истории края. Но есть и серьёзные проблемы по сохранению, изучению и популяризации археологического наследия. Они многоплановы и должны решаться разными средствами:

1. Часто встречаемое среди населения безразличное, а иногда даже варварское отношение к своему археологическому наследию, обычно исходящее из слабого знания местной истории. Помочь в этом должна активизация творческой деятельности специалистов по подготовке и публикации интересных, правдивых, не академически сухих (но обязательно рецензируемых высококвалифицированным экспертным советом) научно-популярных книг, брошюр для широких слоев населения. Уверен, потребность в этом и интерес к подобным изданиям превеликие. Давно назрело время для издания хорошо иллюстрированного научно-популярного периодического журнала по археологии, где бы публиковались в доступном виде все самые свежие новости и открытия. Во всех скандинавских странах они существуют и пользуются очень большой популярностью как у специалистов, так и среди остальных граждан. Вероятно, поэтому уважение к древним памятникам там несравненно выше, чему, правда, способствуют и жёсткие законы, которые зарубежное население, в отличие от нашего, неукоснительно соблюдает.

2. Несоблюдение коммерческими и государственными строительными организациями, в отличие от зарубежных корпораций, законов об охране археологического наследия, стремление «обойти» их разными путями. Чтобы навести здесь порядок, необходимо интенсифицировать деятельность местных органов охраны памятников (в первую очередь проведение мониторингов), укрепить эти структуры квалифицированными кадрами, усилить ответственность, поднять их престиж и предоставить им больше полномочий по контролирующим и исполнительским функциям. Возродить так славно себя проявившую в 20–30-х гг. прошлого века и разгромленную сталинским режимом как не соответствующую большевистским идеологическим положениям широкую сеть краеведческих организаций в малых городах России, снабдив их соответствующей литературой, информацией и современными средствами коммуникаций.

Существует и ещё одна очень опасная для охраны и научного изучения археологического наследия проблема, связанная с калечащей

сознание населения «деятельностью» эзотериков и оккультистов, которые, пропагандируя лженауку, называют себя «независимыми историками»²⁴. Им кажется, что до них ничего не делалось по данной тематике, и они как «пионеры» изучения человечества могут помещать его в немыслимые условия, направлять по несуразным, выдуманному маршрутам, не взирая, а скорее не зная реальности временных параметров и природных ситуаций. А началось это, пожалуй, с мистиков конца XIX – начала XX вв. Среди них основатель теософического движения религиозный философ Е. Блаватская. К её последователям можно отнести и оккультиста, исследователя телепатии А. Барченко. Став сотрудником спецотдела ОГПУ, он по заданию своего начальника, чекиста Г. Бокия, в начале 20-х гг. прошлого века возглавил экспедицию в центр Кольского полуострова. Целью было изучение шаманских обрядов, практик и особенно загадочного массового гипноза (мереченье) у местного саамского населения. Но экспедиция вместо этого занялась поисками «допотопных» цивилизаций, а именно – Гипербореи.

«Результаты» экспедиции и трагическая судьба А. Барченко (расстрелян в 1938 г. своими товарищами чекистами) привлекли внимание некоторых настроенных на эзотерический лад «исследователей», среди них на первом месте по активности и плодовитости стоит В. Дёмин. Жизненный путь этого выпускника МГУ крайне извилист. Начав с изучения и пропаганды марксистско-ленинской философии, «подсел» на каббалу и, увлечшись (одновременно?) философскими принципами русского космизма, ближе к рубежу тысячелетий полностью перешёл на эзотерические позиции, не столько обогатив, сколько разрекламировав гиперборейскую псевдонаучную «теорию» А. Барченко. После кончины (2006 г.) В. Дёмина более активно стали проявляться «деяния» его апологетов или иных приверженцев «альтернативной» истории (например, мурманчан Л. Ефимовой и В. Трошина, питерцев С. Голубева и С. Жарниковой). Все они объединены целью написать новую историю Севера, но пути и способы достижения их разнятся. Мурманчан можно считать энтузиастами. Они осуществляют свои поиски на Кольском Севере вместе с такими же любителями за счёт личных средств, иногда с привлечением спонсоров. Нередко добавляют к гиперборейству ещё и «идеи» гиммлеровского «Аненербе», правда, никогда не сознаваясь в этом.

24. В дальнейшем я преднамеренно не привожу ссылки на лженаучные «публикации», чтобы избежать распространения этой «литературы». При необходимости для подтверждения лишь отсылаю прямо в статье к информационному источнику.

Питерцы действуют более широко и на вполне официальной основе. Так, С. Голубев является председателем откровенно исповедующей и широко пропагандирующей оккультно-эзотерические «верования» Комиссии научного туризма (КНТ) Русского географического общества (РГО). И это происходит в стенах столь уважаемой во всём мире, старейшей (с 1845 г.) российской общественной научной организации, среди членов-учредителей которой К. Бэр, В. Даль, И. Крузенштерн, Ф. Литке, В. Струве, возглавляемой ныне С. К. Шойгу, при главе Попечительского совета В. В. Путине²⁵. Странное «научное» подразделение РГО, откровенно мистического, псевдонаучного направления. При отсутствии в составе КНТ квалифицированных специалистов и даже без привлечения их из научных учреждений реальностью остаются лишь наукообразные поиски и провозглашение выдуманных сенсаций. С. Голубев занимается организацией «экспедиций», в основном на Русский Север, киносъёмкой фальсифицированных открытий, распространением их в печати, лекциях, фильмах. Среди «эпохальных сенсаций» как свидетельств существования мифической Гипербореи 20 и более тысяч лет назад – размещение её населения на землях, в то время покрытых ледником, «нахождение» тронов, святилищ, укреплений на островах Белого моря, сейдов, древних обсерваторий, пирамид, пути движения ариев из Заполярья в Индию и даже омфал – «пуп земли» на Кольском полуострове.

Впрочем, такие «открытия» характерны абсолютно для всех «гиперборействующих»: мурманских, питерских, уральских, как и то, что эзотерики не приемлют применения уже существующих научно апробированных возможностей и методов отделения (трасология, например) естественных природных образований, объектов от рукотворных сооружений, предметов, объектов, «чужаются» таких экспертиз, понимая, что «сенсации» будут тут же опровергнуты. В действующей Концепции КНТ РГО от 1995 г. недвусмысленно перечислены выполняемые работы: «Поиск, изучение и реставрация памятников древних цивилизаций, святилищ и храмов, археологические раскопки, поиск затонувших кораблей и исторических кладов». При этом подобные организации не обременяют себя разрешительными документами на полевое исследование археологического наследия (Открытые листы от Министерства культуры РФ), делая вид, что это их не касается.

Так в чём же преуспели «гиперборействующие» группы, организации после А. Барченко? Как видим, всё уже было придумано тогда,

25. Информация с официального сайта РГО: <http://www.knt.org.ru/>

кроме, пожалуй, астролого-астрономических «выкрутасов» и расширения ареала пресловутой страны Гипербореи на Северный полюс (основываясь на загадочной карте Герхарда Меркатора, опубликованной после его смерти в 1595 г.) и Соловецкий архипелаг. И это за прошедшие с тех пор почти 100 лет. Впрочем, в «заслуги» современных адептов лженауки следует поставить безграничное понимание термина «цивилизация», который у них применяется и для первобытных общин палеолитических охотников, заменив понятие «археологическая культура», и надделение фантастическими способностями гиперборейских обитателей (левитация, невиданные технические и социальные достижения) и, конечно, их влияние как демиургов на население всей Земли.

Дискутировать с ними крайне сложно по причине демагогического утверждения ими своей правоты и априорного неприятия любых, даже твёрдо установленных научных фактов. Это зорко подметил уже 45 лет назад Василий Макарович Шукшин в прекрасном и, как сейчас становится понятно, назидательном рассказе «Срезал», талантливо описав «дискуссию» Глеба Капустина, «начитанного и ехидного» мужика, нахватавшегося «газетной» информации демагога, с четой научных работников Журавлёвых «о проблеме шаманизма в отдельных районах Севера» и контактах с инопланетянами. Здесь уместно привести ещё и сентенцию Анатоля Франса: «В медленном и неслаженном продвижении человеческого рода вперёд начало каравана уже вступило в сияющие области науки, тогда как хвост его ещё плетётся среди густого тумана суеверий, в тёмном краю, наполненном злыми духами и привидениями». Печально, но в этом «хвосте» в России оказалась немалая часть населения, которое под давлением агитации СМИ и неконтролируемой псевдонаучной книжной продукции систематически подвергается оболваниванию. Очевиден ажиотажный всплеск эзотерических веяний, в которых, помимо Гипербореи и ариев, особенно достаётся лабиринтам, «северным пирамидам», сейдам, святилищам, на юге – дольменам. Многие ТВ-каналы, не только коммерческие, что вполне понятно, но и государственные, иногда даже «Культура», рекламируют их «идеи и деятельность» без соответствующих комментариев. По меткому выражению Александра Исаевича Солженицина, «вслед за красным колесом по России покатилося жёлтое колесо». Даже президент Путин обратил на это внимание: «Нужно убрать всё то, что дискредитирует научное сообщество, снижает его авторитет. Тем более следует быть нетерпимым к тем, кто паразитирует на науке. И здесь хочу отметить принципиальную позицию членов

Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований»²⁶.

Однако в своих северных «исследованиях» эзотерики нередко получают поддержку не только от РГО, но и от Администрации Мурманской области (до недавнего времени, по крайней мере), от Госкомсевера, а архангельские учёные сепаратисты-националисты, привлекаемые в САФУ, с близких позиций, но уже с «политическим уклоном», стремятся «откреститься» от родства с русским народом, называя поморов особой нацией, тяготеющей к братьям-норвежцам²⁷. Как ни странно, лженаучные «теории», далёкие от научного понимания эволюционных и природных процессов, опирающиеся на представление о неких космических силах или «Учителях», неоднократно создававших новые расы и могущественные «цивилизации» многомиллионной древности, часто публикуются без каких-либо комментариев редакции или специалистов на страницах ежемесячного научно-популярного журнала «Наука и религия» (издательство ООО «НИР ЛТД»). Более того, гиперборейский миф и «арийский исход» упорно проторяют себе дорогу в среду высшей российской власти и парламентариев. Панегирическая статья об «арктической прародине» была, например, опубликована в элитном издании «Президент. Парламент. Правительство» (политико-правовой журнал), рассчитанном на парламентариев и высших чиновников. Не получая должного отпора, лженаука всё более нагнет.

Не исключено, что, если оставить всё как есть, она в недалеком будущем сможет подменить собой саму науку. Что же можно и нужно безотлагательно предпринимать в данных условиях?

1. Необходимо сконцентрировать и консолидировать усилия представителей всех профессий и учреждений, заинтересованных в улучшении состояния, изучения, охраны ИКН, археологического наследия, экологии в Арктическом регионе.

2. Обращать особое критическое внимание на торопливые, непроверенные данные и скоропалительные выводы некоторых специалистов из академических учреждений, устремившихся не к кропотливому изучению истории и всесторонней обработке полученных источников, а к провозглашению сенсаций, «масштаба» от местного уровня до арктического и даже «вселенского».

26. Из выступления В. В. Путина на Общем собрании Российской академии наук 22 мая 2012 г.

27. Эта проблема становится тоже актуальной темой, требующей специального изучения и неотложного государственного и общественного обсуждения.

3. Добиваться более строгого отношения учёных, особенно известных в своей области знаний, к участию в сомнительных программах (полевых и телевизионных), где даже высказанные ими достоверные идеи, факты, выводы с «лёгкой руки» режиссёров-коммерсантов могут неузнаваемо преобразаться, трансформироваться в совершенно противоположное.

Этими предложениями актуальные меры противодействия не должны ограничиваться. «Система» открытого типа и каждый, для кого не безразлична, а дорога реальная история Родины, очищенная от лукавых, лживых, надуманных измышлений, часто прикрываемых идеями некоего патриотизма, желанием «возвеличить» далёкое прошлое нашей страны, найдёт, чем достойно послужить своей Отчизне. А величие России и всех создавших её славную историю народов совершенно не нуждается в эзотерических «костылях» поклонников Гипербореи, которые калечат сознание соотечественников и наносят серьёзный урон имиджу страны и её научному авторитету на международном уровне.

СОДЕРЖАНИЕ

Резолюция научно-практической конференции «Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации	3
Алехин В. Д., Бертош А. А. Объекты культурного наследия, связанные с Великой Отечественной войной, на территории Мурманской области	8
Барышев И. Б. Святылища острова Вайгач	16
Белова Е. В., Расулев Ш. А. Наследие Арктики в собрании ФБУ «Музей морского флота»	31
Бодрова О. А. Колежский арктический Север как воображаемое пространство	42
Бочарникова А. В. Этносохраняющая роль традиционного природопользования на примере оленеводства Ямало-Ненецкого автономного округа в современных условиях	52
Винокурова У. А. Феномен человека криолитозоны	60
Головнёв А. В. Кочевая традиция как культурное наследие Арктики	69
Гусев С. В. Музей на перекрёстке двух континентов: Найван, Сиклюк – Китовая аллея, Аван, Путурак (Провиденский район, Чукотский автономный округ)	84
Едовин А. Г. Коллекция экспедиций Б. Ли Смита, Ф. Джексона и У. Уэлмана в фондах ГБУК АО «АКМ»	95
Киселёв М. Ю. Документы о доисторических находках советских учёных в Арктике в фондах Архива Российской академии наук	106
Кулешова М. Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг	115
Кухтерин С. А. Памятники археологии освоения Русской Арктики. Проблемы изучения, сохранения, популяризации	129
Малинин П. Ю. Охрана объектов культурного наследия как функция документов пространственного планирования	139
Огнетова М. Б. Сохранение исторической памяти об освоении Арктики (на примере культурно-просветительских проектов)	153
Парыгина Д. В. Ресурсы Президентской библиотеки как источниковая база для изучения культурного наследия Арктики	160
Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики	173
Портнова Д. Д. Роль национального парка «Онежское Поморье» в изучении и сохранении культурного и природно-культурного наследия Онежского полуострова	193
Радушинский Д. А. Возможность получения синергетического эффекта при реализации мероприятий по совместному международному продвижению проекта Арктического кластера и экологически ориентированного подхода по освоению арктических территорий	204
Романенко Ф. А. Историко-культурное наследие Арктики: опыт инвентаризации	212
Силин В. И. Две похожие непохожие судьбы. О сохранении деяний писателя К. Д. Носилова и художника-писателя А. А. Борисова	227
Тотонова Е. Е. Влияние развития туризма на сохранение природного и культурного наследия Арктики (на примере Усть-Ленского государственного природного заповедника)	237
Терещенко Е. Ю., Фёдоров П. В. Культурное наследие Арктики в новом интернет-ресурсе	246
Федотовских А. В. Меры социально-экономической поддержки для сохранения традиционного хозяйствования и уклада жизни коренных народов Севера	252
Филин П. А. Об основных задачах и подходах к разработке Концепции сохранения культурного наследия Арктической зоны Российской Федерации	262
Шумкин В. Я. Проблемы сохранения археологического наследия Северо-Запада Российской Арктики	275

POLAR READINGS ON THE ICEBREAKER KRASSIN – 2016
 CULTURAL HERITAGE IN THE ARCTIC: PROBLEMS OF STUDY, PRESERVATION AND
 POPULARIZATION

Resolution of practical conference “Polar Readings on the icebreaker “Krassin” – 2016. Cultural heritage in the Arctic. Problems of study, preservation and popularization” (St. Petersburg, April 28–29, 2016)	3
Alekhin V. D., Bertosh A. A. Cultural heritage sites connected with Great Patriotic War in Murmansk region	8
Baryshev I. B. The sanctuaries of the Nenets on Vaigach	16
Belova E. V., Rasulev S. A. The Maritime Fleet Museum collections (Moscow)	31
Bodrova O. A. The Kola Arctic North as imaginary space.	42
Bocharnikova A. V. The role of traditional environmental management in preservation of the ethnic group in modern conditions (an example of reindeer husbandry in Yamalo-Nenets Autonomous region).	52
Vinokourova U. A. The concept of “human of the cryolithozone (permafrost zone)”.	60
Golovnev A. V. Nomadic tradition in the Arctic cultural heritage	69
Gusev S. V. The Museum at the crossroads of two continents: Nivan, Sikluk – “Whale alley”, Avan, Poturak (Providenskiy rayon, Chukotskiy Autonomous Okrug).	84
Edovin A. G. The collection of B. Lee Smith, F. Jackson and W. Wellman expeditions in the holdings of “Arkhangelsk Regional Lore Museum”	95
Kiselev M.Yu. Documents about the prehistoric discoveries of Soviet scientists in the Arctic in the collections of the archive of the Russian Academy of Sciences	106
Kuleshova M. E. The concept of the cultural landscape for the purposes of heritage preservation and evaluation of management decisions. Solovetsky archipelago	115
Kukhterin S. A. Archaeological monuments of development of the Russian Arctic. The study, conservation, popularization	129
Malinin P.Yu. Protection of objects of cultural heritage as function of documents of spatial planning	139
Ognetova M. B. The preservation of historical memory about the development of the Arctic (for example, cultural and educational projects)	153
Parygina D. V. Resources of the Presidential library as a source base for the cultural heritage of the Arctics	160
Pitulko V. V., Pavlova E. Y. Problems of study and preservation of antiquities in the East Siberian Arctic	173
Portnova D. D. The role of the national Park “Onezhskoye Pomorie” in the study and preservation of cultural and natural heritage of the Onega Peninsula	193
Radushinsky D. A. On the feasibility of including the Arctic cluster project in the long-term environmentally-oriented program of development of Arctic territories	204
Romanenko F. A. Historical and cultural heritage of the Arctic: the experience of inventory	212
Silin V. I. Two similar and dissimilar fate. About the heritage of the writer K. D. Nosilov and the artist-writer A. A. Borisov	227
Totonova E. E. The impact of tourism development in the preservation of natural and cultural heritage of the Arctic (by the example of Ust-Lensky Nature Reserve)	237
Tereschenko E. Yu., Fedorov P. V. The cultural heritage of the Arctic in a new online resource.	246
Fedotovskikh A. V. Methods of social and economic support for preserving of traditional managing and life of indigenous people of the North	252
Filin P. A. On The Fundamental Problems and Approaches to the Development of the Concept of Preservation of the Cultural Heritage of the Russian Arctic	262
Shumkin V.Ya. Problems of preservation of the archaeological heritage North-West of the Russian Arctic	275

Полярные чтения
на ледоколе «Красин» – 2016

Статьи публикуются в авторской редакции.

Ответственный редактор ФИЛИН П. А., к. и. н.

Редактор выпуска ЕМЕЛИНА М. А., к. и. н.

Макет ГРИЦ Н. Н.

Вёрстка ЛИТВИНЕНКО А. В.

Корректор РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. Ю.

Обработка иллюстраций БЕЛЯЕВ В. А.

Издательство «Паулсен». 107031, Москва, Звонарский пер., 7

Тел. (495) 624-86-05, www.paulsen.ru

Подписано в печать 06.06.2017. Формат 70 x 100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98797-158-1

9 785987 971581 >